

МОСКВА

ЧЕРЕЗ ПЕСНИ — ОБ ИСТОРИИ СТРАНЫ

ВЛАДИМИР
МАРОЧКИН

РОК

РОК-МУЗЫКА
В СТОЛИЦЕ:
ПАРОЛИ
ЯВКИ

— Н —

ТРАДИЦИИ
МОДА

РОПЛЯЛЬНАЯ

Владимир Марочкин

**Москва рок-н-рольная.
Через песни – об истории
страны. Рок-музыка в столице:
пароли, явки, традиции, мода**

«Центрполиграф»

2014

Марочкин В.

Москва рок-н-рольная. Через песни – об истории страны. Рок-музыка в столице: пароли, явки, традиции, мода / В. Марочкин — «Центрполиграф», 2014

Существует пушкинская Москва и лермонтовская Москва, Москва мистическая и Москва историческая... Каждый закоулок Первопрестольной связан с каким-нибудь известным именем или событием. А у российских рокеров тоже есть своя Москва, со своими тайнами, радостями и приключениями! В книге Владимира Марочкина речь о рок-н-рольной столице. События разворачиваются во второй половине века минувшего, ведь именно тогда в стране началось время биг-бата и битломании, в Лужниках прошли первые рок-фестивали и концерты, завертелась и закружилась в стране рок-н-рольная жизнь. Вместе с героями повествования мы спустимся в дважды герой рок-н-ролла подвал на Соколе, посетим запрещенные «квартирники», забредем в знаменитое кафе «Ли́ра», заглянем в МЭИ – кузницу отечественного рока – и легендарный Физтех. Выйдем на Раушскую набережную к ДК «Электрик», где репетировали группы «Цветы», «Скоморохи», «Второе Дыхание» и «Машина Времени»... Прочувствуем через песни историю города, вскроем явки и рассекретим пароли, познакомимся с музыкантами и публикой. Вас ждет удивительное путешествие по необъятной рок-н-рольной Москве. В путь!

© Марочкин В., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Вокзалы	6
Танец начался у трёх вокзалов	10
Улица Горького и её псевдонимы	16
Подвал на Соколе – дважды герой рок-н-ролла	26
«Соколиная» охота	33
Рок-н-ролл на Юго-западе	43
Москва и «Москвичи»	74
Парк культуры	79
Студенческий рок	88
Часть 1. Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана (МВТУ)	88
Часть 2. Московский энергетический институт (МЭИ)	98
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Владимир Владимирович Марочкин Москва рок-н-рольная. Через песни – об истории страны. Рок-музыка в столице: пароли, явки, традиции, мода.

© Марочкин В. В., 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2014

О! Москва, ты распахнула свои крыла над всеми нами. Мы же заполнили собой все твои улочки и переулки. Наверное, каждый твой закоулок связан с каким-нибудь известным именем. Существуют такие понятия, как пушкинская Москва или лермонтовская Москва, и во всех школьных учебниках рассказывается, как Александр Сергеевич гулял по Арбату, а Михаил Юрьевич бежал за барышнями на Знаменке.

Но у российских рокеров тоже есть своя Москва, с тайнами, радостями и приключениями.

Вокзалы

Для многих людей Москва начинается с вокзалов. Приезжает ли человек в Москву в первый раз, возвращается ли с гастролей домой, первым его встречает вокзал. Я люблю вокзалы. Мне приятна их эйфорическая суэта, она кажется мне прелюдией к чему-то необыкновенному...

Приближение большого города чувствуется издалека. Вот чаще стали попадаться станции, перроны и шлагбаумы, перегораживающие шоссе. Больше стало на перронах людей. Толкаясь и спеша, они стремятся в открывающиеся двери электричек, которые, в свою очередь, изо всех сил стараются обогнать наш поезд и первыми прибыть на станцию.

Вместе с толкотнёй людей и электричек за окном учащается пульс, начинает сбиваться дыхание. Близко Москва!

Стали появляться знакомые названия.

Быково – я улётал отсюда в разные города Советского Союза.

Малаховка – без малаховских генеральских дач не обходился ни один старый советский детектив.

Мелькают Красково, Томилино. Стучат колеса:

Ещё чуть-чуть,
Ещё чуть-чуть...

Вот промелькнула платформа с рокерским названием Панки. (Вообще-то старые москвичи ставят ударение в этом названии на последнем слоге, но после 1977 года, когда в мире появился панк-рок, подсознание само, без посторонней подсказки, переставляет ударение на первый слог.)

Проскочили Люберцы, Косино. На горизонте, который стремительно приближается к окнам вагона, вырастает белая стена из красавцев домов. Говорят, что Москва белокаменная. Да, это так.

Вдруг окна ближайших домов вспыхивают оранжевым пламенем. Пылает этаж, за ним – квартал. Жар теснится в груди. Что это? Пожар?! Да нет! Это утреннее столичное солнце, оранжево отражаясь в стёклах, встречает жителей и гостей столицы.

Проводник заглядывает в купе: «Возьмите ваш билетик!» Или: «Вы уже попили чай? Я заберу ваш стакан?»

Ах, да забирайте скорей, только дайте насладиться приближающейся Москвой! Она уже окутала меня своим шармом.

Вот мы пронеслись над речкой Яузой.

Дальше остаются два туннеля, сначала маленький, за ним – большой, и сразу – Казанский вокзал.

«До свидания!» – хрипит радио.

Здравствуй, Москва!

Вот так из Сургута в Москву в мае 1977 года приехала легендарная группа «Крузиз». (Впрочем, в то время называлась она ещё не «Крузиз», а «Кордиал», и, чтобы добраться до «Крузиза», музыкантам нужно было ещё разгадать целую шараду разных названий.) Ребята из «Кордиала» ехали поездом, потому что везли с собой звуковую аппаратуру, которая занимала два отдельных купе в вагоне.

«Мы приехали на Казанский вокзал, – рассказывал певец **Александр Монин**. – Всех рассадили по автомобилям и повезли в гостиницу „Россия“, где для нас были забронированы номера. В Москве я бывал и раньше, так что высотными домами меня удивить было нельзя,

я всё-таки не мальчик из тундры. Но в этот раз мы приехали не в гости, не в турпоездку, нас обуяла особая гордость, так как мы ехали в Москву на работу. Но всё равно мы были восхищены открывшейся нам красотой! Был месяц май, вся Москва утопала в зелени, машин тогда ещё было мало. Мы ехали по набережной Москвы-реки, впереди открывалась невероятная красота: Кремль, Красная площадь, да и сама гостиница „Россия” была тогда белокаменной, ультрасовременным современным зданием.

Но вот заезжаем мы во внутренний дворик, и перед нами открывается совсем другая „Россия”: вся в копоти, с чёрными, облупленными стенами. Оказывается, совсем недавно в гостинице случился страшный пожар, во время которого люди прыгали с 19-го этажа, обернувшись в матрасы, – таким образом они надеялись спастись. Горничные рассказывали нам, как ломались лестницы, как люди падали с верхних этажей. И в коридорах, и вокруг здания все ещё стоял запах пожара.

Но всё равно было здорово, и мы были счастливы! Мы просыпались под бой курантов! Делая утренний променад, ходили гулять на Красную площадь. А вскоре начался кинофестиваль. Поскольку мы репетировали здесь же, в „России”, то у нас были спецпропуска, благодаря которым мы могли ходить где угодно. И едва заканчивалась репетиция, мы отправлялись смотреть кино. Это было большое культурное потрясение. Даже московский мальчишка, которого тогда пустили бы бродить по „России”, испытал бы настоящий шок, ведь по коридорам ходили разные мировые знаменитости, которых до этого мы могли видеть только на экране да на журнальных фотографиях.

В августе мы сдали программу и в сентябре уехали на работу в Благовещенскую филармонию. Наша группа теперь называлась „Магистраль”, это название отобрали у Юрия Антонова и дали нам...»

Той же дорогой, но десять лет спустя, покорять Москву приехали **Дмитрий Ревякин** и его соратники по группе «Калинов Мост».

Дима рос в Забайкалье и воспитывался, слушая пластинки советских вокально-инструментальных ансамблей, которые через систему Посылторга выписывал его отец. Западная музыка доходила до него через журнал «Кругозор», в приложении к которому на гибкие пластинки записывались все основные хиты тех лет. Там был и Элтон Джон, и Пол Маккартни, и Вее Gees, и Вассага. Начиная с 8-го класса юноша стал играть на танцах в составе местного ансамблика, который исполнял хиты, услышанные на этих пластинках. Но любимыми у Димы были песни группы «Цветы». Жизнь была интересная и насыщенная.

С русским роком Ревякин познакомился только в 1982 году, когда учился в институте в Новосибирске. Тогда ему в руки попала плёнка с записью магнитоальбома группы «Зоопарк» «Blues de Moscou». Потом он раздобыл записи групп «Урфин Джюс», «Кино» и «Аквариум», пришло время – познакомился и подружился с Костей Кинчевым, а Башлачёв, приезжая в Новосибирск на гастроли, и вовсе останавливался у Ревякина дома.

Все эти годы Диме не давала покоя песня Майка о Москве. Почему Майк поёт о том, что «нас здесь никто не любит, а мы не любим их»? С подсознательным желанием разгадать эту загадку он и отправился в Москву. Сибирские музыканты воспринимали себя как возмутителей порядка и задачу перед собой ставили всегда одну – покорить Москву. Тем более что «Калинов Мост» тогда исполнял действительно необычную музыку – разученный в Сибири блюз, помноженный на словотворчество в традициях Велемира Хлебникова.

В сентябре 1987 года на фестивале в Подольске перед изумлённой публикой неожиданно предстала группа небывалой творческой мощи. Но удача улыбнулась «Калинову Мосту» после выступления на презентации фильма «Асса», когда Стас Намин предложил ребятам сотрудничество со своим музыкальным центром. Это предложение гарантировало возможность репетировать и записывать качественные студийные альбомы. Однако продолжение было как в той

самой песне Майка: «В Сокольниках и в центре один крутой облом...» Переход к профессиональной жизни сопровождался психологическими потрясениями, потому что, несмотря на обещанную Стасом Наминым поддержку, музыкантам пришлось преодолевать многочисленные материальные и бытовые трудности. Не было ни работы, ни концертов, а значит – ни денег, ни уюта. Ночевали, теснясь у друзей и знакомых, то в маленькой квартирке Инны Желанной в Хамовниках, то в общагах у приятелей-новосибирцев.

Когда за окнами занимался рассвет и наступал новый день, Ревякин собирался и уходил куда глаза глядят. Целыми днями он бродил по улицам Москвы без цели и без расчёта, просто любовался чудесными переулками, о которых мечтал с детства. Кривые московские улочки поворачивались перед Ревякиным то одним боком, то другим, и каждый раз перед Димой будто кулиса раскрывалась, являя ему всё новые и новые сцены из другой, неизвестной ему дотоле жизни. И пока он так ходил, рождались песни, такие же медленные и неспешные, как дни, которые он проводил, слоняясь по Москве.

«Да, был стресс, – вспоминал позже Дима. – Но вообще в этот период, с конца 1990 года по июль 1991-го, меня просто пёрло, я очень много писал. Я писал каждый день: и песни, и стихи, мог сочинить по три стихотворения в день. Меня, что называется, прорвало. Видимо, те бытовые трудности, с которыми нам пришлось столкнуться здесь в Москве, в такой форме выплеснулись. Бывало, что ребята сидят и пьют чай, а я пишу стихи или песни. Я даже не замечал тех трудностей, что окружали нас, для меня они не существовали, а существовали только музыка, студия – если это запись, тетрадь и ручка – если это пауза в записи...»

Именно так родились пластинки «Выворотень», «Дарза» и «Узарень», которые покорили Москву, а за ней – и всю Россию.

Принято считать, что медленные, протяжные песни Ревякина навеяны меланхоличностью бескрайних российских степей. На самом деле это не так. Те, кто бывал в степи, знают, что, когда степной ветерок ерошит волосы, он напевает настоящую боевую песню, зовущую человека к каким-нибудь активным действиям, тут в пору вскочить на горячего коня и с диким гиканьем умчаться за горизонт. В степи нет места меланхолии. Поэтому лучшие ревякинские песни – это песни бесконечных московских маршрутов.

Борис Гребенщиков однажды рассказал о том, как он впервые ступил на московскую землю: «Первый раз я приехал в Москву в конце семидесятых, вышел из вокзала и был поражён не архитектурой города, а людьми. В метро с кем-то по телефону-автомату разговаривала девушка. И всё в её разговоре было настолько „наружу“, как в кино, и мне тогда показалось, что это какая-то другая жизнь...»

Кстати, ребята из Питера, будь то «Аквариум», «Авиа» или «Алиса», приезжая в 1980-х годах в Москву, на Ленинградский вокзал, первым делом выстраивались в очередь у киоска, в котором торговали фантой в разлив. Всё было у них в Питере – и рок-клуб, и рок-концерты, которые не «винтила» милиция, и рок-хиты, которые становились культовыми песнями по всей стране, а вот фанты не было!

«Я родился в Москве, на Нижней Масловке, – вспоминал **Егор Никонов**, гитарист золотого состава группы „Ва-Банкъ“, – но ещё до того, как я пошёл в школу, моего отца перевели на работу в Мурманск, и там я прожил до 10-го класса – мои родители считали, что ребёнок должен учиться в одной школе, хотя имели возможность уехать оттуда раньше. После окончания школы я прибыл в Москву поступать в МГУ. Больше всего меня поразили... листья на берёзах. За полярным кругом все берёзы карликовые. И высокий человек смотрит на деревья сверху вниз. А тут летом – все деревья большие и покрыты совершенно невероятной листвой!

В принципе мы каждый год ездили в Москву. Но когда ты едешь на автомобиле, то пейзаж меняется постепенно: Карелия, Питер и только потом – Москва. А тут деревья „выросли”

неожиданно. Вот так за 10 лет возможно потерять всякое представление о норме. Мне стало казаться, что все деревья должны быть маленькими...»

Великий магистр Ордена куртуазных маньеристов **Вадим Степанцов** бывал во многих городах и странах, но каждый раз, возвращаясь из этих поездок в Москву, испытывал восторженное чувство полёта: «Когда отъезжаешь куда-то в провинцию, а потом возвращаешься в Москву, то чувствуешь, будто даже воздух тут другой, живой и бодрящий. Здесь и запах свой – типично московский. И своя энергетика. Вышел на перрон – сразу же возникает ощущение бодрости, прилив сил, и чувствуешь, что всё лучшее впереди, и всё, о чём мыслилось и мечталось, возможно!»

Перед разными людьми Москва раскрывается по-разному, но место встречи со столицей у всех всегда одно – вокзалы...

Танец начался у трёх вокзалов

Раньше, приезжая в Москву, я стремился побыстрее войти в метро, чтобы сразу окунуться в море московских запахов и звуков. Нынче же, напротив, я пытаюсь прогуляться пешком до ближайшей остановки троллейбуса. Тем более, как рассказывал **Александр Агеев**, коллекционер, «подпольный писатель», концертный администратор Московской рок-лаборатории, рок-н-ролльный танец в столице начался именно с площади трёх вокзалов. Поэтому когда я иду от Казанского или Ленинградского вокзала вверх к Садовому кольцу, то всё время оглядываюсь по сторонам и прислушиваюсь, стараясь уловить ещё сохранившиеся признаки тех первых рок-н-рольных времён.

Ага, вот и улица Маши Порываевой, где мой старинный приятель Саша Агеев провёл свои школьные годы. Впрочем, на заре рок-н-ролла эта улица носила другое название – Домниковка. Улицу переименовали только в 1965 году, когда страна готовилась праздновать 20-летие Победы и красные следопыты выяснили, что в угловом доме жила отважная партизанка Маша Порываева, погибшая в августе 1942 года. Местные жители тогда возмущались по поводу переименования, только никто, конечно, не стал их слушать, так как эпидемия «военных» переименований катилась по всей столице.

Саша жил в большой коммунальной квартире дома № 4, соседнего с домом, где до войны жила Маша. Но все его школьные тусовки проходили в просторном дворе дома № 8, где и собралась та небольшая компания, район деятельности которой распространялся от трёх вокзалов до Самотёки и в другую сторону – до Красных Ворот. В этом доме жил Сашин одноклассник Коля по прозвищу Индеец, и у него был магнитофон «Дніпро» – редкая в то время вещь. Лишь заканчивались уроки, приятели отправлялись к Коле домой слушать записи. По правде говоря, этот магнитофон принадлежал вовсе не Коле, а его старшему брату, который категорически запрещал Индейцу дотрагиваться до магнитофона и, уходя на работу, запирали свою «святыню» в шкаф. Но лишь за братом закрывалась дверь, Индеец ножом поддевал замок, открывал шкаф и доставал оттуда магнитофон и коробки с плёнками. Тогда ребята рассаживались кружком вокруг волшебной техники и слушали чудесные песенки в исполнении певиц Риты Павоне, Конни Фрэнсис и Бренды Ли.

А потом Колькин брат принёс записи «Битлов». Это был альбом «Meet the Beatles». До приятелей, конечно, уже дошли слухи, что The Beatles – круто, что это по всему миру катит! Еле дождавшись, пока Колькин брат уйдёт гулять с подружками, ребята отжали замок, достали магнитофон, поставили заветную катушку, врубили – и «Битлы» им не понравились. «Медленно играют чуваки», – поделились они друг с другом.

Но спустя некоторое время, когда в руки Саши Агеева и его друзей попала бобина с записью альбома «Ночь после тяжёлого дня», их реакция оказалась диаметрально противоположной. Особенно их зацепила песня «Can't buy me Love». Они не воспринимали её как обычную музыку. «Can't buy me Love» была для них каким-то необъяснимым, фантастическим явлением.

Позже выяснилось, что точно так же эту песню восприняли и многие другие наши сограждане, недаром «Can't buy me Love» некоторое время служила даже пеленгом для самолётов, которые заходили на посадку в столичных аэропортах. Эта песня давала людям гарантию на счастливое приземление. Аэропортовские умельцы закольцевали «Can't buy me Love» в одну бесконечную песню, и в результате её можно стало слушать по радио сто раз за день – и мальчишки слушали, даже опаздывая в школу, потому что оторваться от приёмника было невозможно.

В одном классе с Агеевым и Индейцем училась девочка. Была она тихая и незаметная, что называется, «серая мышка». Но как-то раз на перемене она подошла к мальчикам и робко спросила:

– Ребята, я слышала, что вы The Beatles интересуетесь?

– Да! – ответили мальчики.

– Я у мамы на столе нашла журнал, в котором есть фотографии The Beatles, – сказала девочка и протянула цветной журнал, в котором потрясённые ребята действительно обнаружили около сотни фотографий «Битлз».

Так скромная и неприметная девочка сразу же получила признание у всех мальчишек в классе.

Ребята эти картинки тут же перефотографировали, напечатали фотокарточки и даже игровых карт понаделали, нарисовав масть авторучкой, – потом торговали ими у трёх вокзалов. На вырученные деньги покупались упаковки жевательной резинки, которая потом в школе обменивалась на новую порцию иностранных журналов.

Вообще девчонки оказались верными товарищами. Они время от времени приносили в школу изысканные у родителей зарубежные журналы мод, на последней странице которых обязательно были напечатаны какие-нибудь «Битлы» или «Роллинги». Бывало, что они просто вырывали страницы с изображением музыкальных кумиров и отдавали их мальчишкам.

Но основным источником информации был, как это ни странно, журнал «Крокодил». Как только в нём напишут, что на концертах западных рок-групп истерики, что музыканты не стригутся и что у них заводятся вши, что «Роллинги» – хулиганы, так мальчишки 60-х сразу делали для себя выводы: жить надо вот так! Журнал «Крокодил» будто нарочно приучал население нашей страны к року.

Однажды мальчишки по привычке отирались у трёх вокзалов, как вдруг заметили, что из гостиницы «Ленинградская» вышла женщина, одетая в белое летнее платье, на котором были изображены четыре «Битла» спереди и четыре «Битла» сзади. Да ещё под каждой лохматой битловской физиономией стояли их автографы! Мальчишки не обратили внимания, была эта женщина старой или молодой. Они просто шли за ней, не в состоянии оторвать взгляда от этого фантастического платья. Но в конце концов женщина почувствовала, что её преследуют какие-то молодые люди, и постаралась побыстрее спуститься в метро...

На класс младше Саши Агеева учился худенький скромный мальчик Игорь Саульский, сын популярного композитора Юрия Саульского. В вестибюле школы стоял рояль, и, как только наступала перемена, ребята просили Игоря сыграть «Чёрного кота». Игорь начинал играть, а когда на крамольные звуки рок-н-ролла из класса выскакивала какая-нибудь недовольная учительница, то ребята ей объясняли, что, мол, «у Игоря очень строгий папа, который заставляет сына играть строго в определённое время по многу раз в день». И так происходило каждую перемену...

Разумеется, в школе проходили различные вечера отдыха, на которых старшеклассники танцевали под проигрыватель. Пока учителя были в зале, звучали вальсы да классика, и школьники сидели с постными лицами, лишь издали посматривая на девочек. Но стоило учителям покинуть зал, как тут же откуда-то доставались гибкие пластинки, сделанные из рентгеновской плёнки, на которых были записаны твисты и рок-н-ролл. И тут все пускались в пляс. А как только кто-то из учителей вновь показывался в дверях, гибкая пластинка накрывалась толстой виниловой пластинкой, и опять звучал вальс. А бывало, что пластинки с рок-н-роллом кто-то просто прятал под рубашку – они же гибкие. Когда же учителя вновь оставляли ребят одних, эти пластинки извлекались из укромных мест, и снова звучал рок-н-ролл...

Естественно, музыка существенно влияла на тогдашнюю моду, и продвинутые школьники никоим образом не желали отставать от современных тенденций. Поскольку длина волос допускалась только определённая, то школьники, чтобы походить на своих любимых «Битлов», начали отрезать у пиджаков воротники. Но если за длинные волосы ученика вызывали на проработку к директору школы, то за ворот, отрезанный от пиджака, на орехи доставалось уже от родителей. Вот купят родители новый пиджак, а на следующий день он уже без воротника. А пиджаки были тогда недешёвыми.

Александр Агеев в том самом скверике на Красных Воротах, где началась история нашей уникальной магнитофонной культуры

В конце концов и в школу перестали пускать в пиджаках с обрезанным воротом.

Была и другая проблема: воротники обрезались неумело и неаккуратно, отовсюду торчали нитки – ведь мальчишки делали это собственными руками, из энтузиазма, не имея портновских навыков! Кроме того, надо же было сделать френч, то есть пришить ещё одну пуговицу, чтобы вырез был не очень большим. Это дело оказалось и вовсе малореальным, так как никто из ребят не умел толком даже обметать петлю.

Всё изменилось, когда наши мальчишки познакомились с портным, у которого была мастерская в Грохольском переулке, в полуподвале. Звали его Воробей, потому что после контузии у него одна нога стала короче другой, и он ходил, смешно переваливаясь с боку на бок. Зато он мог любой школьный пиджак привести в соответствие с модой.

Да что там пиджак! За полтора часа – хоть время засекай! – он мог старые школьные штаны перекроить в самые модные и распрекрасные клёши! Он объяснял, какой материал надо подобрать для клиньев, и, когда ребята привозили требуемую ткань, вершил над штанами чудо.

Постепенно к Воробью начали ходить десятки людей. Его мастерская, до того совершенно зачуханная, расцвела яркими красками народной популярности.

Недалеко от школы № 265, в которой учился Саша Агеев, расположен Институт имени Склифосовского, и у школьников в ту пору было своеобразное развлечение: лазить сквозь дырку в заборе на территорию больницы, чтобы «позырить» на мертвяков в морге. Но однажды на дверях Склифа Саша увидел объявление, извещавшее, что на вечере отдыха у медиков будут играть бит-группы «Леопарды» и «Эдельвейсы». Мальчишки выгребли из карманов всю мелочь, скинулись по 30 копеек, и дружинник пропустил их на этот концерт. А там всё происходило по самым правильным рок-н-рольным канонам, то есть так, как это описывалось в журнале «Крокодил»: девчонки визжали, бит пульсировал. «Леопарды» (как выяснилось, эту группу собрали болгарские студенты, учившиеся в МГУ) исполняли хиты из репертуара английских бит-ансамблей, которых Саша и его друзья тогда ещё не слышали: Tremeloes, Hollies и других. Это была очень живая и чувственная музыка!

После этого удивительного приключения наши герои стали рыскать по всей Москве в поисках концертов бит-групп. Уже вскоре они выяснили, что вычислить, где будет концерт, не составляет труда. Издали было видно, как за какой-нибудь парочкой волосатых и заджинсованных молодых людей, уверенно идущих к своей цели и явно знающих дорогу, выстраивалась вереница таких же молодых, волосатых и заджинсованных. Значит, надо было просто встать в хвост и двигаться в общем направлении. Это общение было сродни телепатии: «Мы одной крови...» Потом, естественно, информация уже передавалась по телефону, нужно было лишь в первый раз как-то узнать, где и когда будет концерт.

На улице Чехова работало кафе «Синяя птица». Вообще-то это был джаз-клуб, но иногда там выступали и рокеры, в основном Градский со своими «Скоморохами» и «Рубиновая Атака». Правда, входные билеты в «Синюю птицу» стоили дорого – столько денег у школьников никогда не бывало, – поэтому попасть туда было сложно. Но тем не менее мальчишки умудрялись проходить благодаря знакомству с музыкантами или обманув дружинника: «Ой, дядь, смотри, чего полетело!» – и – раз! – уже там.

Или просили: «Дядь, поддержи мороженое!»

Каждый раз варианты были очень сложные. Молодые люди показывали какие-то справки, бумаги, в которых писалось, что они, мол, из какого-нибудь культурного центра и им необходимо что-то отследить, за чем-то проследить или что-то прослушать. Бывало, на каком-нибудь бланке за подписью большого начальника писались письма: «Просим осуществить проход товарищей...» – и вписывались имена товарищей.

Но самым надёжным и распространенным способом пройти на концерт был такой: помочь музыкантам донести инструменты. Девушки обычно несли стойку от микрофона, кто-то – барабан. Но если с барабаном пускали всегда, то человека со стойкой могли и завернуть. Однако такого, чтобы кто-то приехал на концерт и не попал, не бывало. Чем, например, славились «Рубины»? Они знали, что за ними всегда ездит тусовка, и сразу договаривались с администрацией, что они не начнут играть, пока эти ребята не зайдут...

Единственным местом, где это не срабатывало, был подмосковный Долгопрудный. Там находилась кафешка, которая так и называлась – «Кофейня», и туда пройти было тяжелее всего, потому что желавших попасть набиралось много, а помещение маленькое. Своим местом не хватает, а тут ещё какие-то пришлые, со стороны! Обидно, концерты там проходили часто...

«Самый плохой человек в то время был дружинник, – рассказывал как-то Саша Агеев. – Ментам это вообще всё было по фене. Менты с нами не связывались. А самый плохой человек тогда был дружинник, потому что он сам как бы из нашей среды, но он – вредный. Несмотря на то что все сейшены (от английского слова session, что означало «встреча с друзьями») проходили по каким-то билетам, было совершенно явно, что это левак, поэтому умный дружин-

ник или брал деньги, или просто говорил: „Ну-ка, не стойте здесь на улице! Давайте все в зал! Закрываем двери, и все наслаждаемся!..” А глупый дружинник обязательно оставлял перед входом пяток мальчиков и девочек и начинал над ними издеваться: „А я не пушу! Я тут главный!..” И тогда подъезжала милиция: „Что тут происходит? Больше трёх не собираться!”»

На одном из сейшенов Саша и его друзья познакомились с Юрой Айзеншписом, молодым парнем, который устраивал концерты и фарцевал пластинками, шмотками и аппаратурой. Он сразу стал кумиром наших мальчишек, поскольку был элегантно одет, гладко выбрит, и в его коллекции имелась, наверное, тысяча пластинок.

Компания Айзеншписа собиралась, как правило, в кафе-стекляшке «Алые паруса» на «Речном вокзале». Днём там продавали в разлив пиво, а по вечерам играли бит-группы – «Гулливеры», «Братья» или «Странники».

Особое впечатление на школьников произвела группа «Гулливеры», которая состояла всего из двух человек – Саймона и Гарфанкела. Говорили, будто они циркачи и кто-то даже видел их в цирке на Цветном бульваре.

Ребята, которые входили в ближний круг Юрия Айзеншписа, – Славик Макаров, Саша Снысарев и другие, – были старше Саши Агеева всего на 5–6 лет, поэтому они относились к нему как старшие братья, много рассказывали о музыке и снабжали свежими записями.

Однажды Юрий Айзеншпис решил устроить в ДК имени Русакова бит-фестиваль, в котором должны были принять участие московские «Аргонавты» и какие-то группы из Питера. У входа в Дом культуры была даже вывешена огромная афиша, извещавшая о космическом, по тогдашним временам, событии. Мальчишки взялись распространять билеты на этот фестиваль и весьма преуспели в этом деле. Однако фестиваль не состоялся.

«Мы все, – рассказывал Саша Агеев, – естественно, пошли на фестиваль в ДК Русакова, памятник старины, стоящий недалеко от парка Сокольники. На входе нас встретили бабушка-контролёрша и некий молодой человек. Бабушка надорвала билеты, а молодой человек вежливо предложил пройти в комнатку рядом с дирекцией. Там были уже несколько таких же, как мы, жажущих концерта людей. Когда в комнате собралось десять человек, нас вывели через чёрный ход на улицу и повели в отделение милиции, которое располагалось здесь же, на этой же улице, напротив метро, в здании с пожарной каланчой. Причём всё было достаточно свободно, и можно было просто отойти в сторону и уехать на троллейбусе. Но люди не разбежались, а шли давать показания!»

На вопрос, где я взял билеты, я ответил, что купил их для себя и для друга в переходе на „Комсомольской”. Это был переход, в котором тогда торговали порнографией. Ты идёшь по переходу, вдруг тебе навстречу невзрачный мужичок: „Порнография нужна?!” И тут же распахивал полы плаща и показывал маленькие чёрно-белые фотографии с еле различимыми обнажёнными женщинами. Вот я и сказал следователям, что купил билеты в этом переходе. Они закивали: мол, там и не такое можно купить, – и отпустили меня...

Короче, менты никому из публики ничего не сделали, они просто прикрыли сейшен. Но то, что мы побывали сразу в двух памятниках старины, – это сильно!»

Естественно, как только появилась такая возможность, Саша Агеев купил себе магнитофон «Комета» и приёмник «Спидола». Ради этого он продал свои марки, которые собирал несколько лет. В основном это были так называемые «колонии», и продавать их было жалко, но другого пути, чтобы приобрести столь желанную и необходимую технику, у него не было.

Вместе с магнитофоном Саша купил и свою первую плёнку. У неё был странный химический запах. Саша её нюхал, даже откусил кусочек, чтобы понять, из чего она сделана.

Но вот вопрос: где брат Индейца доставал новые записи?

Мальчишки не раз пытались узнать у Колиного брата, где тот берёт новые записи, но он не говорил, лишь отшучивался. Коля тоже не знал, где он их достает: «Я все места знаю, где

брат бывает, но в четверг вечером он куда-то уходит и возвращается с новой катушкой. А куда он уходит, я не знаю!»

И однажды ребята решили проследить, куда уходит Колин брат.

Настал четверг. Они караулили его у подъезда. Вот дверь открылась, и Колин брат вышел на улицу. Посмотрел направо, налево и двинулся в сторону центра. Ребята – за ним, сохраняя все меры предосторожности, потому что Колин брат постоянно оглядывался, проверялся: не идёт ли кто за ним? Так мальчишки, прячась и сменяя друг друга, двигались за ним по пятам до улицы Горького, где Колин брат неожиданно исчез. Как сквозь землю провалился! Ребята растерянно стояли посреди тротуара и оглядывались по сторонам. Вдруг Индеец снова заметил своего брата. Тот вышел из двери дома, на котором была надпись: «Студия звукозаписи». В руках у него была новая магнитофонная катушка.

Вот так мальчишки узнали дорогу к знаменитой студии звукозаписи на улице Горького, где, как рассказывают, в советские времена можно было найти любую музыку...

Улица Горького и её псевдонимы

Улица Горького во все времена была витриной субкультур, эдакой Выставкой достижений советского рок-н-рольного хозяйства. Тут собирались и стилиаги, и хиппи, а позже – панки и первые брейкеры. Почему именно здесь? Да просто потому, что улица Горького находилась в самом центре города, потому что Кремль рядом.

Валерий Шаповалов, автор легендарного хита «Стой, кто идёт?!», рассказывал, как его старший брат-стиляга старательно готовился к походу в центр: «Мне было десять лет, а ему – восемнадцать, и я любил наблюдать, как он вертелся перед зеркалом, укладывая набриолиненные волосы. Ботиночки себе начищал. У него были коротенькие галстучки, которые он сам делал, вырезая из тетрадных обложек: спереди – узел, а сзади – на резинке. Галстук, брюки-дудочки, такие узкие, что в них еле влезала нога, и чёрные ботинки-мокасины. Причём брюки должны были быть выше ботинок, чтобы обязательно было видно белые носки. Потом он надевал поверх всей этой красоты плащик и отправлялся гулять...»

Стиляги старались не привлекать к себе особого внимания, ведь в общественном транспорте всегда можно было нарваться на неприятности. Побить, может, и не побили бы, но какой-нибудь ханжа всегда мог воскликнуть: «Вот отрастили волосы! Я бы их! Пулемёт дайте мне!»

Но стилиаги (как потом и хиппи, и даже металлисты, но, конечно, не панки) предпочитали не отвечать на оскорбления. Молодые люди, как правило, бывали вполне удовлетворены тем, что стали предметом обсуждения в общественном транспорте. И они продолжали провоцировать окружающих своим полным бездействием и отсутствием реакции. А бывало, что пожилые женщины начинали даже заступаться: «Ну что вы к нему пристали?! Как хочет, так пусть и причёсывается!»

Но, оказавшись в своей среде, стилиаги тут же распускали свой павлиний хвост.

На улице Горького стильные молодые люди просто гуляли. Причём даже не по всей улице, а лишь по небольшой её части – от здания Госплана СССР (ныне здание Государственной думы) до Пушкинской площади. Эта часть улицы Горького на сленге стилиаг именовалась «Бродвей» (в сокращении просто «Брод»).

Стиляги ходили вниз-вверх, внимательно посматривая друг на друга. Это был самодостаточный ритуал, состоящий в демонстрации себя «городу и миру», а также в «сканировании» себе подобных. Разумеется, настоящий стилиага не мог позволить себе двигаться по «Броду» кое-как, поэтому модники 1950-х выработали особую стильную развинченную походку. Они шли медленно, свысока поглядывая на окружающих и как бы случайно демонстрируя свои модные обновки.

Да, здесь было на что посмотреть: причёски с пробором, яркие гавайские рубашки, галстуки с обезьянами или драконами, пиджаки с широкими плечами, узкие брюки-дудочки, остроносые ботинки на толстой каучуковой подошве (на «манной каше»).

В особой цене были вещи, привезённые из Америки. Кстати, сами стилиаги называли себя вовсе не стилиагами (это название для них придумал сатирический журнал «Крокодил»), а «штатниками», дабы подчеркнуть своё американофильство.

Ради того чтобы пройти по «Бродвею», молодые люди перерывали все комиссионные магазины окрест в надежде найти там стильную «фирменную» одежду. Те, что были пообщительнее, заводили взаимно полезные знакомства с продавцами «комков». Те, что были посмелее, знакомились с иностранцами и скупали у них шмотки чемоданами.

Кое-что из модной одежды поступало из братских социалистических стран: драконьи галстуки – из Китая, гавайские рубашки – с Кубы. Но многие из стильных вещей делались ценой невероятных усилий дома – это был так называемый «самострок»: брюки шились из

палаточного брезента, подошвы из микропорки заказывались у армян в мастерских по ремонту обуви.

Одним из самых модных людей «Бродвея» был будущий лидер ансамбля «Арсенал» Алексей Козлов, который умудрялся каким-то образом доставать себе настоящие «штатские» (то есть американские) вещи и выглядел очень стильно.

«У меня был светло-жёлтый пушистый костюм, – вспоминает Алексей Семёнович, – рубашка с воротничком „пике“ на „пласдроне“ (когда концы воротничка проткнуты и скреплены особой булавкой или запонкой на цепочке), серебряный галстук с паутиной, „бахилы“ на каучуке. А к концу десятого класса я носил настоящий твидовый костюм, типа „харрис твид“, сшитый на Пятой авеню в Нью-Йорке».

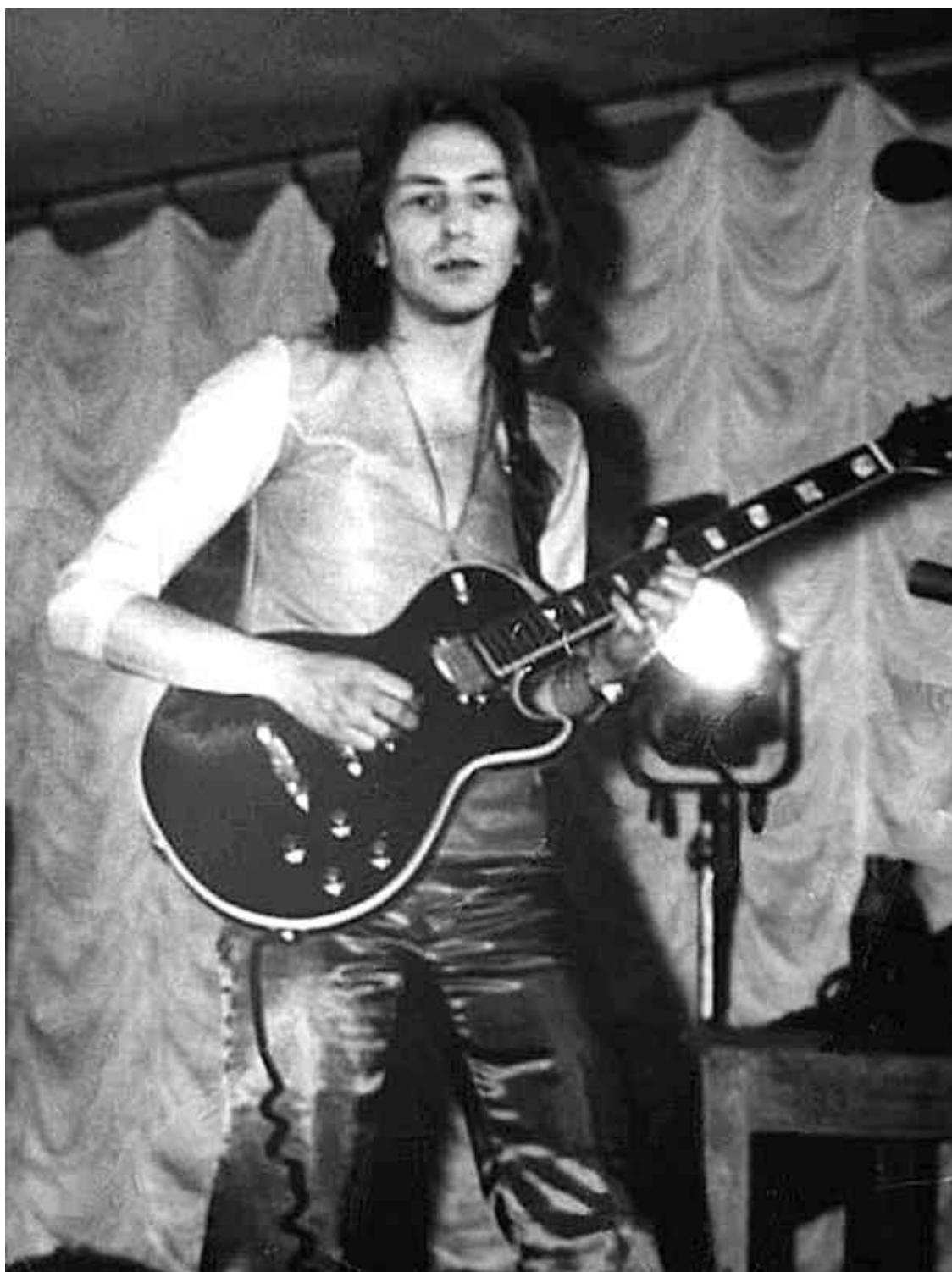
Настоящей звездой «Бродвея» был Юлиан Ляндрес, в будущем известный писатель, классик советского остросюжетного детектива Юлиан Семёнов. В те годы он учился в Институте востоковедения. Рассказывают, что он прогуливался по улице Горького, ведя за собой собачонку, покрашенную в зелёный цвет.

Ещё одной знаменитостью «Брода» являлся саксофонист Леонид Геллер, который всегда выходил на прогулку в шикарном американском костюме, его волосы были тщательно набриолинены, на шее красовался модный галстук. Рассказывают, что, «хиляя» с приятелями по «Броду», Геллер стремился выказать себя настоящим англоманом. Остановившись около какой-нибудь группки модного народа, он говорил, чтобы все слышали: «Ноу, ит из». Других английских фраз он не знал.

Но почему именно эта сторона улицы Горького была выбрана стилистами для гуляний? Возможно, это связано с тем, что здесь, в доме № 6, располагался знаменитый «Коктейль-холл», который был открыт до пяти утра, и по вечерам стилисты собирались именно в этом кафе.

Старые люди рассказывают, что «Коктейль-холл» начал функционировать ещё в 1940 году, и сразу же обрёл невероятную популярность. В стильных 1950-х туда было не так-то просто попасть, у входа всегда стояла длинная очередь. Большую часть публики «Коктейль-холла» составляла гуманитарная и техническая интеллигенция, студенты и даже старшеклассники. Сюда заглядывали артисты близлежащих театров, чтобы выпить по стаканчику после спектакля. Иногда в «Коктейль-холле» появлялся композитор Никита Богословский со своей женой Вавой. Он носил белые пиджаки и ослепительно модные брюки и ботинки.

На втором этаже «Коктейль-холла» играла музыка. Это было здорово: накопить денег, чтобы заказать, например, бокал коктейля «Маяк» – ликёр, желток и коньяк – и посасывать его через соломинку, общаясь с друзьями и слушая джаз. Поскольку тогдашние советские власти джаз не жаловали, в этом был даже оттенок диссидентства. Молодые любители джаза отнюдь не были антисоветчиками, но так как верховный правитель СССР Никита Сергеевич Хрущёв не любил джаз, то его личные вкусы превращали продвинутую советскую молодёжь в потенциальных диссидентов.

Владимир Рацкевич. 1971 г. *Фото Александра Агеева*

Официальный советский поэт Сергей Михалков однажды сочинил такие строчки: «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст». Рассказывают, что, именно сидя в «Коктейль-холле», популярный поэт-сатирик Владлен Бахнов придумал такой пародийный ответ Михалкову: «Сегодня он коктейли пьёт, а завтра планы выдаёт родного, бля, родного, бля, советского завода».

Джаз стал паролем стилинг. Чтобы попасть в круг модных молодых людей, хилиющих по Броду, мало было одеваться стильно, обязательно надо было знать, что исполняют Modern Jazz

Quartet и Диззи Гиллеспи, Дэйв Брубек и Гленн Миллер, Луи Армстронг и Элла Фицджеральд. Тебя просто не принимали в компанию, если ты не знал этих имён.

В 1960-х годах у нас в стране началось время биг-бита и «битломании», но улица Горького продолжала оставаться подиумом для андеграундной моды. Лидер ансамбля «Рубиновая Атака» **Владимир Рацкевич** вспоминает: «Я прекрасно помню, какое у меня наступало головокружение при виде молодцов, которые вальяжно прогуливались по „Броду“ в длинных чёрных френчах без воротников, с длинными волосами. Они были совершенно „марсиане“, и они были совершенно не из Советского Союза. Такие совковые „Битлы“, вдруг начавшие насаждать эту культуру. Как потом я узнал, это были дети дипломатов, каких-то мидовских работников, которые имели больше информации, чем остальные люди...»

Но «Коктейль-холл» был позабыт.

«Мы не ходили в „Коктейль-холл“, – рассказывает **Юрий Ермаков**, лидер группы „Сокол“, – потому что там сидели „белые и пушистые“ мальчики и такие же „белые и пушистые“ девочки. Ну а мы-то были рокерами!»

Из лексикона нового поколения исчезло и слово «Бродвей».

«Улицу Горького мы называли улицей Горького, – продолжает рассказ Юрий Ермаков. – Слово „Бродвей“ казалось нам пошлым, и, если кто-то при нас говорил: „Я гулял по „Бродвею““, – было ясно, что это не наш человек. Мы не любили стилинг. Они отторгали страну, в которой жили, только из-за того, что им не хотелось ходить в советской одежде. Нашему поколению тоже был свойствен скептицизм по отношению к социалистическому строю, но в то же время нам были присущи и здоровая энергетика, и позитивное отношение к жизни».

Музыкальный эпицентр в 1960-х годах переместился на другой конец улицы Горького, за площадь Маяковского в кафе «Молодёжное» (улица Горького, 41).

В 1962 году именно в «Молодёжном» открылся первый в Москве джаз-клуб.

Там же в 1967 году начал работать первый советский бит-клуб, названный просто – КМ (что расшифровывалось как «Кафе „Молодёжное“»). Теперь по вторникам здесь звучал джаз, а по пятницам проходили рокерские тусовки. Руководил бит-клубом инструктор Московского горкома ВЛКСМ Михаил Сушкин, до начала своей комсомольской карьеры игравший на барабанах в группе «Пожилые Зайцы», которая базировалась в текстильном институте. При КМ существовал совет, в который входили руководители всех принятых в бит-клуб групп.

Пятничные собрания открывала, как правило, какая-нибудь новая группа, подавшая заявку на вступление в клуб. Групп в конце 1960-х возникало великое множество, хотя жизнь иных длилась всего несколько месяцев.

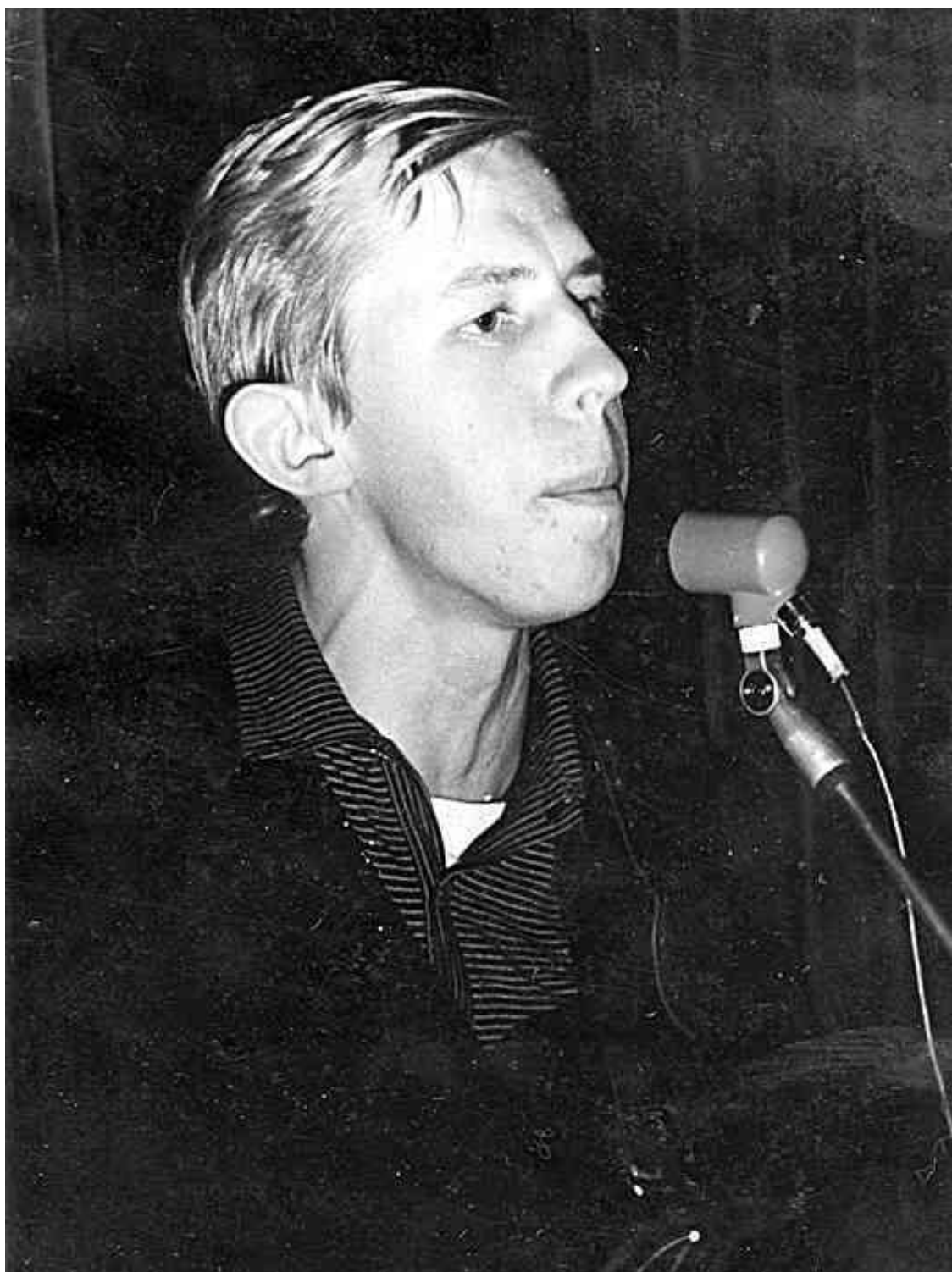
Выступление каждой новой группы проходило в виде конкурса и оценивалось по десятибалльной системе. Жюри состояло из шести человек, поэтому максимальное число баллов, которое могла получить группа, равнялось шестидесяти. Продюсер Юрий Айзеншпис, который входил в экспертный совет клуба, рассказывал, что его группа «Сокол» получила за своё выступление 59,5 балла, но были и такие группы, что едва-едва набирали по 20, а то и по 10 баллов...

После прослушивания вновь принятых групп выступала какая-нибудь известная команда. Сейшен заканчивался совместным джемом. Очевидцы с восхищением вспоминают, как на первом же концерте после летних каникул 1967 года музыканты групп «Орфей» и «Скифы» «в ноль» сыграли песни из только что вышедшего в свет нового битловского альбома «Sgt Peppers Lonely Hearts Club Band».

КМ – это обычная стеклянная столовая, из которой сделали молодёжный клуб, и руководство кафе заботилось в первую очередь о выполнении плана по продаже напитков и закусок, нежели о качестве мероприятий. Своей аппаратуры в клубе не было. Всю аппаратуру привозили с собой группы, которые выступали в тот день.

«И джазисты туда возили свою аппаратуру, и мы возили, – вспоминает музыкант популярной в 1960-х годах группы „Аргонавты” **Георгий Седов**. – Каждый вёз свою аппаратуру потому, что вся она была самопальной, и из чужой аппаратуры никто не смог бы извлечь ни одного звука. А свою аппаратуру ты знал досконально, то есть знал, что на такой-то песне такую-то ручку надо повернуть на три крутки в одну сторону, а на другой – передвинуть на два деления в другую сторону, а без этого ничего не выходило.

Поэтому это было святое: тот, кто выступал в КМ, перед концертом ехал на репетиционную базу, договаривался с грузовиком или с автобусом, привозил аппаратуру, выгружал, а после концерта снова грузил и отвозил обратно. Разумеется, всю аппаратуру мы таскали на себе, сами всё разматывали и подключали. Но самое обидное: когда уже отыгрывали все группы и публика расходилась по домам, нам ещё предстояло всю аппаратуру в обратной последовательности сматывать, таскать вниз, ловить машину, грузить и везти на базу...»

Юрий Ермаков

Желающих выступить в КМ было хоть отбавляй. Гитарист «Аргонавтов» **Владимир Силантьев** рассказывает, как в бит-клубе впервые появился юный Александр Градский: «Я помню, что Градский у нас вызвал резкий протест. Мы играли в „Молодёжном“ после того, как вернулись из летнего лагеря на Волге, и были в хорошей форме. В перерыве ко мне подходит охранник и спрашивает:

- Там один малый прорывается. Какой-то Градский. Пустить?
- Что ещё за Градский?

Охранник описал его.

– Нет, – говорю. – Не знаю я такого. Не пускай.

Потом, уже ближе к концу выступления люди с улицы начали как-то просачиваться в КМ, прорвался и он. Никто его не знал тогда: какой-то пацан, школьник.

Он вырвался на сцену, когда у нас был перекур:

– Пустите меня! Дайте мне гитару! Вы все тут петь не умеете! Я покажу вам, как надо петь!

– Школьник пришёл! – рассмеялся я. – Ну, дайте пацану гитару!

И стал он петь „The House Of The Rising Sun”, причём орал как резанный. Сегодня-то он поёт, а тогда просто орал...»

КМ просуществовал чуть больше года и был закрыт в начале осени 1968-го, после чехословацких событий. Те музыканты, для которых выступление в КМ стало даром судьбы, вспоминают о первом советском бит-клубе с чувством благоговения. Но Юрий Ермаков, лидер популярной в 1960-х годах группы «Сокол», настроен скептически: «Что такое КМ? Это – сто с небольшим человек, не более. Причём там в основном сидели свои же ребята-музыканты. Ну, может, запустят с улицы ещё 20–30 человек. Кого мы там можем разложить своими песнями? Поскольку у „Сокола” тогда началась активная концертная жизнь, КМ по большому счёту стал нам уже не нужен. Мы туда приходили, если Юра Айзеншпис говорил: „Ребята, надо сыграть!” Надо так надо. Приехали – сыграли. Сложили инструменты – и ушли в „Пекин”, который находился неподалёку. В КМ лично я ничего не пил, потому что однажды выпил там холодного шампанского и заболел ангиной...»

В гостинице «Пекин» тогда подавали совершенно утилитарный набор: сыр, колбаса, ветчина, салатики, а на горячее могли принести, скажем, котлеты по-киевски. Тем не менее молодым музыкантам группы «Сокол» поужинать в «Пекине» было не по карману. Но после удачного концерта продюсер группы Юрий Айзеншпис открывал кошелек и заказывал ужин: бутылку водки, бутылку шампанского, разнообразную закуску и горячее.

После ужина можно было подняться на пятнадцатый этаж, где затерялся небольшой бар. Случайные люди об этом баре ничего не знали, поэтому после концертов там собирались музыканты и всласть общались друг с другом. Этот бар ценился ещё и за то, что там стоял настоящий рояль, поэтому там можно было поиграть и поорать любимые песни.

Тот бар на пятнадцатом этаже гостиницы «Пекин» оставался популярен и в 1970-х годах. Желая прикоснуться к героическим 1960-м, сюда с удовольствием заглядывали и герои второй волны русского рока – музыканты групп «Машина Времени», «Второе Дыхание», «Удачное Приобретение».

...А можно было пойти в гостиницу «Москва». В баре на верхнем этаже подавали фирменный коктейль «Огни Москвы» (шампанское пополам с водкой), но музыканты туда поднимались редко, предпочитая сидеть в ресторане на первом этаже.

«Мы покупали бутылочку польской водки, например, „Выборову” или „Зубровку”, наливов там было много хороших, и стоили они всего лишь по три с чем-то рубля, – вспоминает Юрий Ермаков. – Мы брали какую-нибудь минимальную закусочку и подолгу сидели в „Москве”. На улице – снегопад, а мы – в „Москву”.

Здесь, в „Москве”, часто случались какие-то интересные встречи. Однажды заходим мы туда, а там за столиком сидит артист Борис Андреев, уже изрядно под мухой. Едва мы устроились за столиком и сделали заказ, как он подошёл к нам: „Ребята, нате вам червонец!” Тут же подлетела его жена: „Ребята, я возьму этот червонец!” – и убежала. Потом она чего-то долго говорила ему, объясняла, после чего он повернулся к нам: „Я думал, что вы немцы, а вы, ока-

зывается, сволочи!” Видимо, мы были одеты как-то необычно, по-иностранному, и он решил сделать красивый жест: дать „немцам” от всей русской души червонец! Пейте, немцы, пейте! А оказалось, что мы не немцы, а свои же, советские!»

На улице Горького в угловом доме рядом с Концертным залом имени Чайковского жил академик советской живописи Александр Иванович Лактионов, автор хранящейся в Третьяковке знаменитой картины «Письмо с фронта». Его сын Сергей занимался фарцовкой пластинок. У Лактионовых была громадная семья, дети Александра Ивановича от первого брака – сын и дочь – жили в Голландии, они и снабжали Сергея самыми свежими пластинками.

У Сергея постоянно собиралась большая компания, состоявшая, разумеется, в основном из людей, фарцевавших «по-крупному». Среди завсегдатаев гостеприимной квартиры был, например, Додик, подпольный миллионер, который наводнил Москву пластинками индийской фирмы Dum Dum. Эта фирма выпускала по лицензии новейшие пластинки, которые в Англии занимали верхние строчки хит-парадов. Диски Клиффа Ричарда, The Shadows, Томми Стила попали в Москву именно стараниями Додика. То ли родственник какой-то у него в Индии работал, то ли его жена была как-то с этой фирмой связана, но только он гнал эти пластинки оттуда косяком, тем более что в Индии они были очень дешёвые, и при этом – очень неплохого качества.

Разговоры, которые велись за столом у Лактионовых, неизменно сводились к музыке: каждый стремился поведать друзьям, какую новую пластинку он достал и какую новую группу услышал. Время от времени в этой компании появлялись и музыканты группы «Сокол». Когда «Сокол» давал концерт, Ермаков или Айзеншпис обязательно объявляли:

– А мы выступленьице делаем. Придёте?

– Я беру тридцать билетов, – отвечал Додик.

Старался не отставать от товарища и Сергей Лактионов. На концерт «Сокола» они оба непременно притаскивали всех своих друзей.

«В 1960-х, когда мы начинали, – рассказывает Юрий Ермаков, – Москва была не размытая, не аморфная, какой она стала сейчас. В городе не было посторонних. На улице Горького, на Соколе или на Киевской, где мы гуляли, были компании, в которых все друг друга знали в лицо. В этом котле варились все: и фарцовщики, и проститутки, и просто ребята-студенты, и художники, и Вознесенский с Евтушенко – это была одна мешанина. Это был сложившийся мегаполис со своим характером. Город есть город. Он живёт своей жизнью. Когда человек уютно себя в городе чувствует, он ощущает себя будто в своей квартире, когда кругом и рядом – свои».

Иван Лактионов, младший сын академика, в 1966 году собрал собственную группу «Крестоносцы». Она тоже началась с того, что голландские родственники прислали Ване великолепные гитары Framus и Hoffner – в Москве тогда больше ни у кого не было гитар этих фирм, – да плюс настоящий усилитель, что тоже было немаловажно, поскольку здесь всё было самодельное, сооружённое на базе КИНАПов, зачастую похищенных из кинотеатров.

В состав новой группы кроме Ивана Лактионова, который пел и играл на соло-гитаре, вошли бас-гитарист Сергей Извольский, ритм-гитарист Николай Арсентьев и барабанщик Алик Сикорский. Группа репетировала в подвале Дома культуры «Дукат», затерявшегося в переулках между Маяковкой и Белорусским вокзалом. Вместе с «Крестоносцами» в том же подвале занималась группа «Русь», менеджером которой был журналист Артур Макарьев (с 1970 года он вёл на радиостанции «Маяк» культовую программу «Запишите на ваш магнитофон»). Некоторое время они и концерты давали вместе – «Русь» и «Крестоносцы».

Там же, в ДК «Дукат», с «Крестоносцами» случился судьбоносный казус.

«Коля Арсентьев, который играл у нас на ритм-гитаре, был тихий, спокойный мальчик в очках. Когда он вышел на сцену и увидел громадное количество людей – а конца зала не было видно и народ терялся в темноте, – он сказал: „Я играть не буду!“ – и ушёл», – вспоминает Алик Сикорский.

Тот концерт «Крестоносцы» доигрывали без ритм-гитариста, а потом Алик Сикорский привёл на освободившееся место своего приятеля Константина Никольского, что послужило поводом переименовать группу из «Крестоносцев» в «Атланты».

«Я тогда, как, впрочем, и сейчас, был роста ниже среднего, но так как сидел за барабанами, то не было видно, какого я роста, а Ваня Лактионов, Серёжа Извольский и Костя Никольский были высокие ребята, под два метра. И поскольку такие три орла стояли впереди, то мы и решили назваться „Атлантами“», – так объясняет происхождение названия своей группы Алик Сикорский.

На первой же репетиции выяснилось, что Костя Никольский умеет играть в новомодном стиле, то есть по-ритм-энд-блюзовому, в стиле The Rolling Stones подтягивает струны. Эта манера игры, а также песни на русском языке, которые сочинял Никольский, немедленно сделали новый ансамбль невероятно популярным среди столичной молодежи.

В 1970 году семья Лактионовых переехала в новую квартиру, ближе к Пушкинской площади, в тот дом, на котором ныне висит мемориальная доска. В 1972 году академик живописи А. И. Лактионов умер, оставив детям огромную пятикомнатную квартиру. Поскольку после смерти отца надо было как-то выживать, Ваня Лактионов бросил ансамбль и по примеру своего товарища Серёжи Извольского поступил в медицинский институт. Но музыка взяла верх, и, проучившись два года, он бросил медицинский и пошёл работать в ансамбль Майи Кристалинской.

А потом он стал торговать... аквариумными рыбками. Вся его квартира была заставлена аквариумами, а на Птичьем рынке у Вани было именно место, над которым на дереве ножом было вырезано его имя – Иван Лактионов.

«Многих моих друзей жизнь после смерти родителей подломила, – говорит Алик Сикорский. – Это были ребята из семей дипломатов, известных музыкантов, влиятельных журналистов, популярных театральных режиссёров или драматургов, которые были воспитаны в домах с домработницами. Пока их родители были живы, они чувствовали себя спокойно, но когда они сами вышли в люди, то вдруг выяснилось, что денег, которые они зарабатывают, хватает лишь на портвейн да на оплату коммунальных услуг. И люди почувствовали себя слабо, оказалось, что они никому не нужны. В итоге почти все мои друзья по мужской линии фактически спились. Ваня Лактионов тоже, к сожалению, не выдержал удара. Он очень тяжело переживал смерть отца и умер в конце 1980-х...

И Серёжа Извольский тогда же умер. После того как он закончил медицинский институт, он стал директором женского сумасшедшего дома. И вот как-то раз он пришёл домой, лег почитать газету и – умер...»

Знаковым местом 1970-х стало кафе «Лира», расположенное в дальнем конце Пушкинской площади, в начале Большой Бронной. Тогда огромное значение стало придаваться качеству интерьера, и кафе «Лира» пользовалось популярностью в широких массах именно потому, что внутри оно было отделано «под Запад». Недаром именно в «Лире» снимался знаменитый эпизод из кинофильма «Семнадцать мгновений весны», в котором к Штирлицу, пришедшему в ресторан на встречу со связным, приставала пьяная дама с лисой.

Вечерами у входа в «Лиру» выстраивалась огромная очередь из тех, кто жаждал хоть чуточку прикоснуться к «западной» жизни. А известные люди приходили сюда днём, к открытию, когда народа ещё не было и скучающий бармен был готов экспериментировать с самыми

фантастическими пропорциями различных напитков – лишь бы цена с преysкурантом сходилась.

После того как в 1975 году на Пушкинской площади открылась станция метро, у памятника Пушкину началась тусовка хиппи. С лёгкой руки этого весёлого народа улица Горького вновь поменяла своё название. Теперь она стала называться на хипповый манер – «Стрит».

Несколько тусовок, например тусовка Кактуса, который обитал на Маяковке, или тусовка Юры по кличке Солнце, который верховодил на самой «Пушке», составляли «систему». Тотемом «Пушки» был Михаил Красноштан. Иногда он собирал вокруг себя «пионеров» и рассказывал им волнующие истории про путешествия и автостоп, с помощью которого хиппи добирались в Крым или Прибалтику. Потом в магазин «Российские вина» отряжались гонцы, которые закупали портвейн (водку хиппи почти не пили), после чего молодёжь ехала к кому-то на квартиру, но чаще разбредалась по близлежащим дворам, где и выпивала.

Компании на «Пушке», разумеется, делились по интересам, там собирались и любители музыки, и художники, и просто какие-то приبلудные ребята, которым не было интересно ни то ни другое, зато они любили портвейн. Туда приходили не только москвичи, там бывали люди из Питера и даже из Прибалтики. Если молодой человек приезжал в Москву и ему негде было остановиться, он шёл на «Стрит», знакомился там с длинноволосыми, и они указывали ему адрес флэта, то есть квартиры, где можно было переночевать.

Каждые выходные в Москве проходили какие-нибудь концерты. Устроители сейшенов специально отряжали на «Стрит» людей, которые оповещали всех, кто там тусовался, где и когда будет проходить очередной сейшен.

«Пушка» цвела и пахла целых десять лет, с 1975 по 1985 год. Когда на Пушкинской площади стало слишкомлюдно, хиппаны нашли новое место для тусовки – «Гоголя», то есть скверик на бульваре у ног памятника Гоголю.

После того как хиппаны ушли с «Пушки», там ещё продолжали тусоваться панки и байкеры. Но когда в конце 1980-х и они покинули «Стрит», улица Горького перестала быть витриной отечественных субкультур.

В 1990-х годах улица Горького получила своё исконное имя и стала называться, как в добольшевистскую старину, Тверской улицей. Но вот что интересно: многие из тех, кто в советское время придумывал улице Горького различные псевдонимы, не приняли этого названия и теперь называют Тверскую улицу не иначе как улицей Горького, потому что это – имя их победы.

Подвал на Соколе – дважды герой рок-н-ролла

Московский район Сокол считается одним из самых необычных столичных районов, поскольку здесь с 1950-х годов живут люди, двигающие нашу российскую авиапромышленность. Возможно, именно потому среди обитателей этого района уже тогда был невероятно популярен рок-н-ролл (а позднее и биг-бит), что и эта музыка, и создание самолётов находились на острие современной жизни. В доме № 69 по Ленинградскому проспекту проживал, например, авиаконструктор А. С. Яковлев, очень любивший музыку Элвиса Пресли, свежие записи которого ему доставляли из Лондона самолётом. Его сын Владимир учился в школе № 705 и постоянно приносил одноклассникам новейшие пластинки. Среди тех, кого Яковлев-младший увлёк новой музыкой, были Юрий Ермаков и Игорь Гончарук, будущие участники ансамбля «Сокол».

Недалеко от метро «Сокол», на улице Ново-Песчаная жил 20-летний парнишка Юра Айзеншпис. Он принадлежал к тем бесстрашным людям, в кругу которых зародился современный российский бизнес. Тогда в милицейских сводках их называли фарцовщиками. Зато молодые ребята и девчонки 1960-х, которые хотели выглядеть модно, стильно и современно, величали Айзеншписа не иначе как «спасителем», поскольку он мог достать любой дефицит: от рубашек-батников до итальянских ботинок с узкими носами. Но истинной его страстью было коллекционирование пластинок с записью биг-бита и рок-н-ролла.

Осенью 1964 года Юрий Ермаков, Игорь Гончарук и Юрий Айзеншпис встретились около метро «Сокол». В руках у Айзеншписа была пластинка «Hard Days Nights» английской группы The Beatles. С этой встречи, собственно, всё и началось...

Здесь, у метро, был асфальтовый пятачок, на котором по вечерам тусовалась местная молодёжь. Впрочем, слова «тусовка» и «тусоваться» тогда, в 1960-х годах, ещё не использовались. Это были просто уличные знакомые, которые после работы или учёбы собирались вместе, чтобы обменяться новостями, договориться о каких-либо совместных мероприятиях или просто выпить пива.

Если пройти вперёд еще шагов сто, то сразу за домом № 75, или, как его называли в народе, «генеральским» домом, так как долгое время в нём предоставляли жильё семьям высокопоставленных военных, асфальт заканчивался. Дальше стояли обычные деревенские дома, вдоль которых текла игривая речонка. На её изумрудных берегах летом паслись куры да козы. Весной река выходила из берегов, и тогда из окон квартиры, в которой жил юный Юра Ермаков, можно было наблюдать, как люди из деревянных домов спешно перетаскивали на крыши весь свой скарб. Потом непослушную речку загнали в бетон, а на месте деревни стали строить большие дома. Проложили новые улицы. Стоявшие во дворе «генеральского» дома бараки снесли, и на их месте разбили сиренево-акациевый парк.

Ещё одна примета наступавших новых времён: в сторону деревни Щукино и дальше – до военного городка – радостно задрезбезджал трамвай, а молодёжь оттуда подтянулась к асфальтовому пятачку возле метро, где и прошла курс обучения современным нравам и ритмам.

Неподалеку находился ещё один оазис цивилизации – район, где жили сотрудники Курчатовского института. Там не было метро, поэтому тамошняя молодёжь тоже тянулась к «Соколу».

Все эти ребята вскоре станут постоянными зрителями на концертах группы «Сокол».

Название группы тоже появилось благодаря этому столичному району. Наши герои потратили немало времени, чтобы придумать, как назваться. Сначала они хотели, чтобы название группы имело множественное число, по образцу The Beatles или Rolling Stones. Но как-то раз музыканты в сопровождении большой компании спускались в метро, чтобы ехать в центр, и кто-то из друзей предложил взять название «Сокол». Ребята попробовали слово на звук и

почувствовали, что звучит оно и ярко, и броско, и современно, и даже Москва в нём присутствует. На том и остановились...

...Итак, все началось с The Beatles.

«Нам очень мощный толчок дали The Beatles, – вспоминал лидер группы „Сокол” Юрий Ермаков. – До них ведь англо-американская рок-сцена строилась совсем по иным законам, она состояла из разрозненных звёзд, которые требовали обращения к себе как к идолам и были страшно далеки от народа – все эти Нил Седака, Пол Анка, Клифф Ричард. А The Beatles показали, что рок-группа может появиться в каждом подъезде. Вообще я должен сказать, что тенденции, касающиеся моды, музыки, общие для всего мира. Они способны преодолеть любые идеологические барьеры, их не в состоянии сдержать никакие стены, никакая цензура. Конечно, в разных странах есть какие-то отличия, но шарм и имидж поколения, как правило, едины для всего мира. Это – глобальный процесс, идущий по всему миру. И у нас было всё то же самое. Мы собрались, купили гитары по 7 рублей 50 копеек и начали учиться на них играть. Потом распределили роли: „Ты будешь играть на бас-гитаре, – сказал я своему однокласснику Игорю Гончаруку, – а я буду играть на гитаре и петь”...»

Но два человека – это мало, это ещё не группа. Тогда Юрий Айзеншпис познакомил Юру Ермакова и Игоря Гончарука с музыкантами из распавшейся тем летом группы «Братья» – барабанщиком Сергеем Тимашовым и клавишником Вячеславом Чернышом.

«Братья» – это коммерческий проект, которые был готов играть на танцах всё, что попросят: от «Цыганочки» до «Rock Around The Clock». Именно эта вкусовая неразборчивость и не нравилась Сергею Тимашову и Славе Чернышу. Они были продвинутые ребята и завзятые англomаны, поэтому, когда Юрий Айзеншпис предложил им принять участие в создании настоящей бит-группы, эта идея прошла на ура. Так сложился первый состав группы «Сокол» (впрочем, в дальнейшем в команде будут меняться только барабанщики).

«Они были музыкантами, а я – человек, который должен был всё организовывать. На Западе такой человек называется импресарио, – вспоминал однажды Юрий Айзеншпис. – Действуя по наитию, я понимал, что нужно вкладывать в эту группу средства, финансировать её, заниматься техническим оснащением. До тех пор пока я с ними не познакомился, они играли на самодельных инструментах, прикрепив звукосниматели к обыкновенным шестиструнным акустическим гитaram. И вот на те деньги, которые я сумел в двадцать лет заработать, занимаясь коллекционированием и обменом пластинок, я купил ребятам первые „фирменные” инструменты».

Юрий Айзеншпис договорился с умельцами из НИИ ФК – Научно-исследовательского института фото- и кинематографии, – что они сделают для его группы пульт, усилители и колонки. Это были огромные, тяжёлые и неуклюжие ящики, которые, однако, звучали очень неплохо для того времени.

Однажды в газете «Комсомольская правда» появилась небольшая заметка о том, что в городе Муроме выпустили первую партию советских электроорганов «Юность». Узнав об этом, Айзеншпис и Черныш на такси отправились во Владимирскую область за новинкой. Путь был неблизкий, и они приехали к самому закрытию магазина. Всеми правдами и неправдами они уговаривали грузчиков, которые ещё оставались в магазине, продать им орган с заднего крыльца. В Москву Айзеншпис и Черныш вернулись уже поздно ночью, но радостные и довольные, с первым отечественным электроорганом «Юность» в руках. Возможно, они были его первыми покупателями...

Той же осенью 1964 года группа начала репетировать в подвале дома № 75 по Ленинградскому проспекту. Эту репетиционную базу пробил отец Юрия Ермакова – генерал, командующий ПВО страны. В юности он был тапёром, озвучивал в кинотеатрах немые фильмы, поэтому великолепно играл на скрипке, отлично – на рояле и своих детей воспитывал в любви к музыке,

поощряя их музыкальные устремления. Когда он узнал, что сын Юра с друзьями создал бит-группу и им необходимо где-то репетировать, он попросил коменданта «генеральского» дома полковника Волкова предоставить ребятам подвал для работы. Вообще это было бомбоубежище, но в мирное время дворники хранили там свои лопаты и метлы, а одна из комнат подвала была превращена в актовый зал с небольшой сценкой и рядами деревянных кресел – там жилконтора проводила свои собрания.

Вот там «Сокол» и начал свои репетиции.

Сначала наши герои разучивали битловские песни. Но однажды Галина, старшая сестра Юры Ермакова, принесла брату магнитофонную бобину с записью группы Rolling Stones. Сама того не подозревая, она изменила стилистику группы. С её лёгкой руки «Сокол» отправился в ритм-энд-блюзовое путешествие.

«Когда мы получили первый альбом Rolling Stones (а до этого у нас уже был альбом The Beatles „Hard Days Nights”), это было потрясающе! – вспоминал Юрий Ермаков. – Мы услышали совершенно другую музыку, с совершенно иным подходом и к ритмике, и к мелодике. Это был просто шок!»

Слушая запись Rolling Stones, Юра Айзеншпис решил во что бы то ни стало раздобыть этот диск. И однажды случай улыбнулся ему. В один из осенних вечеров 1964 года Айзеншпис с друзьями зашёл в ресторан «Арагви» поужинать. За соседним столиком разместились какие-то иностранцы, поговору – англичане. Они пришли в «Арагви» попробовать грузинскую кухню. В руках у одного из иностранцев Айзеншпис заметил пачку пластинок, одной из которых и был альбом Rolling Stones. Айзеншпис не мог больше ни о чём думать, кроме как о том, как бы завладеть этой пластинкой: купить или выменять на что-то. Он подсел к англичанам. Его знания английского языка вполне хватало для того, чтобы договориться о продаже пластинки. В итоге она досталась ему за 25 рублей. Англичанин не хотел спекулировать и отдал её за ту сумму, за которую купил, но не в долларах, а в рублях. А так как доллар тогда стоил 67 копеек, то пластинка потянула на 25 рублей!

«Сокол» с упоением исполнял песни Rolling Stones, причём по-своему, не копируя кумиров, тем более что музыка «Роллингов» давала простор для импровизаций. В ритм-энд-блюзовом настроении были написаны и первые собственные хиты наших героев.

В том же подвале состоялось и первое выступление «Сокола» – музыканты поиграли для жэковских дворников и сторожей песни из репертуара The Beatles и Rolling Stones.

Уже одного этого факта, что здесь, в подвале родилась легендарная группа «Сокол», достаточно, чтобы на стене дома № 75 по Ленинградскому проспекту установить мемориальную доску. Но на этом история подвала в «генеральском» доме не заканчивается, так как именно здесь в 1972 году группа «Оловянные Солдатики» записала первый магнитофонный альбом русского рока.

Песни «Оловянных Солдатиков» к 1972 году стали очень популярны среди столичной молодёжи. Главный хит этой группы – «Баллада о водосточной трубе» – распевался повсюду: во дворах, у костра, под простую акустическую гитару и просто так, массовым праздничным хором. Концерты «Оловянных» проходили с неизменным «битковым» аншлагом. Публике импонировал посыл музыкантов, в котором хипповое настроение любви сочетались со стёбом и страстным желанием поставить всех на уши.

В тот самый момент, когда группа достигла пика своей популярности, возникла потребность в записях, поскольку поклонники желали слушать своих кумиров денно и нощно, и не только на концертах, но и дома. Разные люди пытались записывать концерты «Оловянных Солдатиков» из зала, но бытовые магнитофоны были ещё плохонькими, микрофоны, доступные

для простых любителей музыки, – ещё хуже, а потому качество таких записей было ниже среднего.

Но однажды басист группы **Юрий Лашкарёв**, который в плане погони за новой техникой был наиболее целеустремленным из всех «Оловянных», приволок на репетиционную базу импортный и очень хороший по тем временам магнитофон «Грюндик-121».

Репетиционная база «Солдатики» как раз и располагалась в подвале уже знакомого нам «генеральского» дома на Соколе.

Этот магнитофон был монофонический, двухдорожечный, со скоростью движения плёнки всего 9 сантиметров в секунду. О каких-либо наложениях говорить, конечно, не приходилось, поэтому песни исполнялись «живьём», как на концерте, от начала до конца. Если кто-то из музыкантов ошибался, магнитофон останавливался, плёнка отматывалась назад и неудавшийся фрагмент перезаписывался.

«Этот альбом как раз и грешит тем, что нам не всегда удавалось ровно войти», – рассказывает солист и гитарист группы Андрей Горин.

«Но в основном мы записали, конечно, обкатанные вещи, где была гарантия, что мы сыграем их от начала до конца», – вспоминает Юрий Лашкарёв.

В альбом вошли песни «Осталось немного печали», «Старый крест», «Ты поила коня», «Рассуждение № 1», «Рассуждение № 2», «Найти бы дорогу», «Март», «Весенний карнавал», «То, что нам твердили в детстве», «Найти бы дорогу-2», «О, Анапа!», «Не отпускай меня, любовь» и конечно же «Баллада о водосточной трубе».

Разумеется, основным критерием отбора песен для первого альбома была их востребованность у публики. Но в итоге получился не просто сборник популярных хитов группы. Музыканты придумали ироничную (или, как тогда говорили, – стёбовую) концепцию альбома, которая выразилась в его названии – «Рассуждения».

Чтобы понять природу стёба, стоит вспомнить, что романтика 1960-х годов, когда с высоких трибун заявлялось, что следующее поколение будет жить при коммунизме, к 1972 году развеялась, как дым над водой. Коммунизм так и не построили, Америку не только не перегнали, но даже и не догнали. Зато из теле- и радиоэфира были убраны все твисты и шейки. Зазиявшие пустоты заполнил всевозможный мусор, от нафталиновых оперетт до псевдопатриотических маршей.

Многих комсомольских вожаков, что любили рок-н-ролл и в 1960-х годах всячески потворствовали проведению рок-концертов, сняли со своих постов, а иных даже, говорят, посадили за решётку. Настали другие времена, в которых КПСС решила выстроить всех по новому ранжиру, но этот ранжир мало кого, кроме самих партаппаратчиков, устраивал.

«Оловянные Солдатики» в 1972 г.: Виктор Гусев, Юрий Лашкарёв, Сергей Харитонов, Андрей Горин

«Оловянных Солдатиков» уже вызывали в райком ВЛКСМ, где долго и нудно выпрашивали, что они имели в виду под «водосточной трубой»:

– Уж не считаете ли вы, что решения XXIV съезда партии выливаются в водосточную трубу?

«Было абсолютное ощущение, что больше ничего никогда не будет, – вспоминает Андрей Горин. – Незыблемость всей нашей судьбы до самой смерти была совершенно очевидной».

Та часть молодёжи Страны Советов, которая не хотела жить по новым правилам, построила параллельный мир со своими героями, своими законами и своими традициями. Язык, который был принят в контркультурном молодёжном сообществе, назывался стёб. Это был все тот же родной русский язык (правда, с изрядной примесью сленга), но интонационно совершенно иной, нежели нам преподавали в школе, поскольку в основе стёба лежала ирония по отношению к окружающей реальности.

Стёб – это также и манера общения, которая требовала от людей практически мгновенной реакции на любую шутку.

«У нас были очень жёсткие правила, – рассказывает Андрей Горин. – Три секунды на ответ. На любой вопрос. Чем круче, чем интереснее ты придумаешь феньку, тем ценнее это было. Но три секунды – и отдыхай! Если ты не ловил влёт – отойди! Ты не успел – ты не догнал».

У «Оловянных Солдатиков» было немало прекрасных лирических песен, а также песен-воспоминаний, в которых музыканты рассказывали о случаях, произошедших с ними в реальной жизни. Ещё были песни, посвящённые каким-либо конкретным предметам, например водосточной трубе. Но наибольшей популярностью у публики пользовались песни, основан-

ные на стёбовых рассуждениях о смысле жизни, поскольку такие песни предполагали отклик слушателя и дальнейшее развитие стёба.

И так уж повелось, что подобные стёбовые песни на концертах никак не назывались. Но альбом требовал жёсткой структуры: если уж песня записана, то она должна иметь какое-то название – ведь так принято во всем музыкальном мире. В итоге немудрёных размышлений возникло слово «рассуждение», и песня «Легла на песок от дерева тень» стала называться «Рассуждение № 1», а песня «Хорошо тому живётся, кто не видел в жизни зла» превратилась в «Рассуждение № 2». И сам альбом получил название «Рассуждения». В итоге получилась характеристика жанра. И даже появилось новое качество музыки.

Альбом «Оловянных Солдатики» «Рассуждения» стал одним из артефактов того параллельного мира, который построила молодёжь 1970-х.

«Оловянные Солдатики» в том подвале оказались отнюдь не случайно. В «генеральском» доме на Соколе жила семья Сергея Харитонова, гитариста «Оловянных». Сергей со школьных лет увлёкся песнями The Beatles и мечтал играть в настоящей бит-группе. Он благоговел перед «Соколами» и всегда с восторгом глядел на Юрия Ермакова, который шёл с репетиции домой в соседний подъезд, небрежно закинув на плечо свою электрогитару. У самого Сергея была совершенно обыкновенная акустическая гитара с приклеенным самопальным звукоснимателем, сделанным из телефонной трубки. Его отец-адмирал не слишком одобрял увлечение сына современными ритмами и постоянно ворчал на мечущиеся по дому звуки «фуги-куги», как он их называл. Чтобы позаниматься на гитаре, Сергей обычно запирался в ванной. И даже когда к нему пришёл знакомиться Андрей Горин, который играл на барабанах в джаз-оркестре МАИ, но на самом деле мечтал исполнять биг-бит и рок-н-ролл в настоящей группе, Сергей первым делом повёл гостя в ванную и только потом спохватился:

– Действительно! Что это я?! Никого ж дома нет!

Он церемонно пригласил своего нового приятеля в гостиную, где они до прихода родителей вполне весело провели время, исполняя все песни The Beatles, которые помнили наизусть.

Пока Лашкарёв и Харитонов были студентами Московского энергетического института, группа репетировала в ДК МЭИ. Но когда ребята окончили вуз и у «Оловянных Солдатики» возникла проблема с репетиционной базой, родители Харитонова обратились к коменданту «генеральского» дома полковнику Волкову с просьбой найти ребятам какое-нибудь помещение для работы. Тот не задумываясь протянул ключи от бомбоубежища...

«В слове „убежище“ есть очень важный смысл, – считает Андрей Горин, – потому что для нас это было действительно убежище. От всего, что нам мешало жить!»

...Молва о магнитофонном альбоме, который записали «Оловянные Солдатики», быстро разлетелась по столице и окрестностям. Очень многие хотели иметь этот альбом, поэтому Юрий Лашкарёв, возвращаясь с работы домой, тут же включал магнитофоны и начинал переписывать плёнки, которые у него скапливались десятками. А друзья уже несли новые и новые чистые катушки.

Альбом «Рассуждения» распространялся по Москве исключительно бесплатно. Музыканты считали, что если люди хотят попрыгать на концерте, то они должны заплатить за это деньги, так как для музыкантов концерт – это работа. Но запись альбома являла собой реализовавшуюся мечту, и у наших героев было категорическое отношение: альбом продавать нельзя, потому что нельзя продавать мечту...

«Когда мы закончили запись, – вспоминает Андрей Горин, – у меня возникло удивительное ощущение, что все эти песни впечатались куда-то в Космос, туда, где все наши мысли хранятся, а не исчезли в неизвестном направлении. Ведь раньше то, что ты делаешь, пропадало с

последним звуком и с приходом комсомольца, который объявлял о закрытии вечера. И вдруг стало возможным прикоснуться, взять в руки то, что ты делаешь!»

Вот так подвал дома № 75 по Ленинградскому проспекту стал дважды героем рок-н-ролла...

Р. С. Идея повесить мемориальную доску на этом доме легла в основу фильма «Да здравствует рок-н-ролл!», который Авторское телевидение сняло по заказу Первого канала (авторы сценария Владимир Марочкин и Игорь Васильков, режиссёр Андрей Верещагин). И доску действительно создали, правда виртуальную, при помощи компьютера. В каждом интервью фильма мы спрашивали музыкантов первого рок-поколения о том, что бы они написали на этой мемориальной доске.

Александр Градский: «У Макаревича есть песня со словами „Всё могло бы быть совсем не так...“, и было бы неплохо написать эту фразу. А дальше как хотите, так и понимайте: всё могло бы быть совсем не так в смысле, что всё могло бы быть гораздо хуже, или всё могло бы быть совсем не так в смысле, что все могло бы быть гораздо лучше...»

Александр Буйнов, в начале 1960-х игравший в рок-группе «Скоморохи», сказал совершенно обратное: «Всё должно было быть именно так, как оно было...»

«Я хотел бы, чтобы там прозвучало слово „чуваки“. Мы все были чуваками! Чувакам, пионерам рок-н-ролла!..» – сказал гитарист группы «Красные Дьяволята» Владимир Коньков.

«Подвал – это начало жизни», – такую надпись предложил лидер «Рубиновой Атаки» Владимир Рацкевич. «Все бит-группы начинали с подвалов. Подвал вообще уютное место, потому что там можно делать всё, что хочешь: строгать, пилить, играть свою музыку. Там, в подвале, появляется чувство собственника».

«Из этого подвала вылетел „Сокол“!» – смеясь, сказал Юрий Ермаков.

«Как пробка из бутылки», – сквозь общий хохот добавил бас-гитарист группы «Сокол» Игорь Гончарук.

Последними на наш вопрос отвечали музыканты группы «Оловянные Солдатики». Андрей Горин попросил написать два слова: «счастье» и «любовь». А Сергей Харитонов с традиционными для «Оловянных Солдатиков» стёбовыми интонациями воскликнул: «Люди, помните их!..»

«Соколиная» охота

Осенью 1964 года Юрий Айзеншпис почувствовал, что его группа «Сокол» уже готова к большим свершениям, и решил показать её друзьям. Он договорился с дирекцией кафе «Экспромт», расположенного неподалеку от Курчатовского института, о том, что в один из дней у них проведут вечер отдыха, на котором будет играть самодеятельный ансамбль. Молодёжные кафе в то время уже «цвели и пахли». Это было модно, об этом был снят художественный фильм «Дайте жалобную книгу», поэтому дирекция кафе пошла навстречу инициативному юноше.

Пригласительные билеты были сделаны из обыкновенных почтовых открыток с изображением какой-то птицы, напоминающей сокола. На обороте был написан такой текст: «Дорогой друг! Мы приглашаем тебя на вечер встречи с вокально-инструментальным ансамблем „Сокол“. Этот вечер состоится в кафе „Экспромт“ 6 октября 1964 года».

Среди своих друзей и товарищей музыканты распространили около восьмидесяти таких открыток. Большая часть билетов была роздана друзьям и знакомым на асфальтовом пятакке у метро «Сокол», где тусовалась молодёжь, жившая окрест. Часть билетов Юрий Ермаков отнёс в Московский авиационный институт, а Вячеслав Черныш – в Московский химико-технологический институт, где они учились. Юрий Айзеншпис распространил билеты по своим каналам.

«Были дети Мазурова, члена политбюро ЦК КПСС, дети Дементьева, министра тяжёлой промышленности, много детей дипломатов, фамилии которых я уже и не помню, – вспоминал Юрий Айзеншпис. – Среди молодёжи было много студентов МГИМО и других престижных вузов».

Бас-гитарист «Сокола» Игорь Гончарук рассказывал, что на этом концерте его ударило током. Где-то протёрся провод, его закоротило, и напряжение пошло на струны. Игорь упал со сцены. К счастью, сцена была не очень высокой, и он отделался лишь лёгкими ушибами.

Премьера прошла успешно. Но что делать дальше? В то время самодеятельность имела право выступать только в клубах, и то если прошла соответствующую комиссию. А о том, чтобы сыграть на большой сцене, например во Дворце спорта или Театре эстрады, и речи не могло быть. В ресторанах ансамбли были объединены в МОМА (Московское объединение музыкальных ансамблей), и в основном там играли тогда джазисты. Поэтому говорить об официальных публичных выступлениях было нереально. Вот тогда Айзеншпису и пришла в голову мысль и дальше устраивать вечеринки, подобные той, что он организовал в кафе «Экспромт». Такой концерт в кафе получил название «сейшен».

Таким образом, можно утверждать, что история подпольных сейшенов в Москве началась 6 октября 1964 года.

Под предлогом проведения какого-нибудь праздничного мероприятия, например вечера в ознаменование взятия Бастилии, снимался какой-нибудь недорогой ресторанчик, где-нибудь в Сокольниках, подальше от хозяйского глаза. Билет, который изготавливался из половинки обычной почтовой открытки, стоил 6–7 рублей. На столах стояли по бутылке водки и бутылке вина, фрукты, салат оливье, официантки разносили горячее – всё это входило в стоимость билета.

На сейшен собиралась самая разноплановая публика, тут бывали и фарцовщики, и путаны, и студенты, и молодые лейтенанты КГБ. «К нам на концерты частенько захаживал Кирпич, бандит с улицы Горького. Он приходил, слушал музыку, молча выпивал и уходил. Тут же рядом сидел сын художника Лактионова. Вот это была типично московская тусовка...» – вспоминает Юрий Ермаков.

Биг-бит уравнивал всех: и подпольный миллионер, и молодой инженер, который у себя в НИИ получал едва-едва 80 рублей, слушали одну и ту же музыку, пили одно и то же вино.

В 1964 году в Москву хлынул поток выпивки из-за границы, и все магазины и бары оказались буквально завалены шотландским виски, договор о поставке которого был подписан ещё Н. С. Хрущёвым. Видимо, Хрущёв знал, что настоящий виски делают в Шотландии, а вовсе не в Америке. Большая литровая бутылка виски стоила 6 рублей 50 копеек. А рядом на полках стояли джин «Бифитер» и французский коньяк. И тоже по вполне доступным ценам.

Фидель Кастро присылал с Кубы в Союз в больших количествах настоящий кубинский ром Набана. Причём не тот, который кубинцы стали делать после своей революции, а ещё американские запасы, то есть настоящий бакарди, просто перелитый в другие бутылки с новыми этикетками.

Зрители рассаживались за столики, группа начинала играть, тот минимальный набор яств, что был выставлен на столы, вскоре заканчивался, и посетители начинали делать новые заказы, буквально сметая с полок бара алкогольные напитки. Ресторан после каждого концерта оставался в полном восторге.

Вскоре подобные «встречи» стали регулярными, а их аудитория увеличивалась в геометрической прогрессии.

«Квартир тогда не было даже у обеспеченных людей, – рассказывает Юрий Ермаков, – поэтому вся молодёжь была на улице. Все отдыхали, все гуляли. Кафешечек было много: туда зашли, с собой бутылку принесли, выпили. А там на сценке группка какая-то играет...»

Но когда «Сокол» вышел на пик своей популярности, то основную массу концертов составляли выступления в различных КБ, НИИ, институтах, куда ансамбль с удовольствием приглашали. Постепенно вокруг музыкантов сложилась группа людей, которая помогала с организацией концертов. У «Сокола» были свой продюсер, свой водитель, свой врач, свой фотограф, свой радиоинженер.

В какой-то момент пришлось позаботиться и о том, чтобы нанять даже собственную охрану из числа сочувствующих рок-н-роллу. «Это были два ватерполиста весьма крупного телосложения, – вспоминает клавишник Вячеслав Черныш. – Стоя в дверях зрительного зала, они загораживали проход собственными фигурами. Чтобы пропустить кого-либо, им достаточно было только выдохнуть, и между ними образовывалось свободное пространство. Тот счастливцев, для которого это, собственно, и делалось, получал возможность прошмыгнуть в образовавшийся проход. Затем охранники вновь набирали воздух в свои лёгкие, и их животы смыкались, закрывая ненужные теперь пустоты».

Таким образом, на сцене играли четверо, а на концерты выезжало около двенадцати человек.

«Однажды под Новый год, – рассказывает Вячеслав Черныш, – у нас должен был состояться концерт в подмосковной Электростали. А на улице была жуткая холодина: мороз под 30 градусов! И как назло сломался и не приехал наш пазик, который должен был везти нас в Электросталь. Но не поехать нельзя, ведь нас ждут люди! Это же новогодний вечер! Нам надо было сначала выступить в концерте, а потом играть танцы. И если не приедет коллектив, то вечер может сорваться. Что делать? Мы бегали, искали – всё напрасно: ну кто же 25 декабря поедет в какую-то Электросталь?

Юрий Ермаков, Лев Пильщик, Игорь Гончарук, Виктор Доронин. 1966 г.

Но в восемь часов вечера, когда в Электростали уже должен был начинаться концерт, я остановил на Садовом кольце большую машину, гружённую мебелью, и говорю:

– Отвезёшь нас в Электросталь и обратно?

Шофёр думал-думал и за большую сумму согласился.

Мы загрузили аппаратуру, а это были железные ящики, огромные и тяжёлые, как сейфы! На улице – холод, а ехать в Электросталь долго – час или даже полтора. Мы сорвали с окон в клубе бархатные портьеры, обернули ими инструменты и сами в них завернулись и так сели в машину. Чтобы в дороге не замерзнуть окончательно, захватили с собой „горючее“, всякие „тормозные“ жидкости. В итоге в Электросталь мы приехали такими, что нас надо было буквально вынимать из кузова.

...И вот приезжает машина с надписью „Мосмебель“ на борту, и первым из кабины вылезает наш фотограф Володя Шевцов.

– Скажите, пожалуйста, где здесь директор? – спрашивает он.

– А что привезли? – переспрашивают они.

– Я привёз вам ансамбль! – отвечает Володя.

Нам помогли вылезти из кузова и вынули из тряпок – они думали, что это у нас такое новогоднее шоу. В общем, играть мы начали в пол-одиннадцатого вечера и играли до трёх часов утра. Водитель был совершенно обалдевший. Сначала он кричал, что жена выгонит его из дома, но потом, после двенадцати, смирился с тем, что вернётся домой только к утру. В три часа ночи мы закончили играть, а в Москве были около шести часов утра...»

К концу 1960-х «Сокол» стал очень востребованным ансамблем и играл по два, а иногда и по три раза в неделю. Основное время занимали репетиции, поскольку группа должна была заботиться о постоянном обновлении своего репертуара. Магнитофонов у любителей рок-музыки тогда ещё было мало, но молодые люди желали быть в курсе самых последних достижений музыкальной моды. Поэтому в те времена именно группы служили ретрансляторами музыкальных новинок.

Интересно, что «Сокол» репетировал в местах, которые позже стали культовыми для любителей рок-музыки. «Сокол» как бы открывал их для рок-культуры.

Первая репетиционная база наших героев находилась в подвале «генеральского» дома на Ленинградском проспекте. Об этом было подробно рассказано в предыдущей главе. Летом 1965 года «Соколу» пришлось покинуть тот подвал, и музыканты перебрались в ДК имени Курчатова. Добираться до «Курчатника» приходилось на автобусе, тогда как для того, чтобы попасть в подвал, Юрию Ермакову, например, надо было только спуститься с восьмого этажа и перейти двор. Но репетировать в Доме культуры было интереснее, так как репетиции проходили на сцене, где, во-первых, был очень неплохой звук, а во-вторых, там можно было включить настоящий концертный свет, что создавало обстановку, приближенную к «боевой».

Кстати, именно в ДК имени Курчатова осенью 1965 года музыканты «Сокола» сочинили первые песни на русском языке – «Где тот край?» и «Солнце над нами», с которых и начинается отсчёт истории русского рока.

На свои выступления музыканты «Сокола» часто приглашали талантливого певца Льва Пильщика, а тот, в свою очередь, сосватал ансамбль дирижёру Эдди Рознер, искавшему модную группу. Эдди Рознер, будучи человеком, чувствительным ко всему новому и необычному, несколько раз включал самодеятельную бит-группу в программу своих выступлений.

В мае 1966 года «Сокол» поступил на работу в филармонию и укатил на гастроли по Советскому Союзу. В Москву наши герои вернулись осенью 1967 года. Тогда продюсер Юрий Айзеншпис договорился с дирекцией Дома культуры «Энергетик», который располагался на Раушской набережной, что «Соколу» выделяют комнатку для хранения инструментов и разрешат репетировать на сцене.

Чтобы «расплатиться» за базу, «Сокол» почти каждое воскресенье в четыре часа дня давал концерт на сцене Дома культуры: два отделения по часу, с антрактом. Вся музыкальная и студенческая Москва знала, что «Сокол» выступает в «Энергетике», и спешила на Раушскую набережную послушать своих любимцев. Директор Дома культуры был очень доволен. Он отчитывался в том, что провёл большой тематический концерт, а это – галочка, причём очень жирная.

«После репетиции или концерта, – вспоминает Юрий Ермаков, – мы обычно направлялись в гостиницу „Россия”. Для этого нужно было лишь перейти мост через Москву-реку. Обычно мы поднимались в бар, который располагался на 15-м этаже, но иногда оставались внизу, в ресторане. Войти в „Россию” тогда можно было свободно. Время у нас было не ограничено, и можно было сидеть, сколько хотелось. Мы там брали обычно коктейль – водку с лимонным или апельсиновым соком. Что интересно: бармен всегда доливал водки столько, сколько надо...»

Когда бары в Москве закрывались, музыканты садились в такси и ехали в аэропорт, ведь там питейные заведения работали всю ночь.

«Однажды был интересный случай, – рассказывает Юрий Ермаков. – После концерта мы, как всегда, зашли в бар, досидели до закрытия, а так как душа требовала продолжения, то взяли такси и поехали в аэропорт Шереметьево. А в тот раз наш приятель Артур Макарьев, который учился в МГИМО, принёс нам слова песни „Hamburg” группы Procol Harum. Шикарная песня была! Почему-то все помнят их хит „Бледнее тени бледной”, но „Hamburg” ведь не слабее. И вот мы едем, а по дороге пытаемся перевести текст с английского и понять, о чём в песне поётся. Вдруг шофер останавливает такси и говорит:

– Дайте я взгляну!

Мы на него с удивлением смотрим, а он берёт этот текст и с ходу нам его переводит.

– Откуда ты с таким знанием английского взялся? – спрашиваем мы его.

А он отвечает:

– Я – американец.

В 1930-х годах к нам в Советский Союз потянулся безработный люд из Америки. В период депрессии они к нам ехали в огромном количестве. Вот и его родители так же приехали. Он был тогда ещё ребёнком.

И вот он сидел и переводил. Это было потрясающе: заснеженная дорога на Шереметьево, кругом лес, метель метёт, и посреди всего этого сидят в такси люди и читают текст песни группы Procol Harum!

Когда мы приехали в Шереметьево, он говорит:

– Я вас подожду.

– Да мы долго будем сидеть!

– Я вас всё равно подожду. Вы для меня как маленькая отдушина.

И он действительно нас дождался...»

Интересно, что прорабом на строительстве гостиницы «Россия» работала **Лидия Ермакова**, жена лидера группы «Сокол» Юры Ермакова.

«Девчонки из нашего стройуправления отказывались там работать, – вспоминает Лидия, – потому что гостиница была высокой и надо было то и дело подниматься на верхние этажи. А я пошла, ведь я жила на улице Осипенко (ныне Садовническая улица), и от моего дома до „России“ мне лишь мост перейти...»

Несколько лет Юра и Лида ходили мимо, не замечая друг друга, а познакомились в компании друзей совсем в другом районе Москвы.

«Мы всё время у кого-нибудь собирались, – рассказывает Юрий Ермаков. – У меня в квартире на „Соколе“ кого только не бывало! Полно народу было! Пол тогдашней Москвы! Иногда набивалось человек по сорок, по пятьдесят. Это была очень широкая компания!

Сейчас я наблюдаю у людей „синдром изолированности“, тогда же у нас было безбрежное море общения. Можно было поехать куда угодно! В одну компанию, в другую, в третью, причём эти компании в течение одного вечера могли и поменяться, и перетасоваться. Можно было начать вечер в одной компании, потом переехать в другую, а затем оттуда успеть вернуться в первую. Если ты кого-то не застал в одной компании, то мог встретить в другой, или если он опоздал, то мог приехать вслед за тобой туда, куда ты уехал, а мог и не приехать... Движения были абсолютно спонтанные, но так жила тогда вся Москва.

А когда есть некая общность или, попросту говоря, одна родная компания, которая живёт в одних пределах, то есть когда все читают одни и те же книжки, смотрят одни и те же фильмы, слушают одни и те же пластинки, тогда начинается общение на уровне даже не диалога, а на уровне намёков:

– Последнего Рики Нельсона слышал?

– Конечно!

– А помнишь, у него во второй песне?

– Да, у него там здорово!»

Вот такой шёл разговор. Это, кстати, высший кайф, когда не надо полностью излагать свою мысль, а она схватывается собеседником с полуслова.

Эта традиция широкого гостеприимства сохранилась и тогда, когда Юра и Лида поженились.

«У нас каждый день был насыщен до предела: или концерты, или репетиции, или просто так собирались, – вспоминает Лидия Ермакова. – Мы тогда жили на улице Лестева. Поскольку у нас была небольшая однокомнатная квартира, то за столом все не помещались, и кто-то сидел прямо на полу, на ковре. Мы собирались и всей своей группой, и братья Мошковы („Тролли“) приезжали, и Серёжа Лактионов („Атланты“) заглядывал, и Лёня Азаров, наш личный доктор... Большая команда собиралась! Вся тусовка! Ужас сколько народу!

На Даниловском рынке покупалась телятина или свинина, селёdochка доставалась из баночки, водкой разводилось варенье из чёрной смородины. . . Было очень весело. Соседи спрашивали: „Вы кто? Артисты?!“ Да, утомляли мы их, потому что, бывало, и на ночь все оставались. Зато на наших вечеринках родились многие творческие идеи».

Клавишник группы «Сокол» Вячеслав Черныш был женат на Елене Семичастной, дочери председателя КГБ СССР В. Е. Семичастного. Разумеется, группа «Сокол» в полном составе побывала на их свадьбе, которая состоялась в ресторане гостиницы «Украина».

«Когда Семичастный пришёл, – вспоминает Юрий Ермаков, – то сел во главе стола и сказал:

– Товарищи! Разрешите открыть свадьбу моей дочери!

Он принёс с собой саквояжик с „Беловежской водкой“ разных составов. Там была и брусничная водка, и полынная, были там и наливки всякие, и настоечки очень вкусные. Накануне мы хорошо посидели, поэтому белорусские крепкие напитки пришлись очень кстати.

Когда он уходил, то сказал:

– Разрешите считать мероприятие закрытым!

В общении Семичастный оказался нормальным спокойным мужиком, но даже на свадьбе дочери он был закутан в официоз. Тогда и нельзя было иначе, ведь если бы его повело в демократию, то в верхах могли сделать вывод, что это, значит, не совсем „наш“ человек!

Но, между прочим, и мы все пришли на свадьбу Славы и Лены в пиджаках и галстуках, ведь известно, что и Мик Джаггер тоже надевает галстук, если этого требуют традиции того места, куда он приходит. Другое дело, что и блейзеры, и галстуки, и рубашки, которые были надеты на нас, дразнили очень яркими расцветками.

И мне, кстати, не нравится, когда человек является на официальное мероприятие в каком-то занюханном виде, типа я – свободный художник или хиппи. Если тебя куда-то пригласили, ты можешь не пойти, но если пошёл, то должен уважать пригласивших тебя людей. Совсем не обязательно надевать серый пиджак, но всё-таки оденься нормально, чтобы это было красиво. На концертах на нас могла быть и рваная обувь, и рваные джинсы, но ведь это не мы пришли к ним, а они к нам пришли. Но если человека пригласили в гости, то он должен быть нормально одет. . .»

Группа «Сокол» просуществовала около шести лет. Первые концерты ансамбля состоялись осенью 1964 года. Последний – в начале 1970 года в Сокольниках в ресторане «Прага» уже после того, как Юрия Айзеншписа посадили по статье за валютные махинации.

Вообще в «Праге» «Сокол» выступал довольно часто. Этот ресторан был знаменит тем, что там постоянно бывало чешское пиво. Ещё более важным было то, что шеф-поваром в «Праге» работал друг Юрия Ермакова Александр Цыплаков, который мог проследить за тем, чтобы всё было организовано на хорошем уровне.

Билет на сейшен в «Прагу» стоил шесть рублей. На столиках стояли по три бутылки пива на человека, ветчина, свёрнутая рулетиками, и другие чешские закуски.

Желающих попасть на выступления «Сокола» бывало очень много. Сергей Лактионов, сын художника, брал для своих друзей сразу двадцать билетов. Лёня Азаров, который работал на «скорой помощи», обычно распространял среди своих коллег около сорока билетов. Сорок билетов покупали ребята из МИДа. Друзья-телевизионщики забирали ещё тридцать билетов. Наташа, жена барабанщика Виктора Иванова, работала в МВД – билеты уходили и туда. Лена Семичастная, жена Славы Черныша, тоже распространяла билеты. Брат Лидии Ермаковой учился в академии КГБ и распространял билеты там («Я звонила ему и спрашивала, пойдут ли его друзья на наш концерт, – вспоминает Лида, – и неизменно ответ был такой: „Весь наш курс пойдёт!“»). На сейшен обязательно заглядывали известные московские фарцовщики Додик

и Шахтёр. Несколько столиков занимали студенты Московского института стали и сплавов (МИСиС).

Лида Ермакова в отчаянии звонила Саше Цыплакову:

– Саша, поставь ещё пару столиков!

– Лида, ты видишь, что у меня и так всё впритык?

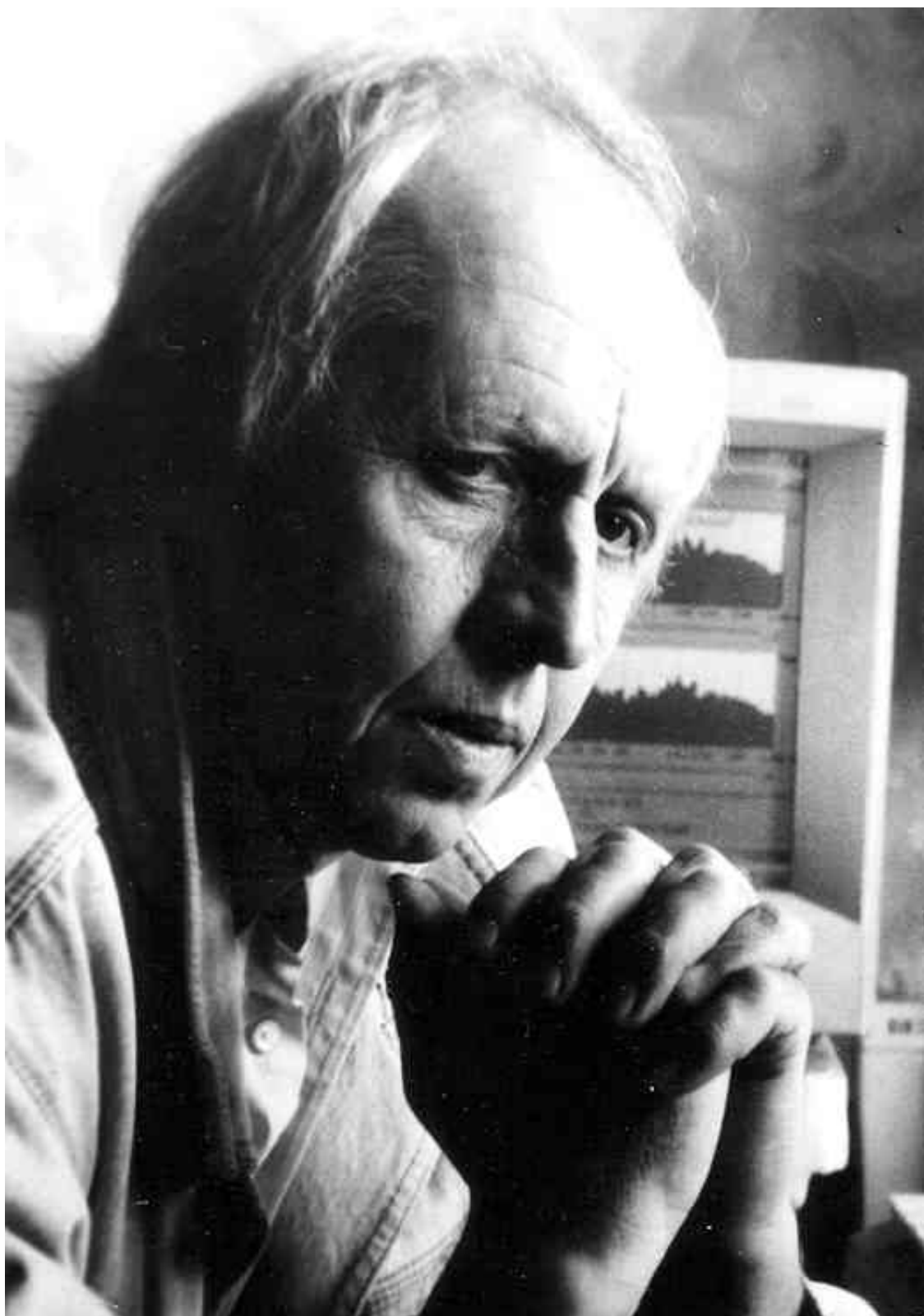
Иногда не хватало пива.

– Ладно, давай поставим не по три, а по две бутылки! – соглашалась Лида.

Ведь для большинства главным было иное – попасть на сейшен!

Жёны музыкантов – Лида Ермакова и Наташа Иванова – принимали самое активное участие в организации сейшенов.

Рассказывает Лидия Ермакова: «Я занималась билетами и деньгами, а Наташа Иванова – охраной. Мы с Наташей стояли у входа и проверяли билеты. Стоять у дверей было холодно, поэтому нас все жалели и приносили по рюмочке. Но больше никого на контроль нельзя было поставить, так как только мы знали всех в лицо.

Юрий Ермаков. 2001 г.

И сразу же надо было собирать деньги. Но мы не продавали билеты у входа. Ко мне подходили люди и говорили:

– У меня десять человек. Вот шестьдесят рублей, – и отдавали деньги, которые я складывала в свою сумочку.

Миллионер Додик, который всегда приводил много народу, вручал мне пачку рваных и замусоленных рублей. Я ужасно мучилась, пересчитывая их. И ведь всегда недодавал! Я ему говорю:

– Додик, ну недодал!

Он:

– Как недодал? Давай пересчитаем!

А концерт уже идёт!

Затем я шла с Сашей Цыплаковым в холодильную камеру, где на крюках висели огромные мясные туши, и там отсчитывала деньги, причитавшиеся ресторану...

И вот что интересно: у меня была сумка, сделанная в виде маленького сундучка, которая во время сейшена оказывалась доверху набита деньгами, и я могла оставить её на столике, а сама пойти плясать, но у меня никогда ничего из неё не вытащили! Хотя все видели, что деньги я складывала в эту сумку.

Кроме того, ещё продавались входные билеты по рублю. То есть когда уже все поели и попили, то народ просто заходил послушать музыку. Ведь там у входа толпы народа стояли! И как только люди узнавали, что в „Праге” идёт сейшен?

Музыканты играли, а я подходила к Наташе:

– Ну что? Не пора „рублёвых” пускать?

– Ладно, – отвечала она, – пойду посмотрю: съели там уже всё или нет?

Иначе пускать было нельзя, так как вновь вошедшие сразу же садились за столики.

У Наташи, жены нашего барабанщика Вити Иванова, отец был генералом милиции. Однажды в „Прагу”, когда там выступал „Сокол”, нагрянули милиционеры. Они пришли по чьей-то наводке, чтобы проверить, что там творится. Наташа их узнала, и, пока музыканты играли, она обо всём договорилась, и милиция ушла...»

...Последний вечер длился очень долго. «Сокол» играл много, будто предчувствуя расставание со своими верными поклонниками.

Ещё где-то в начале концерта Додик встал из-за своего столика и произнёс тост:

– Давайте выпьем за человека, которого с нами нет!

Всем было понятно, что этот тост – за Юрия Айзеншписа, который тогда уже сидел в тюрьме. Все встали и подняли бокалы...

Потом весь зал хором пел «Солнце над нами».

«Эти вечера я вспоминаю до сих пор, – говорит Лида Ермакова. – Там была сумасшедшая обстановка: ты знаешь всех и все знают тебя. И можно было ходить от столика к столику, что и делалось, получать информацию, обмениваться новостями. Эти вечера были удивительно светлы и приятны.

Кстати, когда в Сокольниках состоялся последний наш концерт, я уже была беременна. Тем не менее я делала всё, что от меня требовалось...»

«Жизнь была весёлая, – говорит Юрий Ермаков, – попеременно с анархией, авантюризмом, музыкой и сексом. Но если бы мы продолжили и дальше играть своё, нам не дали бы этого делать, потому что начались... вокально-инструментальные ансамбли. Тогда сказали: мы сделаем вокально-инструментальные ансамбли и дадим вам, ребята, зарабатывать деньги. Но вы будете работать в рамках, которые мы сами вам обозначим. А мы были максималистами, нам хотелось делать только то, что нам хотелось делать.

Мы ушли со сцены. Но сейчас я думаю, что это была наша большая жизненная ошибка, потому что музыка – это было единственное, где мы состоялись как личности. Нельзя никогда бросать то, что состоялось. Никогда в жизни. То, что состоялось, надо лелеять как малое дитя. Лелеять и взращивать. А мы этого тогда не понимали. Да, я неплохой, даже достаточно высо-

кого класса преподаватель. Игорь Гончарук – великолепный художник-иллюстратор. И Слава Черныш тоже является неплохим специалистом в своей области. Но состоялись мы именно в музыке...»

Рок-н-ролл на Юго-западе

Сегодня Раменки – один из престижных районов Москвы. Но когда-то это была жуткая окраина, куда ходил всего лишь один автобус № 66 от метро «Университет». В часы пик он был облеплен гроздьями людей, и большим счастьем было, если удавалось войти внутрь, а не висеть на подножке. Таксисты называли это место «Кубой», в том смысле, что ехать сюда было так же далеко, как на Кубу. Шутка, кстати, совершенно неслучайная, ведь массовая застройка района началась именно в 1962 году, когда Н. С. Хрущёву взбрело в голову разместить на Кубе советские ракеты с ядерными боеголовками, из-за чего едва не случилась атомная война.

В сентябре 1963 года в Раменки из центра Москвы переехала семья Вячеслава Малежика.

«Я очень хорошо помню, – рассказывал Вячеслав, – как 2 сентября мы с отцом ехали из Внуково, и, проезжая эти места, отец воскликнул:

– О, чёрт! Занесёт же сюда жить!

А приехали домой, мать говорит, что нам дали смотровую на квартиру, которая как раз в этих местах и находилась. Мы поехали смотреть. Решение было принято моментально, потому что по сравнению с 13,5-метровой комнатой, туалетом на улице, которые мы имели в центре города у Белорусского вокзала, эта квартира показалась нам просто царскими хоромами! Та мебель, которую мы перевезли из старой квартиры, растворилась здесь, её было практически не видно. Большая квартира – это определённое состояние духа. Она дает чувство свободы».

Новые дома, выросшие в начале 1960-х годов на месте бывших подмосковных деревень Раменки, Воробьёво, Троице-Голенищево, заселили молодые учёные, преподаватели МГУ, киношники, журналисты, артисты и даже дипломаты. То есть в основном это были люди, которые имели возможность более-менее регулярно привозить из-за границы свежие пластинки, газеты и журналы. Во многом именно поэтому здесь случился настоящий взрыв рок-н-ролла, потому что все – и взрослые, и их дети – полюбили новую музыку, коллекционировали записи и пели во дворах под гитару песни, от которых душа начинала трепетать, мечтая о необычных путешествиях и приключениях. Территориальная отдалённость от других районов Москвы создавала странное ощущение, будто ты плывёшь на корабле по огромному морю в поисках неведомых земель, экзотические звуки новой музыки тоже давали колоссальный простор для фантазии, и в итоге многие мальчишки, выросшие на Юго-Западе столицы, выбрали рок-музыку приключением на всю оставшуюся жизнь.

Вячеслав Малежик. 1973 г.

«Однажды я услышал из окошка на пятом этаже, как Валера Беспалов, будущий участник ВИА „Весёлые Ребята“, пел во дворе „I Schould Have Knows Better“, – вспоминает Вячеслав Малежик. – Мой сосед по парте Юра Давыдов (однофамилец лидера ансамбля „Зодчие“) показал мне на гитаре рок-н-ролльчик, который пел Пэт Бун. А муж моей старшей сестры обучил меня минорным аккордам. С этого всё и началось...»

Массовому увлечению новой музыкой способствовала и та уникальная атмосфера свободы, что царила в начале 1960-х в раменских школах. Рассказывают, что опытные учи-

теля, жившие в других районах Москвы, категорически отказывались сюда ехать, потому что добираться на работу в Раменки было весьма затруднительно. Тогда городской отдел народного образования (гороно) решился на эксперимент и набрал учительский состав из вчерашних студентов пединститутов, причём некоторые из преподавателей ещё даже доучивались на последних курсах. Разумеется, большинство из учителей оказались поклонниками рок-музыки, поэтому под сводами школ всюду звучали песни Элвиса Пресли, «Битлов», Пэта Буна...

«Атмосфера во время уроков в школе № 169, где учились мы с Юрой Валовым, – вспоминал Вячеслав Малежик, – была фантастически демократическая, вплоть до того, что мы позволяли себе называть учителей по имени – Танями или Наташами. Мало того, между учениками и учителями постоянно возникали романы. Они и в этом отношении были „учительницами первыми моими“. Парни, у которых случался такой роман, вызывали восхищение и удивление...»

Наверное, если бы в гороно почуяли этот запах свободы, то разгорелся бы большой скандал, ведь советская педагогика упорно считала, что любовь мешает изучению школьной программы. Но на самом деле атмосфера демократии дала свои плоды и с точки зрения успешной сдачи экзаменов в вузы. По крайней мере, Малежик рассказывал, что из сорока человек, учившихся в его классе, в различные институты поступили тридцать восемь! Сам Вячеслав Малежик пошёл учиться в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ), а его друг Юрий Валов поступил на юридический факультет Московского университета.

Центром притяжения для ребят из Раменок был, разумеется, Московский университет, который манил в какие-то ещё неведомые, туманные дали. Конечно, многие мальчишки и девочки, родившиеся не только в Москве, но и в других уголках Советского Союза, мечтали поступить учиться в МГУ, но раменские школьники воспринимали университет как что-то родное, домашнее, тем более что шпиль главного здания на Ленинских горах был виден практически из любой точки района.

«Я ещё учился в школе, когда начал ходить на сейшен в главное здание, или ГЗ, как все его называли, – вспоминает Юрий Валов, музыкант группы „Скифы“. – Я помню польских „Тараканов“. Они на меня произвели огромное впечатление тем, что у них на выступлении стояли огромные, как шкафы, колонки. Это так звучало! Это были мои первые ощущения, когда я звук почувствовал не ушами, а буквально всем телом.

Университет казался нам государством в государстве, в котором происходили разные очень интересные вещи. То, что не допускалось в других местах, например танцы под биг-бит-ансамбль, в университете было вполне возможно, потому что там училось много иностранных студентов. Там возникали клубы по интересам, там была кое-какая аппаратура, там можно было репетировать, вот поэтому там все и кучковались. У нас сложилась юго-западная тусовка, в которую входили Саша Градский, Лёня Бергер, Саша Лерман, а потом к нам и Дюжиков присоединился, все эти люди потом стали ключевыми музыкантами».

Первые университетские рок-группы состояли, как правило, из иностранных студентов, но в 1965 году на юридическом факультете МГУ возникла группа «Челленджерс», которую организовали советские студенты Николай Воробьёв (гитара, вокал, в будущем – художественный руководитель ВИА «Музыка»), Ярослав Кеслер (бас, в будущем – основатель группы «Мозаика»), Александр Жестырев (ударные, в будущем также «Мозаика») и Андрей Родионов (гитара). Название группы в переводе на русский язык означало «Бросающие вызов». Ребята назвались «загранично», чтобы выглядеть поярче и понеобычнее.

Осенью 1966 года на биологическом факультете родилась группа «Скифы», в первый состав которой вошли Владимир Сальников (ритм-гитара), Сергей Дюжиков (соло-гитара), Сергей Сапожников (бас), Юрий Малков (барабаны).

Ритм-гитарист Владимир Сальников рассказывал, что история этого легендарного ансамбля началась с того, что одним летним деньком он сидел на лавочке у общежития биофака и ждал своего приятеля Юрия Малкова. С собой у него была гитара, поэтому он, чтобы скоротать время, брэнчал какую-то битловскую песенку. Вот тогда к нему и подошёл незнакомый светловолосый юноша и попросил гитару. «Что было со мной после того, что я увидел и услышал, трудно передать словами, – вспоминал Владимир Сальников. – Так играть на гитаре у нас не мог никто. Что только он не выделял! Я увидел и разнообразные риффы, и даблстопы Чака Берри, и слайды, и бенды, и много аккордов, о существовании которых я даже не подозревал».

Этого юношу звали Сергей Дюжиков. Он поведал новому знакомому о том, что приехал в Москву из города Измаил, что там он мог не только слушать радио, но и смотреть по румынскому телевидению выступления знаменитых западных рок-групп, благодаря этому он правильно, по-рок-н-рольному играл на гитаре и знал многие приёмы, которыми пользовались Чак Берри, «Роллинги». А ещё в Измаиле у него была группа, которая называлась «Аргонавты». Теперь же он желал поступить на филологический факультет МГУ и создать группу в Москве.

Разумеется, ребята тут же договорились, что будут вместе делать новую бит-группу. Но, разумеется, окончательное решение было отложено до того момента, как станут известны результаты вступительных экзаменов.

Сергей Дюжиков успешно сдал все экзамены и был зачислен на филологический факультета МГУ. Владимир Сальников вспоминал, что конкурс на филфаке в то время был сумасшедший: более десяти человек на место. И то, что Дюжиков с первого же раза поступил в МГУ, свидетельствует о том, что он обладал незаурядными знаниями иностранного языка (английского) и литературы.

Едва были объявлены итоги вступительных экзаменов, как новая группа приступила к репетициям. Генератором идей, конечно, был Сергей Дюжиков. «Сергей каждому из нас показывал, что мы должны играть и как, – рассказывал Владимир Сальников. – Строго требовал исполнения своих установок. Сначала давалось всё с трудом, чувствовалась разница в уровнях нашей и его подготовки. Но постепенно стало получаться. От репетиции к репетиции группа становилась сыгранней».

Первое выступление «Скифов» состоялось в один из сентябрьских субботних вечеров на танцах в студенческом общежитии МГУ, в столовой. Музыканты очень волновались, но все их опасения оказались необоснованными: студенты жаждали нового звука, а потому приняли группу на ура.

Вскоре музыкантам удалось пробиться в ДК МГУ, поближе к кумирам – польским «Тараканам». Правда, общение с ними не заладилось, зато, когда «Тараканы» давали концерты, слушать их теперь можно было сколько душе угодно.

А вскоре и сами «Скифы» выступили на танцах в главном здании МГУ. Гитарист Владимир Сальников рассказывал, что народу собралось довольно много, но почти никто не танцевал. Обступив музыкантов полуколыцом, люди заворуженно следили за тем, как быстро бегают по грифу пальцы Дюжикова...

Сразу же после того выступления к «Скифам» потянулись гонцы из других институтов, наперебой зазывая музыкантов на студенческие вечера отдыха. Наиболее памятным стал концерт в Московском автодорожном институте (МАДИ). «В фойе актового зала нам устроили импровизированный подиум из столов, на котором мы провели весь вечер, – рассказывал Владимир Сальников. – Сергей Дюжиков так завёл публику, что временами мне становилось жутко. Казалось, ещё немного – и толпа начнёт громить всё вокруг. Над головами летали снятые пиджаки и куртки, местами возникали потасовки. Стоял дикий визг. Прибежали представители администрации и потребовали остановить это безобразие. Как ни странно, перед нами извинились за столь „непотребное“ поведение своих студентов, после чего всё закончилось...»

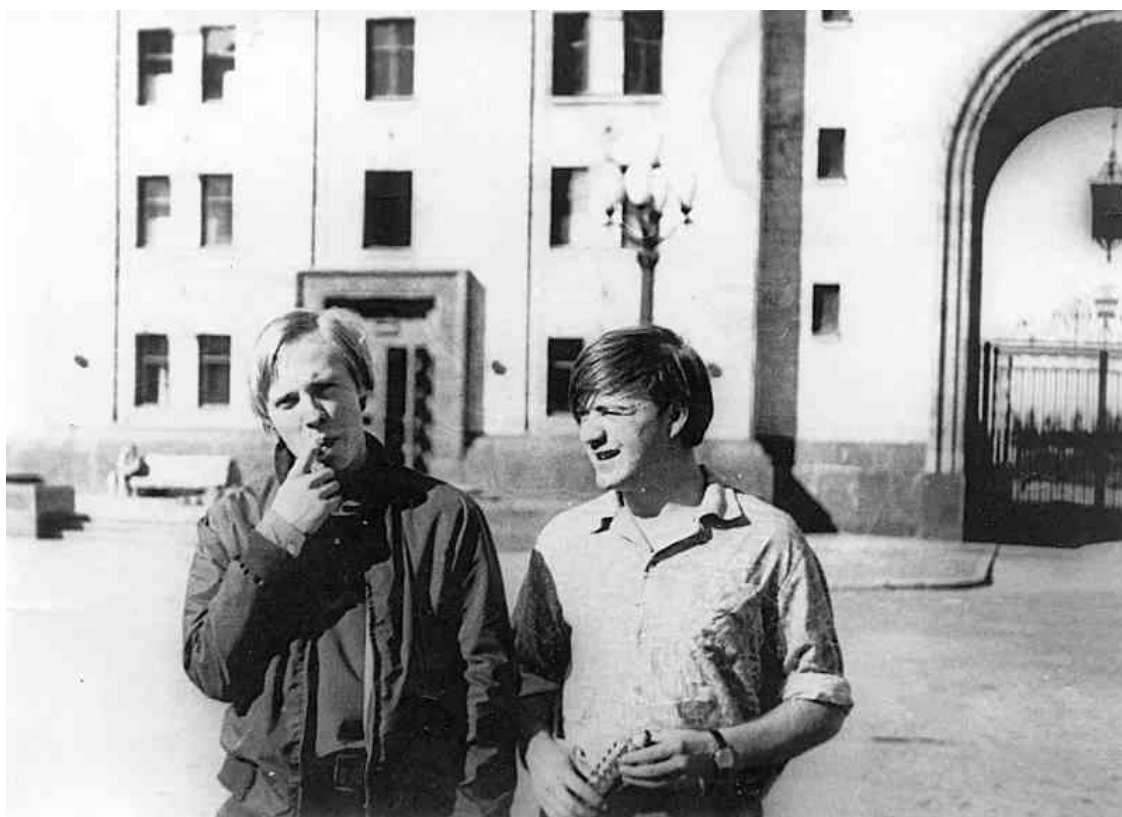
Кульминация творческой жизни первого состава «Скифов» наступила ближе к Новому году. Победив в отборочных турах городского конкурса студенческой эстрады, ансамбль получил право участвовать в финальном концерте, который должен был состояться... во Дворце спорта в Лужниках. Владимир Сальников рассказывал, что музыканты долго не могли поверить в такое счастье, думали даже, что приглашение выступить во Дворце спорта – чей-то розыгрыш. Их сомнения исчезли, только когда они вышли на сцену и почувствовали, как от ледяной арены явственно потянуло холодом.

«Скифы» выступали после известной в то время исполнительницы туристических песен Ляли Фрайтер. Её долго не отпускали со сцены, и это усиливало волнение, которое постепенно достигло своего апогея. А ещё мерзли кончики пальцев...

Но вот наконец ведущая объявила:

– А сейчас выступает группа «Скифы»!

Для конкурсного выступления «Скифы» подготовили инструментальную версию романса «Очи чёрные», правда, в твистовой аранжировке, как эту «вечнозелёную» песню исполняла модная английская группа Ventures, а также три композиции группы Shadows – «Apache», «Piece Pipe» и «The Rise and Fall of Flingel Bunt», причём последнюю музыканты посвятили советским космонавтам. Отыграли все вещи так, что зал охватило ликование. Жюри тоже осталось довольно и присудило ансамблю диплом лауреатов. Впрочем, в победе «Скифов» не было ничего удивительного: в те времена все понимали, что биг-бит и научно-техническая революция суть близнецы-братья, а студенчество было главным двигателем и того и другого...

Музыканты группы «Скифы» Сергей Дюзиков и Юрий Валов у Главного здания МГУ на Ленгорах

Осенью следующего 1967 года появился состав «Скифов», который стал легендой русского рока, первым начав пропагандировать ритм-энд-блюз: Сергей Дюзиков (гитара, вокал),

Юрий Валов (гитара, вокал, экс-«Ребята»), Виктор Дегтярёв (бас, экс-«Славяне»), Вячеслав Донцов (барабаны, экс-«Славяне»).

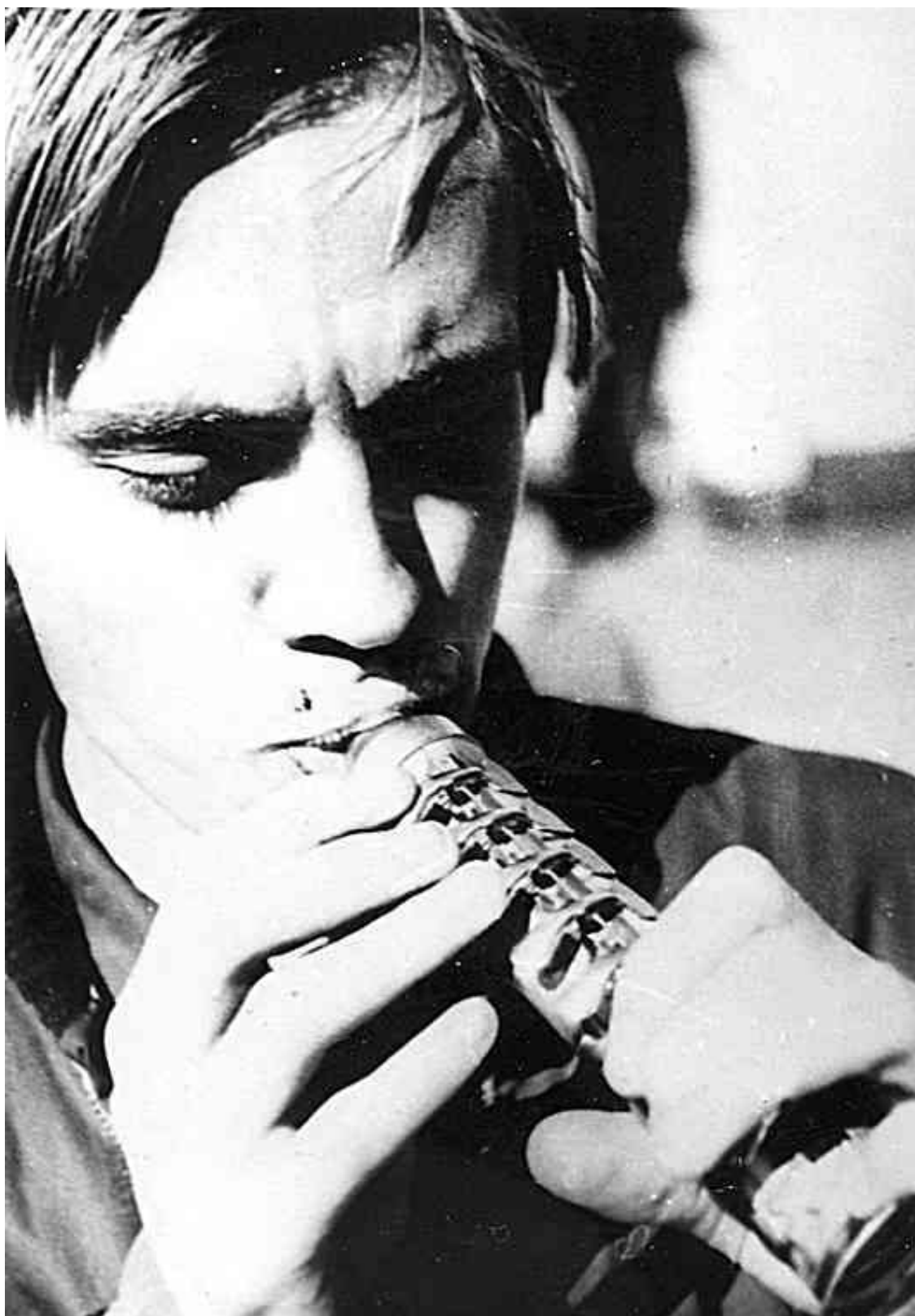
Известна точная дата, когда состоялось знакомство студента юридического факультета МГУ Юрия Валова и студента филологического факультета МГУ Сергея Дюжикова, – 20 сентября 1967 года.

«Встретились мы с Серёгой где-то в центре, в кафе, – рассказывал **Юрий Валов**. – К моменту его звонка по поводу возможного сотрудничества у нас с Дюжиковым было шапочное знакомство, пару раз мы бывали друг у друга на репетициях, и ещё раза два я ходил на выступления первого варианта „Скифов”. Неизгладимое впечатление на меня произвёл тогда и запомнился только Дюжиков...

...Прямолинейный Серёга „белую кашу по чистому столу размазывать не стал” и сразу сказал:

– Ну, чего? Давай гитарную группу будем делать!

Он добавил, что с ним в команде Юра Малков, немного игравший на барабанах, но в основном – звукооператор и человек, который может всё найти, всё устроить и организовать. У Малкова были два усилителя, барабаны, микрофоны со стойками – в общем, всё, что требуется для выступлений, а также место для репетиций в общежитии МГУ.

Сергей Дюзиков («Скифы»). 1967 г.

Надо сказать, что группа „Ребята”, в которой я играл, к этому времени уже была системой непрочной, да и мне, честно говоря, хотелось чего-то пожестче, погитарнее и пофирменнее. И мы решили делать новую группу.

Серёга спросил, есть ли у меня на примете клёвые басист и барабанщик. Я ответил, что таких у меня нет. Тогда он сказал, что через пару дней у него должна состояться встреча с каким-то супербасистом. Я говорю:

– Давай, тащи его!

Этим супербасистом оказался Витя Дегтярёв – очень техничный и очень музыкальный, он мог играть с нами в унисон сложные риффы, а аккомпанируя, играл тонко и вкусно, по-басовому.

Витя привёл к нам своего приятеля Славу Донцова, барабанщика, который умело давал тяжёлый, подстёгивающий пульс. Юра Малков сразу отошёл на второй план, оставшись звукооператором и директором группы. Вот так мы и собрались, группа хиппарей, единомышленников, друзей и собутыльников.

Честно говоря, мы сами обалдели от того, как у нас всё зазвучало. Мы звучали как нечто с тех желанных и загадочных пластинок. Как „фирма"! Глаза у нас тут же загорелись...»

«Скифы» были первой отечественной рок-группой, которая стала использовать фузз – прибор, который делал звук гитары по-настоящему космическим.

Началось всё с того, что на одном из концертов к музыкантам подошёл молодой парень и завёл разговор о гитарном звуке, о гитарных усилителях и вообще об аппаратуре для выступлений. Это был студент физфака МГУ Виктор Кеда. Как рассказывал Юрий Валов, отец Виктора входил в ту самую группу учёных, которая создала водородную бомбу. Но в ходе экспериментов он облучился и умер, поэтому мать Виктора категорически была против того, чтобы он, как отец, работал с ядерным оружием и ядерной энергетикой, и Виктор пошёл в другую отрасль. Он очень хорошо знал низкочастотную радиоэлектронику, был настоящим фанатом рока, а потому вскоре стал проектировщиком и производителем фантастической по тем временам аппаратуры.

«Значительная часть работ производилась у меня дома, на улице Крупской, – вспоминал Юрий Валов. – Паркет в комнатах до сих пор хранит шрамы от производства „скифовой” аппаратуры. Мои мама и бабушка снисходительно терпели им непонятное, шумное и многолюдное увлечение сына и внука, но у нас не было возможности пойти в магазин и закупить аппарат, который бы нас удовлетворил, и мы решали эту проблему, используя пути, нам доступные».

Сначала был собран мощный двухканальный усилитель. Размером он был метр на полметра, стоял горизонтально на четырёх ножках, как стол, и весил около пятидесяти килограммов. Затем на свет появился 12-канальный микшерский пульт, точно по размеру встававший сверху на усилитель. Конструкция пульта для того времени была уникальной, ведь там был и встроенный плёночный ревербератор с несколькими головками для разных по времени задержек, а на каждом канале имелось по три ручки для настройки низких, средних и высоких частот. Кроме того, Виктор Кеда сконструировал для Дюжикова и Валова блоки эффектов, которые включали в себя флэнжер и фэйзер. Флэнжер был исключительно популярен в 1960-х годах, так как его звук напоминал взлёт самолёта или ракеты. В свою очередь, фэйзер мог превращать самые обычные, самые банальные звуки, окружающие нас повсюду, в настоящие „космические сигналы”.

«Производство всех этих „железок” заняло примерно год нашей жизни, – вспоминал Валов. – Почти все деньги с выступлений мы тратили на аппарат, и каждый из нас в силу своих способностей участвовал в сверлении, пилении и пайке, и при этом мы ещё умудрялись сносно учиться, много репетировать, писать песни и выступать. Но звук для нас имел очень большое значение».

А потом до «Скифов» добралась пластинка Rolling Stones, на которой была записана песня «I Can't Get No (Satisfaction)». Очень многие наши музыканты были озадачены звучанием этой песни. Все чувствовали, что там в проигрыше играет именно гитара, но никто толком

не понимал, как «Роллинги» добились такого необычного эффекта. Тайна будоражила, и тогда Юра Малков притащил осциллограф, чтобы посмотреть на нём загадочную «Satisfaction». Музыканты, к своему удивлению, обнаружили, что синусоида на осциллографе была не правильная, а обрезанная. Тогда Кеда сказал:

– Я всё понял. Такой сигнал мы сделаем.

И сделал.

Юрий Валов рассказывал, что в 1980-х годах, когда он уже жил в эмиграции, в Нью-Йорке, то довольно близко сошёлся с Майком Мэсьюзом, основателем и владельцем Electro Harmonics – компании, которая с начала 1970-х годов стала специализироваться на серийном производстве гитарных примочек. Когда Юра рассказал американцу о наших гитарных примочках, сконструированных в конце 1960-х, тот слушал сначала с недоумением, так как не предполагал, что гитарные эффекты вообще производились в Москве даже кустарным образом, но потом, задав ряд вопросов, вынужден был признать, что некоторые эффекты у нас появились на два-три года раньше, чем в Штатах.

Кстати, этот состав «Скифов» тоже участвовал в смотре-конкурсе студенческой самодеятельности, и тоже выступал в финале конкурса во Дворце спорта в Лужниках, и тоже получил диплом лауреатов. Популярность группы быстро росла, чему способствовали песни на русском языке, которых постепенно набралось половина репертуара. Самые известные из них – «Годы, как птицы», «Я иду навстречу ветру», «Отпусти меня».

«Я послушал группу Юры Валова, и она решительно меня очаровала морем звука, лавиной звука, – признавался Вячеслав Малежик. – А на следующий день у себя в МИИТе я услышал группу „Архимеды” чехословацкого землячества и просто потерял голову. Я понял, что надо делать собственную группу. А так как группы тогда создавались либо по территориальному, либо по профессиональному признаку, то я попытался сделать группу в МИИТе...»

Даже сделавшись знаменитыми в масштабе Москвы, Вячеслав Малежик и Юрий Валов никогда не забывали о родном Юго-Западе и иногда выступали на вечерах отдыха в его школах.

«Однажды позвонил Юра и сообщил, что есть предложение сыграть концерт в школе рядом с его домом, на улице Марии Ульяновой, – рассказывал Вячеслав Малежик. – Из двух групп мы собрали одну: Юрий Валов, Сергей Дюжиков, Николай Воробьёв и я. У нас не было барабанщика, и Юра Валов сказал:

– Хорошо, я сяду за барабаны.

Со мной тогда приехал 17-летний Володя Буре, отец нашего знаменитого хоккеиста Паши Буре. Он приехал с каких-то соревнований из-за границы, весь стильный, в замшевых ботинках, в модной джинсовой куртке. Начали мы играть, а дальше всё было похоже на фильм про ковбоев. В перерыве, где-то в половине десятого, подходит ко мне парень:

– Это ты пел?

– Да!

– Твоих знакомых здесь много?

– Ну, есть...

– Скажи своим знакомым, чтобы уходили, потому что через 15 минут начнётся драка. Мне понравилось, что он указал точное время.

Я пошёл к своим ребятам и говорю:

– Сваливаем!

И все, включая Володю Буре, быстренько собрались и ушли.

Но самое интересное, что ровно через 15 минут действительно началась жуткая драка: стулья летали, как в салуне в фильмах про ковбоев. А мы в это время исполняли „Satisfaction”...»

В самом университете в 1960-х годах концерты проходили, как правило, в небольших кафешечках, которых было много в Главном здании. В пятницу, субботу и воскресенье в зонах общепита на нескольких этажах одновременно играли рок-группы, и народ кочевал, перемещаясь из одной кафешки в другую.

Вячеслав Малезик вспоминал, что его группа «Мозаика» регулярно выступала на 8-м и 16-м этажах главного здания МГУ: «Эти кафешки были маленькие, тем не менее туда набивалось человек по двести. И, несмотря на то что аппарат у нас был достаточно мощный, звук гасился о тела слушателей».

«Машина Времени» и «Удачное Приобретение» выступают в столовой МГУ № 8. *Фото Александра Агеева*

В 1970-х годах сейшены из маленьких кафе перебазировались в 8-ю и 10-ю столовые, расположенные на территории университета. Это – двухэтажные здания, на первом этаже которых были профессорский зал и кулинария, а на втором – студенческая столовая, которую студенты весело именовали «столовая имени Сальери». Вот там, наверху и проводились концерты.

«Звук был кошмарный, – рассказывал **Алексей Вайт Белов**, – но мы играли там с удовольствием, потому что и 8-я, и 10-я столовые вмещали народу больше, чем кафешки в главном здании, соответственно музыкантам могли заплатить больше денег...»

Концертный администратор Московской рок-лаборатории Александр Агеев вспоминал, что именно в МГУ он в первый раз увидел «Машину Времени»: «Тот концерт проходил не в столовой, а в первом гуманитарном корпусе. У „Машины“ был ещё старый состав, с Максом Капитановским на барабанах. „Машинисты“ играли в коридоре, между лестницами. Они пели про изумрудный унитаз, про розовые очки – эти песни мне тогда очень понравились. И народ отреагировал: я смотрю – никто не танцует, все слушают. И мне это, конечно, запало...»

* * *

К началу 1980-х рок-музыка с Ленинских гор переместилась в университетские общаги. Постоянно возникали слухи, что какой-либо сейшен прошёл то в ДСВ (Дом студента на Вернадского), то в ДСК (Дом студента на Кравченко). Но, конечно, самым знаменитым рассадником рока стал ДАС, Дом аспиранта и стажёра МГУ на улице Шверника.

ДАС – то самое здание, мимо которого в финале фильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром» идёт герой Андрея Мягкова. Потом каким-то чудесным образом он оказывается в районе метро «Юго-Западная», неподалеку от невероятно популярного в те времена магазина «Польская мода», хотя добираться туда от улицы Шверника довольно долго. Надо доехать на автобусе № 119 до метро «Университет» и продолжить путь под землей либо на троллейбусе № 34 до метро «Юго-западная». На самом деле в тот год, когда снимался фильм, 3-й улицы Строителей в Москве не существовало, в мае 1963 года она получила современное название в память об участнице революционного движения, сестре В. И. Ленина М. И. Ульяновой. Тогда же 2-ю улицу Строителей переименовали в улицу Крупской (кстати, именно здесь в молодости жил музыкант группы «Скифы» Юрий Валов). Зато была улица Строителей, хорошо известная в кругах любителей джаза, так как на ней находилось молодёжное кафе, в котором часто звучала джазовая музыка. Чтобы добраться до неё, герою Мягкова надо было выйти на станции метро «Проспект Вернадского» и пройти немного назад, в сторону университета.

А в остальном всё было именно так, как показано в «Иронии судьбы...»: и Дед Мороз пел под гармошку около универсама на улице Шверника, и там же под Новый год продавали шампанское с лотков...

Но именно ДАС был магическим центром притяжения всего района, протянувшегося от улицы Дмитрия Ульянова до Загородного шоссе, – отличное тусовочное место, где постоянно выступали какие-то группы.

Дом аспиранта и стажёра МГУ был построен в 1971 году. Это красивое современное здание, два 16-этажных корпуса которого так развернуты к улице, что как бы всё время поворачиваются к человеку разными гранями, как в сказке про избушку на курьих ножках. Кстати, «курьи ножки» тоже были: они поддерживали крышу перехода, который соединял оба корпуса. В этом переходе находились столовая и кафе, кинотеатр, различные службы быта, плавательный бассейн. Здесь же, либо в кинозале, либо прямо в переходе, выступали рок-группы.

Но ДАС – это не просто «чудо архитектуры», это – уникальный эксперимент по созданию дома нового быта. Был период на стыке 1960-1970-х, когда учёным было интересно заниматься изучением особенностей быта современной семьи, выяснять, на что тратится её бюджет, как использует свой досуг. ДАС стал экспериментальной площадкой для исследований факультета социологии МГУ, которые возглавил Иван Маркелович Слепенков. Но эксперимент так и не был доведён до конца, поскольку выводы учёных-социологов кардинально расходились с требованиями Агитпропа ЦК КПСС. Коротко говоря, советская молодёжь оказалась совсем не такой, как её представляли себе кремлёвские идеологи.

Среди тех, кто получил жильё в ДАСе, согласившись на участие в том уникальном социальном эксперименте, была семья Алексея Борисова, одного из создателей легендарной группы «Ночной проспект», изрядно пошумевшей в 1980-х годах.

«В ДАСе была своеобразная атмосфера, ведь там было много молодёжи и много иностранцев, – вспоминает Алексей. – Именно там я впервые услышал многие рок-группы, ту же „Машину Времени“. Когда я учился в 7-м классе, там же, в ДАСе появился на свет рок-ансамбль, в котором я начинал как басист и даже солировал в одной песне». Таковы наиболее яркие впечатления Алексея Борисова от жизни в ДАСе, и теперь, пожалуй, понятно, почему

провалился тот эксперимент: ведь рок-музыка не являлась составной частью коммунистического движения...

«Я учился в английской спецшколе № 45, расположенной на улице Шверника, недалеко от метро „Академическая“, – рассказывает Алексей Борисов. – Её директором был легендарный Леонид Мильграм, женатый на дочке главного редактора газеты итальянских коммунистов *Unita*. Это была лучшая школа в Москве в плане преподавания английского. Когда после 8-го класса я перешёл в эту школу, то оказался в числе отстающих, и мне потребовался год усиленной работы, чтобы выйти на должный уровень в знании английского. В школу часто приезжали иностранные школьники, там был хорошо оборудованный лингафонный кабинет. Но самое главное – у нас в школе был сводный рок-ансамбль, в котором существовало несколько формаций.

Алексей Борисов пробует звук перед концертом в ДАСе. Его группа «Ночной Проспект» предоставила для этого сейшена свою аппаратуру. 1985 г.

В старшей формации нашего сводного ансамбля играл Артём Кадик, который в начале 1980-х выступал в хеви-метал-группе „Кросс“.

Алексей Локтев, в будущем клавишник „Центра“, я и наш одноклассник Лапшин тоже собрали свою формацию. Локтев играл на клавишах, Лапшин пытался быть вокалистом, а я – бас-гитаристом. Был у нас ещё приятель Василий Клюкин, неплохой, как мне тогда казалось,

гитарист, позже он пробовал свои силы в каких-то группах, но умер от передозировки. Мы исполняли несколько песен из кинофильма „О, счастливчик!”, криденсовскую „Who'll Stop The Rain”, что-то из Джона Леннона, пытались делать и какие-то свои вещи.

Обстановка в школе была очень либеральной, по крайней мере по сравнению с 625-й математической школой, где я учился до этого (она находится рядом с ДАСом, за прудом). Там была жуткая директриса, которая запрещала всё на свете. Впрочем, там тоже были попытки создания группы: Олег Чилап и Саша Липницкий, в будущем – музыканты группы „Оптимальный Вариант”, попытались сделать рок-ансамбль, но продержались там не долго. Кстати, некоторое время с ними играл Саша Маликов, будущий барабанщик „Ва-Банка”, который тогда учился в 45-й школе. Мы много общались в то время, можно сказать, варились в одном котле, тем более что все жили неподалеку.

Там же, в 45-й школе, но на два класса старше меня, учился Александр Скляр, будущий певец „Ва-Банка”.

Там же, но на два класса младше меня, учился Сергей Собинин, будущий гитарист групп „Центр” и „Монгол Шуудан”.

А в параллельном классе учился старший брат Собинина – Дмитрий. Он не стал музыкантом, хотя и пробовал играть на барабанах в различных школьных рок-формациях. Он стал комсомольским функционером, но тем не менее остался яростным поклонником рока и, работая где-то в Раменках, стал устраивать рок-концерты. Кстати, первый концерт „Браво” устроил именно он, Митя. Это было на дискотеке в Крылатском. Позднее там же выступали и „Центр”, и наш „Ночной Проспект”.

Кстати, у нас в школе играли и „Машина Времени”, и „Удачное Приобретение”. Там же, в спортзале, состоялся и первый концерт „Центра”, когда группа ещё называлась „777”. Это выступление организовал Локтев. Сделать это оказалось не трудно, поскольку он был достаточно заметной фигурой в школе. Во-первых, он был одним из лучших по английскому языку, поскольку некоторое время вместе с матерью прожил в Америке, во-вторых, директор к нему очень хорошо относился.

Я учился на первом курсе исторического факультета Московского университета, когда Локтев на своём дне рождения рассказал мне, что есть такой Вася Шумов, который делает „новую волну”. А нас „новая волна” тогда очень интересовала. Мы все, разумеется, слушали тогда „Голос Америки”, а там много передавали и панк-рока, и „новой волны”. И даже по нашему телевидению об этом как-то рассказывали.

Локтев пригласил меня на концерт „Центра”, который играл на выпускном вечере в какой-то школе в районе Таганского трамвайного депо. Их туда ангажировал директор ДК, в котором репетировал „Центр”. Он промышлял организацией школьных вечеров, за что брал свой процент. Я отправился на сейшен вместе с приятелем, мы помогли ребятам из „Центра” перевезти аппаратуру: биговские колонки, „Вермону”... Школа располагалась недалеко, и мы всё это отвезли туда на какой-то тележке.

Школьники танцевали, и было ощущение, будто подобную группу они видят каждый день. Я понял, что им было всё равно, но для меня выступление „Центра” стало настоящим культурным прорывом. Музыканты вышли в чёрных костюмах, белых рубашках и узких галстуках, в их имидже уже не было ни хиппизма, ни диско, в то время как сам я был одет по диско-моду: у меня были узкие джинсы, остроносые сапоги на скошенном каблуке, кроме того, я тогда ещё носил небольшие усы – это была дань образу дискомена типа Фредди Меркьюри.

...Они вышли, заиграли свои вещи, а также – импортный репертуар. Вася любил классику 1960-х, он пытался делать что-то из Rolling Stones, из The Beatles, но не пытался играть панк. Единственная панковская вещь, которую мы потом, когда я сам уже стал музыкантом „Центра”, пробовали сделать, – „No more heroes” из репертуара Stranglers. Вася специально

культивировал стиль 1960-х, и это было очень свежо по отношению к группам, тогда существовавшим.

Потом была Олимпиада, на которой я работал, а потому на какой-то момент выпал из музыкальной жизни. Но в конце августа Локтев позвал меня в Подлипки, где „Центр” играл на танцах. На гитаре в „Центре” тогда играл Сергей Сизов, неплохой гитарист, но его интересы лежали в другой сфере: он любил Deep Purple, Led Zeppelin. Он был по-своему стильный человек, пытался отращивать волосы, у него были усы, которые делали его похожим на Фрэнка Заппу. Но, видимо, именно поэтому Вася принялся осторожно расспрашивать, что я делаю да где играю, и в конце концов предложил поиграть в „Центре”. Но сезон уже заканчивался, было начало сентября, и на танцах в Подлипках я отыграл лишь три или четыре концерта. А потом мы начали плотно репетировать в ДК трамвайного депо.

Разумеется, учась в университете, я принимал участие в мероприятиях местной самодеятельности – так у нас было заведено. Наиболее активная самодеятельность была на кафедре новой и новейшей истории, где я специализировался, особенно на английском отделении: там студенты с удовольствием исполняли популярные английские песенки 1950-1960-х годов, в основном – баллады. На одной из репетиций я познакомился с Димой Маценовым, который учился на курс младше меня. Он был с инструментом – с акустической гитарой – и довольно лихо кому-то аккомпанировал. Мы разговорились, я сказал ему, что играю в „Центре”, и на него это произвело огромное впечатление, поскольку он уже слышал записи „Центра”. В итоге мы довольно быстро подружились на почве обоюдного увлечения „новой волной” и панком. Кроме того, вскоре выяснилось, что Дима живёт в том же самом доме на проспекте Вернадского, где жила Ира, моя будущая супруга, в соседнем подъезде. Мы стали общаться, несколько раз Маценов приходил на репетиции „Центра”, бывал на концертах, а я стал захаживать к нему в гости. У Дмитрия была неплохая коллекция различной музыки на виниловых пластинках и кассетах. В какой-то момент мы стали вместе музицировать, и однажды я почувствовал, что мне очень комфортно играть с Маценовым. В „Центре”, честно говоря, у меня не все получалось, и если рок-н-ролл мне давался легко, то Васиным вещам играть было почему-то сложно.

Всю зиму и весну „Центр” довольно много выступал: раза два в неделю как минимум, а то и чаще. На лето мы разъехались на каникулы, а когда осенью вернулись, то почувствовали, что ни у кого нет настроения продолжать дальше. И у меня, и у других появилась какая-то апатия, связанная с тем, что выхода из андеграунда не существовало.

А потом в „Центре” появился Валера Саркисян, который играл гораздо лучше меня и очень стильно выглядел. И я понял, что делать мне в „Центре” уже нечего и надо как-то менять обстановку. Видимо, и ребята это понимали. Однажды мы с Локтевым сидели в буфете Центрального дома художника, это было модное место, где собиралась продвинутая молодёжь. Мы разговорились и вскоре пришли к выводу, что мне в „Центре” лучше больше не играть. В этот же вечер я позвонил Маценову, и мы договорились, что будем делать ансамбль.

Маценов привёл барабанщика Сергея Раскатова, своего друга, который сразу вписался в группу. Осталась вакансия басиста, на которую я пригласил Сергея Кудрявцева, с которым раньше играл в „Центре”. Он с радостью откликнулся. Мы стали репетировать и уже скоро выступили в общаге ДСВ. Именно там был наш первый концерт».

Вот так в столичном андеграунде появилась группа «Проспект», эффектно исполнявшая твисты и рок-н-ролл. Столичным студентам, а также их родителям понравились забавные песни ансамбля, в которых изящно переплелись радостные ритмы 1960-х и причудливые изгибы «новой волны». Влияние родителей сказалось и на имидже музыкантов: строгие пиджаки, узкие галстуки, узконосые ботинки – так одевались стильные молодые люди в 1960-х. Импонировал публике и неагрессивный, «сдержанный» стиль общения, практиковавшийся музыкантами «новой волны»: ребята из «Проспекта» старались играть быстро и горячо, но как бы выдерживая холодный, «научный» подход – казалось, именно так было принято вести себя

в обществе в те годы, когда папы и мамы были молодые и только-только вошли в науку, чтобы совершить в ней научно-техническую революцию.

Вот как Алексей Борисов объясняет своё стремление приблизиться к эстетике 1960-х: «Мои родители всю жизнь проработали в вычислительных центрах, поэтому и моё детство прошло среди компьютерной техники, а она тогда гораздо более впечатляюще выглядела, нежели сегодняшние персональные компьютеры: гигантские комплексы, напоминающие космические объекты, в каких-то шкафах крутятся бобины с плёнкой, мигают лампочки, люди ходят в белых халатах – эффектная эстетика на грани научной фантастики. Конечно, это наложило определённый отпечаток...»

...Тот концерт «Проспекта» в ДСВ был также знаменателен ещё и тем, что послужил катализатором для того, чтобы на филологическом факультете МГУ появилась группа «Кабинет», также ставшая весьма популярной среди столичной студенческой молодёжи. Вот что рассказывает Егор Никонов, один из основателей «Кабинета», впоследствии гитарист золотого состава группы «Ва-Банкъ»:

«Мы все учились на филфаке: Саша Маликов и Илюша Шестаков были моими однокурсниками, а Паша Арапенков учился на курс младше.

Сначала мы выступали вдвоём с Илюшей Шестаковым, я играл на гитаре, а он – на... расчёске. Мы пели для друзей, и всем очень нравилось. Но после того, как я увидел в ДСВ концерт группы „Ночной Проспект“, то решил немедленно сделать что-то подобное.

Егор Никонов, гитарист «Кабинета»

Илья Шестаков, вокалист «Кабинета»

Басиста мы нашли у нас в первом гуманитарном корпусе, где размещался филфак, на „сачке”...»

«Сачок» – это длинный вестибюль на первом этаже между лифтами, где на подоконниках и батареях парового отопления сидели студенты, разговаривали, обсуждали всякие новости, переписывали конспекты. Это укромное место, как сачком, ловило тех, кто хотел немного перевести дух от лекций и семинаров и слегка потусоваться. Отсюда пошло слово «сачковать» – отлынивать от работы или занятий. Если того или иного студента нужно было срочно найти, а его не было в аудитории, то надо было лишь спуститься на «сачок»...

Александр Маликов, барабанщик «Кабинета»

«...Илюша мне как-то сказал:

– Там на „сачке” какой-то парень с гитарой всё время ходит... – продолжает рассказ Егор.

Мы подошли к нему:

– Ты хочешь играть с нами?

Он говорит:

– Я буду играть с вами, ребята!

Это был Паша Арапенков.

А потом мы познакомились с Сашей Маликовым. Это был достаточно известный на факультете человек, привлекавший к себе внимание и своим видом, и критическим отношением к действительности. Маликова в своё время даже забрали на „Трубе” в ментуру за то, что он, поддерживая движение хиппи, ходил в штанах с необыкновенно широким клёшем... Маликов стал нашим барабанщиком, что существенно повысило наш авторитет в глазах студентов...»

«Кабинет» был первой московской группой, исполнявшей ска и регги, причём с достаточно жёстким звучанием, которое удивительным образом сочеталось с «цепляющими» мелодиями и броскими, радикально «идиотскими» для своего времени текстами.

«В школе, естественно, я играл хард, – рассказывает Егор Никонов, – и это не было для меня чем-то новым. А ска был каким-то совершенно неизвестным музыкальным пластом, а потому дико интересным. Ведь люди обычно возили из-за границы Pink Floyd или металл какой-нибудь, а диски групп Specials или Madness были очень большой редкостью. Пришла, допустим, пластинка Specials – это событие! А университет тогда был одним из немногих мест,

где люди могли свободно обмениваться музыкальной информацией. У каждого кто-то ездил за границу – мамы, папы, дяди или тёти. Поэтому музыкальной информации было достаточно.

В универе тогда уже всё шло под девизом „новой волны” – и в увлечении музыкальными стилями, и в одежде, и в манере общения. Если раньше все ходили в свитерах, ибо с лёгкой руки Высоцкого свитер считался своеобразным символом свободомыслия, то теперь у нас появились пиджачки и галстучки, и люди, одетые стильно, сразу выделялись на общем фоне. Постепенно выработался холодный стиль общения – тот, что начинал пропагандировать „Центр”: „Мы с вами не знакомы, вас нам не представили”. И песни мы пели такие же ироничные, как и „Центр”, хотя это было немножко по-другому, чем у Васи, повеселее и без издёвки».

Пока «Кабинет» ещё только репетировал свои первые песни, «Проспект» активно давал концерты. Состоялся сейшен и в родной для Алексея Борисова школе № 45.

«По-моему, всё прошло удачно, – вспоминает Алексей. – На концерте присутствовали какие-то американские школьники, которые бурно реагировали на наше выступление. Но главное – туда пришли все мои друзья-одноклассники, в их числе и Локтев, которому концерт очень понравился».

Гремели сейшены, и постепенно менялся состав ансамбля. Вместо Раскатова пришёл профессиональный барабанщик Сергей Павлов. Потом в группе появился клавишник Иван Соколовский, в то время студент философского факультета МГУ. Если говорить честно, то Соколовского взяли в «Проспект» потому, что у него дома стояли две колонки, большая и маленькая, которые можно было успешно использовать на сейшенах. В те времена аппаратура была в дефиците, поэтому каждый лишний ватт, каждый лишний децибел был буквально на вес золота. Но уже вскоре стало понятно, что Иван, постоянно готовый отправиться в новые приключения, стал в «Проспекте» своим человеком. Когда в 1984 году «Проспект» прекратил своё существование, Иван предложил Алексею Борисову сделать программу вдвоём – так на свет родился «Ночной Проспект». Так как народу в группе было маловато, они придумали записывать «болванки», куда загонялись партии барабанов, бас-гитары, некоторые гитарные фрагменты. Репертуар новой группы в основном составили твисты и рок-н-ролл из старой программы группы «Проспект», но в электронной обработке, и здесь в полной мере проявился талант Ивана как аранжировщика.

Дебют «Ночного Проспекта» и «Кабинета» состоялся 26 апреля 1985 года в пасхальную ночь в спортзале ДАСа. Старожилы рока до сих пор вспоминают разгильдяйские «кабинетовские» боевики «На природе» и «Строительный закон», а также чудесную лирическую песню «Ох, если бы я умерла!», которую сочинила и исполнила певица «Ночного Проспекта» Наташа Агапова.

В том же сейшене приняла участие питерская группа «Алиса», популярность которой распространялась по стране подобно взрыву. Причём это был первый электрический сейшен «Алисы» в Москве. Концерт организовали Олег Корнев и его друзья, студенты биологического факультета МГУ. В те времена на Пасху можно было делать всё, что угодно, если это отвлекало студентов от похода в церковь, поэтому проведение рок-концерта поначалу было благожелательно встречено университетским начальством, которое об «Алисе» ещё и слыхом не слыхивало, а потому совершенно не представляло, что может произойти.

Сцена была сооружена из двух столов для пинг-понга. Аппаратуру привезли ребята из «Ночного Проспекта». Это была фантастическая аппаратура. Колонки были сделаны из старых чемоданов, которые Иван и Алексей обнаружили на какой-то свалке, приволокли домой к Борисову, выкрасили в чёрный цвет, а внутрь вставили динамики. Однако этих чемоданов вполне хватило, чтобы «прокачать» студенческий спортзалчик. Алексей Борисов не пожалел и свою гордость – настоящий японский микрофон Yamaha, так что даже слова разобрать можно

было. Вместо концертных прожекторов светили две мои фотолампы, но прикрутить их удалось только по одну сторону сцены.

Народу набралось много, и большинство – отнюдь не студенты университета. Трудно даже вообразить, как они узнали об этом концерте и оказались здесь. Скорее всего, Кинчев постарался. В любом случае Москва всегда слухом полнилась. Кинчев лично привёл лишь Артёма Троицкого и музыкального критика с телевидения Таню Диденко.

Константин Кинчев выступает в спортзале общежития ДАС МГУ. Апрель 1985 г.

В Москве Кинчев хотел спеть «Нервную ночь», а потому состав приехавшей с ним группы был весьма экспериментальным: Станислав Задерий (бас, вокал), Андрей Шаталин (клавиши), Игорь Панкер «Монозуб» (ударные) и Андрей Заблудовский (гитара). У Андрея Заблудовского в тот же вечер был концерт в Ленинграде в составе группы «Секрет». Он вылетел в Москву на самолёте сразу же по окончании секретовского выступления и появился в ДАСе за 15 минут до выхода Кинчева на сцену.

В Москву музыканты «Алисы» приехали с одними гитарами, поэтому Шаталин играл на клавишном агрегате Ивана Соколовского и долго подбирал нужные ему созвучия. Выступавшие до «Алисы» группы использовали электронные барабаны, только-только вошедшие в моду, но Панкер наотрез отказался играть на них. После долгих поисков хоть какой-то замены ему где-то раздобыли астрономический глобус, подзвучили его, и Панкер принялся отстукивать по нему долю. К концу выступления Кинчева глобус раскололся пополам...

И вот наконец заветная полночь. Кинчев вышел на импровизированную сцену:

– Христос воскрес!

Зал в ответ что-то невнятно прошелестел.

– Нет, так не пойдёт! – сказал Кинчев. – Вы должны были ответить: «Воистину воскрес!» Давайте попробуем ещё раз! – Костя сделал паузу, развел руки в стороны: – Христос воскрес!

– Воистину воскрес! – отозвался наконец зал, и сразу пошёл отсчёт:

Айн, цвай, драй, фир!
Доктор Франкенштейн, профессор кислых щей,
Вы хотели докопаться до сути вещей...

Зал бурлил на кинчевском огне, и в конце концов кто-то из местного начальства не выдержал, продрался к звукооператору и сказал, что, если это «фашистское безобразие» не будет немедленно прекращено, он вызовет оперотряд. Это пожелание передали на сцену Кинчеву. К счастью, он пел уже последнюю песню.

– Сейчас сюда приедет оперотряд, – допев, сказал Костя в микрофон. – Расходитесь, пожалуйста.

Зал опустел за считанные секунды – музыканты ещё не успели джеки вытащить. Лишь в воздухе осталось витать сожаление от недослушанных песен. «Перспекты» уже разбирали и грузили аппарат, а питерцы вместе с организаторами сейшена поднялись на 12-й этаж в комнату диско-клуба «Альфа», чтобы отдохнуть, поговорить, допеть.

Шутки и разговоры кружили над набившимся в холл народом, как вдруг какая-то девчонка обратилась к Кинчеву:

– Я тут недалеко живу, пойдёте ко мне домой есть макароны.

Музыканты быстро собрались и ушли. А буквально через пять минут ДАС был окружён оперотрядом, нагрянувшим из главного здания, что на Ленинских горах. Все входы и выходы были перекрыты, началась облава и повальная проверка паспортов: искали каких-то «ленинградских музыкантов». Но тех уже и след простыл...

Вот что вспоминает о том концерте один из его устроителей **Олег Корнев**, в то время студент биологического факультета МГУ и руководитель диско-клуба «Альфа»:

«Первый раз фразу о „фашизме” я услышал от представителя нац. диаспоры в ДАСе. Дословно это звучало так: „Если щас эти фашисты не прекратят играть, придут 50 чеченов с нунчаками и вас тут всех положат...” Почему 50, почему с нунчаками, а не с пулемётом, я не понимал, было просто не до того. Однако тот же термин прозвучал на всеобщем собрании биологического факультета МГУ из уст тогдашнего комсомольского шефа. Предполагалось линчевание, но не тут-то было, несколько известных на факультете людей, в том числе профессор Юрий Сергеевич Ченцов, объявили, что никакого фашизма не было, а имел место лёгкий бордель, за который линчевание организаторов не положено, и инициировали голосование, единоголосное в мою пользу!

Этот концерт был бы невозможен (или закончился бы до своего начала), если бы не было помощи всего коллектива нашего диско-клуба и его друзей, в том числе председателя оперотряда биофака, моего одноклассника Рустема Узбекова. Дело в том, что, прекрасно зная о нашей подставе – левый концерт вместо дискотеки, они обеспечили неуничтожение ДАСа прибывшими „подонками”. Но подозреваю, что не случайно они получили приказ отбыть ночью на Ленгоры в главное здание, а на их место был отправлен другой (верный!) оперотряд, который и устроил в общежитии „гестаповский” шмон.

К счастью, ленинградцы ушли из общежития буквально за считанные минуты до появления оперотряда из главного здания, который блокировал все входы и выходы.

Я закрылся изнутри комнаты диско-клуба, который располагался на 12-м этаже. Дверь брали штурмом часов шесть, какой-то „гестаповец”, рискуя жизнью, лез по подоконнику из соседней комнаты, пытаясь заглянуть внутрь. Ожидая его, я повесил на окно какое-то одеяло. А в коридоре бегали и орал:

– Открывайте, мы знаем, что вы здесь!

Понятное дело, я нагло просидел запершись до 4 дня, пока они не свалили!»

...А между тем у меня-то тоже никаких документов не было! Что ж делать? Спасло меня то обстоятельство, что я тогда работал уборщиком в дасовском бассейне и в то утро как раз была моя смена. Что ж, я смело двинулся на оперотрядчика.

– Ваши документы! – остановил меня грозный рык.

– Какие документы?! Я здесь работаю! Ты сам кто такой?!

«Ночной Проспект»: Алексей Борисов и Иван Соколовский. 1985 г.

Быть бедной овечкой я не собирался. Минут пять мы препирались на повышенных тонах, потом я примирительно предложил оперотрядчику пройти со мной в бассейн, где подтвердили бы, что я там работаю. Надо сказать, я хорошо представлял, что должно было за этим последовать. Коллектив бассейна был сугубо женский, а я – студент-пятикурсник – был любимчи-

ком администраторши, которая души во мне не чаяла, подкармливала домашними пирогами, делала всевозможные поблажки, позволяла купаться столько, сколько я хотел.

Итак, под конвоем двух оперотрядовцев я спустился в бассейн:

– Ангелина Петровна, эти двое меня на работу не пропускают!

Начальница была женщиной крупной, она набрала в лёгкие воздух и выпустила на оперков поток весьма нелицеприятной критики. А они-то были всего лишь студентами, для них любой персонал университета был очень важным начальством, поэтому, стусевавшись, они бочком-бочком выбрались из бассейна и ретировались. А я, почуяв безнаказанность, решил попроказничать и начал ходить туда-сюда. Перенёс одежду, кофр с фотоаппаратурой, шнуры какие-то. Каждый раз командир оперотряда встречал меня грозным окриком: «Ваши документы!», но поднимал на меня глаза, и только тихий стон его разносился по общаге...

Кстати, ту девчонку, что увела музыкантов есть макароны, я больше нигде никогда не встречал. Кто она была? Ангел, наверное, кинчевский пролетел...

«На следующий день после концерта в ДАСе, – вспоминал Иван Соколовский, – нам позвонили из ЦК ВЛКСМ и сказали, что мы внесены в чёрные списки и нас ждёт на собеседование один крупный комсомольский деятель, которому поручено организовать экстренное „закрытое прослушивание“ нелегальных рок-групп. Изрядно испугавшись за наши научные карьеры, мы с Лёшей Борисовым оделись в обыкновенную для студентов МГУ одежду (брючные костюмы, белые рубашки и галстуки) и отправились на собеседование...

Увидев нас в „приличном виде“, аккуратно подстриженными и опрятными, он был сильно удивлен. Он явно ожидал увидеть крутых „неформалов“ в чёрных кожаных куртках, драных джинсах, с бутылкой портвейна за пазухой и тотальным матом на устах. Когда же мы скромно рассказали о том, на какие темы мы пишем наши диссертации и какую музыку предпочитаем играть (электронный твист и романтическую „новую волну“), босс на минутку задумался и сказал:

– Вы, ребята, учитесь, развивайтесь; такие, как вы, очень нужны нашему обществу. Что же касается музыки, то ваше участие во вчерашнем концерте явно случайное, и вы ни в чём не виноваты. В МГУ есть прекрасные возможности для самостоятельности, прекрасный ДК, солидная материальная база. Так что из чёрных списков я вас вычеркиваю, и закрытое прослушивание вам не нужно. До свидания!..

Мы уже собрались уходить, но тут Лёша Борисов обернулся и мрачно произнёс:

– А знаете, на самом-то деле мы лишь официально „Ночной Проспект“, а в мире андеграунда мы известны ещё и как „Обоссанные Гантели“ и поём исключительно матом и всякую похабщину.

Комсобоос мгновенно покраснел, на минуту задумался и совершенно неожиданно истерически заорал:

– Чтобы завтра же вы были на прослушивании, и посмейте только не прийти! Вы остаётесь в списках вплоть до вашего окончательного запрещения и расформирования. Подумайте о вашей карьере и выберите: либо музыка, либо наука! А теперь – вон!!!»

Вскоре была образована Московская рок-лаборатория, куда «Ночной Проспект» вступил одним из первых, чёрные списки были позабыты, подпольные концерты остались в прошлом, и у группы началась нормальная концертная жизнь.

«Кабинет» распался в мае 1986 года, поскольку Илья Шестаков уехал по распределению в Вильнюс, где вплотную занялся литературой и изобразительным искусством, Егор Никонов и Саша Маликов начали выступать в составе группы «Ва-Банкъ», а Павел Арапенков – в составе панк-ансамбля «Пого».

Олег Корнев поплатился за организацию того пасхального сейшена тем, что его не пустили на практику в ГДР, что было, конечно, крайне обидно. Тем не менее он продолжал

организовывать концерты, но уже не в ДАСе, где играть рок больше не разрешалось, а у себя на родном биофаке, где были сильны традиции проведения всяческих неформатных концертов. В этих сейшенах принимали участие многие популярные коллективы – «Ночной Проспект», «Бригада С», «Доктор», «Кабинет». Бывали здесь и Кинчев с Башлачевым. Подпольные концерты оформлялись как выступления группы «Заповедник», которая являлась как бы официальной группой биофака (в столичной рок-тусовке эта команда была известна под названием «Юго-Запад»). Конспирация в те времена была очень важной частью жизни...

* * *

Может, благодатная атмосфера Юго-Запада тому виной, но здесь даже комсомольские лидеры становились рокерами. Вот и Гагаринский райком иначе как «рокерским» в народе не называли.

Райком размещался на улице Лобачевского, 66, в стандартном офисном здании, внешний вид которого не предвещал ничего неожиданного. Но в 1985 году там появились молодые ребята – первый секретарь райкома Пётр Павлов, заведующий отделом агитации и пропаганды Андрей Поденок и инструктор того же отдела Константин Бессмертный, которые открыли дверь в рок-н-ролл.

«Костя Бессмертный пришёл в райком из МГУ, а я – из МИРЭА, – рассказывает **Андрей Поденок**, с начала 1990-х годов возглавляющий Московскую ассоциацию предпринимателей (МАП), – и мы знали, чего людям не хватало, знали, какие есть устремления политического плана, а какие – просто контактного, которые возникают естественным путём, в режиме развития нашей молодёжи. Поэтому у нас были и клуб знакомств, и клубы, отвечающие за работу в вузах, которых было немало в нашем районе. Проводили мы и различные фестивали и конкурсы, например „Рок-поэзия–86“. Но главное – мы пытались сформировать клубы-кафе. Это была многопрофильная система, за неё отвечали знакомые нам люди, которых мы продвигали, в то же время у них был аппарат, который следил за тем, чтобы всё делалось на нужном нам уровне. Нигде такого больше не было, а было только у нас, причём в больших объёмах. Мы понимали, что это востребовано, поэтому Гагаринский райком комсомола этим занимался.

У нас был довольно большой сегмент, связанный с хозрасчётной деятельностью. Тогда был такой интересный период, и многие люди, как это ни странно, реализовывали себя через комсомол и через системы, которые вокруг него формировались.

А почему этим занимался отдел агитации и пропаганды, который должен заниматься изучением и пропагандой марксизма? Ну, так сложилось исторически...»

Под эгидой райкома работали молодёжные клубы-кафе «У фонтана», «Сатурн» и «Салют», в последнем некоторые мероприятия вёл молодой диск-жокей Сергей Минаев, а также Пепеляевский театр-кафе (позже Московский театр форм и фигур), в котором собирались молодые артисты.

«Ночной Проспект» в кафе «У фонтана». 1986 г.

Но основным предметом всеобщих страстей было кафе «У фонтана», располагавшееся в Олимпийской деревне. Изначально оно являлось безалкогольным молочным баром и обслуживало спортсменов, которые жили в Олимпийской деревне. После завершения Олимпиады-80 деревня стала образцовым жилым районом, а молочный бар – культовым молодёжным кафе-клубом, сохранившим свои «молочные» традиции. В народе кафе «У фонтана» получило своё второе название – «Молоко». По Москве быстро распространились слухи, что в «Молоке»

собираются танцоры брейка и еженедельно проходят концерты рок-групп. Любители современных танцев и музыки поспешили в Олимпийскую деревню. Вход в кафе был бесплатным, но билеты на концерты распространялись исключительно среди студентов вузов Гагаринского района, и для того, чтобы заполучить заветный квиточек, надо было иметь знакомства либо в студенческой среде, либо среди райкомовских комсомольцев. Поэтому лишь очень немногие имели возможность попасть на концерты, большинство же питалось исключительно рассказами о том, как в «Молоке» выступали «Бригада С», «Ночной Проспект» или «Альянс». Невозможность достать билеты ещё больше нагнетала ажиотаж, и толпа страждущих у входа в кафе росла день ото дня.

«Руководителем кафе „У фонтана” был Ефим Письман, – вспоминает Андрей Поденок. – Его задачей было не собрать деньги за вход, жил он за счёт бара. Хотя кафе и было безалкогольным, но за мороженым и молочными коктейлями был целый поток. Он понимал, что чем больше мы соберём людей на площадке, тем больше у него будет сбыт через бар. И не важно, что не все заказывают, народу было столько, что уходило всё».

А главной гордостью Гагаринского райкома являлся рок-клуб, председателем которого стал Александр Градский. Резиденция рок-клуба размещалась в кафе «У фонтана».

Поэтесса **Маргарита Пушкина** вспоминает: «Они сами на нас вышли. Мне позвонил Петя Павлов... Дело в том, что у нас оказались общие знакомые. Это – Саша и Валера Гидуляновы, ученики из специализированной испанской школы № 25 в Медведкове, где я в середине 1970-х проходила практику. Конечно, я своим ученикам тогда запудрила мозги и хиппизмом, и рок-музыкой. Я приходила в класс, приносила пластинки The Beatles, Procol Harum, Джимми Хендрикса, ставила музыку и рассказывала про этих замечательных людей. Возможно, в том, что Саша Гидулянов стал в конце концов одним из лучших художников-сюрреалистов Москвы и начал выставляться на Малой Грузинской, есть и моя доля участия. Потом и его младший брат Валера тоже стал рисовать, у него были потрясающие картины, которые печатались на обложках журналов по искусству.

Мы продолжали встречаться и после того, как я окончила институт, а они – школу. А Гидуляновы были знакомы с Петей Павловым. И однажды Петя Павлов, Андрей Поденок и Костя Бессмертный вышли на меня, и в Гагаринском райкоме заварилась вся эта рок-н-ролльная каша. Они поддерживали наши безумства, они же помогли нам сделать рок-клуб в кафе „Молоко” в Олимпийской деревне...»

«Рок-клуб выполнял функции контактного поля, что было необходимо в то время для людей, работавших на серьёзном профессиональном уровне», – объясняет Андрей Поденок.

Поначалу дело ограничивалось концертами, которые рок-клуб устраивал в «Молоке» и в общагах некоторых столичных вузов, например в МГИМО.

«В „Молоке” и „Ария” выступала, и „Квартал” там начинал, и я помню, как Монин поддерживал Танюшку Литвиненко, кричал: „Танюшка, давай!” Я говорю:

– Саша, чего же ты так кричишь-то?

А он:

– Надо же поддержать певицу!

А „Квартал” пел песню про Мойдодыра...» – вспоминает Маргарита Пушкина.

Потом Андрей Поденок предложил провести «Рок-панораму».

«Группы, которые у нас выступали, – рассказывает А. Поденок, – нуждались в фестивальном общении. Им самим было интересно посмотреть, кто чем дышит. А кому-то нужно было сыграть на хорошем оборудовании, а у него такого оборудования не было. И мы подумали: давайте сделаем что-нибудь типа фестиваля. Ну, вот в Тбилиси же провели фестиваль!

Но он больше почему-то не повторяется, хотя фестиваль задумывался как ежегодный. И „Рок-панораму” мы тоже задумывали ежегодной».

Сказано – сделано: с 4 по 8 мая 1986 года в Москве в Центральном доме туриста прошёл первый фестиваль «Рок-панорама-86», организованный рок-клубом при поддержке комсомольцев из Гагаринского райкома Москвы.

В первой «Рок-панораме» приняли участие группы «Круиз», «ЭВМ», «Альфа», «Браво», «Зодчие», «Ария», «Машина Времени», ансамбль «Здравствуй, песня», Дуэт электронной музыки И. Кезля и А. Моргунов, рок-бард Валерий Шаповалов.

«Райком работал не просто как система, которая только курирует, – вспоминает Андрей Поденок. – Можете представить себе такую картину: занавес открывается, а на сцене стою я, Андрей Поденок, и скручиваю какие-то провода... У нас все друг другу помогали, и даже наш руководитель орготдела Миша Мамедов подбрасывал лёд для дымовой установки, чтобы дым был на сцене... „Рок-панорама” – это было что-то новое, чем мы ещё никогда не занимались, поэтому всем было интересно принять участие в проведении фестиваля...»

Победители каждого дня «Рок-панорамы» определялись голосованием зрителей. Особый успех выпал на долю ансамбля «Браво» и певицы Жанны Агузаровой, группы «Круиз» и её лидера Валерия Гаины, группы «ЭВМ» и её лидеров Александра Монины и Григория Безуглого, певца и композитора Александра Градского, начинающей свою деятельность группы «Ария» и вечно молодой «Машины Времени».

Гарик Сукачёв и «Бригада С» выступают в кафе «У фонтана». 1986 г.

«Поддержка со стороны Гагаринского райкома дорогого стоила, – говорит Маргарита Пушкина. – Про комсомол сейчас принято всякие байки рассказывать, но я должна сказать, что в 1980-х годах даже в отношении рок-музыки мы чувствовали от комсомола только поддержку. Прежде всего – от Гагаринского райкома ВЛКСМ, который помог нам провести нашу „Рок-панораму“».

«Если бы не было окриков со стороны райкома партии, горкома и ЦК партии, многие вещи мы сделали бы на совершенно ином уровне, – говорит Андрей Поденок. – Союз композиторов тоже всё время против рока выступал. И позиция Ельцина мне непонятна. Он орал, что мы льём воду на мельницу империализма. Чего только в нашей жизни не было! Если по всем другим досуговым делам к нам привозили делегации, чтобы обмениваться опытом, то все наши рок-дела оценивались как негатив. Но даже когда сверху звонили и говорили: „Нельзя!“, было настроение всё равно сделать по-своему, так, как я считал нужным. И так или иначе, но весь наш рок-сегмент остался в истории».

Ещё не улеглись страсти по «Рок-панораме-86», а рок-клуб при немаленькой помощи Гагаринского райкома уже начал готовить следующий фестиваль.

«Петя Павлов ходил по партийным инстанциям, пробивая „Рок-панораму– 87“, – вспоминает Маргарита Пушкина. – А мы – Мелик-Пашаев, Векштейн, Градский и я – отбирали исполнителей. На вторую „Панораму“ у нас уже были просмотры, которые проходили на „Войковской“ в Доме охотника и рыболова. Мы с Градским были всюду вместе, и нам вслед говорили: „Ленин с Крупской приехали!“ Впереди, как Ленин, шёл Градский, а я – за ним. Видимо, многие тогда ощущали революционность ситуации, поэтому прозвище, которое нам дали, было явно не случайным».

Поскольку фестиваль принял уже всесоюзный размах, то его организация была передана Московском горкому комсомола. Тем не менее Гагаринский райком оказывал посильную помощь, помогая расселять прибывающих музыкантов по гостиницам.

Венцом всех усилий стал настоящий праздник рока, который состоялся во Дворце спорта в Лужниках с 7 по 13 декабря 1987 года. На «Рок-панораму-87» собрались практически все лучшие рок-группы страны: «АВИА», «Автограф», «Антис», «Ария», «Браво», «Бригада С»,

«Круиз», «Лотос», «Мистер Твистер», «Наутилус Помпилиус», «Рок-ателье», «Чёрный Кофе» – всего около пятидесяти ансамблей.

Московская рок-лаборатория получила в своё распоряжение целый день, в ходе которого выступили группы «Алиби», «Альянс», «Ва-Банкъ», «Вежливый Отказ», «Нюанс», «Тяжёлый День», «Крематорий».

Гран-при «Рок-панорамы-87» завоевала любительская группа «Алиби». Это было очень справедливо, так как Сергей Попов, лидер этой команды, был одним из тех, кто начинал рок-движение в нашей стране ещё в 1960-х годах.

Но, несмотря на успех, на всеобщее ликование, на восторженные статьи в прессе, на огромные тиражи пластинок с записью фестивальных концертов, ситуация вокруг организаторов «Рок-панорамы-87» сложилась довольно напряжённая.

Зам. начальника Главного управления культуры исполкома Моссовета Олег Витальевич Беликов получил инфаркт после того, как ему пришлось объяснять ребятам из идеологического отдела ЦК КПСС, что означают слова «скованные одной цепью» из песни «Наутилуса Помпилиуса».

По поводу деятельности руководства Гагаринского райкома ВЛКСМ на ниве рок-н-ролла был созван специальный пленум райкома комсомола, который должен был закончиться показательной поркой. Однако всё случилось вопреки планам, разработанным хулителями рока.

«Меня хотели освободить от занимаемой должности и выгнать с работы, но пленум райкома комсомола не дал этого сделать, – рассказывает Андрей Поденок. – Это был уникальный случай, когда пленум райкома ВЛКСМ попросил руководителей райкома партии освободить трибуну, чтобы они не мешали проведению нашего пленума. Впрочем, выговорёшник за превышение полномочий на „Рок-панораме– 87“ они нам тогда всё же вклеили...»

Однако через несколько дней Андрею Поденку позвонили знакомые из КГБ и сообщили, что в горкоме партии на него вырос зуб, и посоветовали уйти работать в ЦК комсомола. «Там тебя не достанут», – сказали они. А спустя пару дней Андрей Поденок действительно получил предложение пойти на работу в ЦК ВЛКСМ.

«И тогда я дал согласие уйти в штаб Студенческих строительных отрядов (ССО), – говорит Андрей Поденок, – потому что это – исторически серьёзная хозрасчётная организация при комсомоле, которая давала студентам возможность заработать».

Спецслужбы спасли Андрея Поденку от расправы, но история и «Рок-панорамы», и московского рок-клуба на этом закончилась.

«Планы у нас были далеко идущие, – вспоминает Маргарита Пушкина. – К нам приезжала Нина Борисовна Жукова, замминистра культуры, расспрашивала: „Ребята, а чего вам не хватает?“ Саша Монин тогда сказал, что нам не хватает аппаратуры. Нам всё обещали.

Мы собирались основать рокерское объединение, которое занималось бы гастролями.

Смеясь, хотели создать пансионат для престарелых рокеров. Мы шутили над Валерием Гаиной, рассказывая, как будем ввинчивать ему иголки, делать массажик, возить его в инвалидной колясочке...

Но ничего из наших далеко идущих планов не получилось...»

После августовского путча, когда комсомол был распущен, здание Гагаринского райкома заняла какая-то госструктура, управляющая образованием...

* * *

Певец **Вячеслав Малежик** до сих пор живёт на Юго-Западе, в Раменках. Его сын Иван пошёл по стопам отца, тоже стал музыкантом и с успехом выступает по столичным клубам с группой Weloveyouwinona. Можно сказать, Иван продолжает семейную традицию. В его вокале

есть интонации и его отца, и некоторых наших вокально-инструментальных ансамблей, на песнях которых он, видимо, вырос, и этот синтез очень оригинален.

Однажды жарким летним вечером 2012 года я позвонил Вячеславу Малежику, чтобы договориться о встрече и задать несколько вопросов о творчестве Ивана. Малежик согласился сразу же: надо полагать, ему было приятно поговорить о сыне.

– Разумеется, приятно, – подтвердил Вячеслав, когда мы гуляли по парку на Юго-Западе. – Потому что Иван занимается моим делом. А ведь когда ему было десять лет, преподавательница фортепиано сказала, что у него нет никаких способностей и нечего парня мучить. Но я её попросил: «Пусть он не делает уроки, но два раза в неделю поиграйте ему Бетховена, Грига – парня эта музыка просто воспитает». И это дало свои плоды. Когда к нам домой приходили корреспонденты, они непременно спрашивали у Ванечки, какую музыку он любит, ожидая, видимо, что он назовёт какую-нибудь ерундень типа «Руки Вверх!» или «Ласкового Мая», но Ваня вдруг говорил: «Я люблю Моцарта!» – чем повергал в шок корреспондентов, которые никогда не занимались в музыкальной школе, а потому Моцарта знали только по рингтонам. Директриса школы, где учился Ваня, однажды решила устроить музыкальный спектакль и пригласила меня принять в нём участие. В первом отделении концерта должен был игратьсь мюзикл, а во втором выступил бы я со своими песнями. Ваню, которому тогда было 11 лет, не взяли играть в этом спектакле, на что он очень обиделся. Но он действительно пел кое-как, не попадая в ноты. И тогда я высказал главное условие моего участия в мюзикле: я хотел, чтобы мой сын там тоже участвовал. Я сказал, что сам с ним всё разучу и даже запишу фонограмму. Эти песни мы записывали в студии у басиста Виктора Шаповалова, с которым я тогда работал, и он мне сказал: «Знаешь, а у парня довольно оригинальный голос. Ты обрати внимание!» И тогда мы решили записать мою старую песню «Всё мне кажется», но у меня не хватило времени, чтобы позаниматься с Ваней и сделать так, как я хочу. И он спел так, как он чувствовал, и это явилось откровением и для меня, и для жены, потому что в голосе 11-летнего мальчишки вдруг проклюнулся явный сексуальный посыл. В 12 лет он увлёкся музыкой Литл Ричарда, Элвиса Пресли и Пола Анки, и в результате написал кучу рок-н-роллов со своими стихами. Я был ошарашен и говорю: «Вань, может, пластинку запишем?» Я пообещал ему придумать музыку, но при этом был поставлен в сложные условия: поскольку музыкально Ваня был ещё не сильно образован, мне приходилось быть лаконичным и не очень растекаться в гармониях. В то же время песни должны были звучать ярко и не слишком авангардно. На мой взгляд, получилась интересная пластинка.

– Альбом «Иван № 1» у меня есть. Более того, иногда я с удовольствием слушаю эту пластинку.

– А Ваня её очень стесняется. Он считает, что она портит его имидж, и поэтому отрекается от неё всеми силами! А я считаю, что он в этом не прав.

– Ощущает ли Иван, что продолжает дело отца?

– Мне нравится, что та высокая планка, которую он себе задал или я ему поставил своей фамилией, заставляет его двигаться. Но для него это большой вопрос: он считает, что фамилия Малежик ему вредит, так как он хотел бы, чтобы его успехи никак не путались с моими успехами, поэтому у него было даже несколько псевдонимов. «Ваня, – говорю я ему, – это хорошо, что ты носишь фамилию Малежик, это поможет тебе сделать первый шаг, войти в какой-нибудь кабинет на радио или на телевидении, пообщаться с людьми, которые на сегодняшний день определяют направления этого пресловутого шоу-бизнеса. Они к тебе прислушаются хотя бы из-за того, что у тебя такая фамилия. А уж дальше ты сам должен будешь их убеждать». Его первый ансамбль был очень любопытный. Он тогда наслушался Джеффа Бакли и стал играть в неожиданном составе: он сам на гитаре плюс барабанщик. Я был очень удивлён, потому что не знал, как бы это выглядело, если бы я с одним только барабанщиком вышел на сцену. А у него всё получалось довольно лихо. Но мне совершенно непонятно, как он, не зная толком

ни нот, ни нотной грамоты, не зная, что такое тоника, доминанта и субдоминанта, умудряется сочинять красивые мелодии. Иногда я его спрашиваю, как это у него получается. Он отвечает, что сам не знает. Просто мелодия тащит его за собой – и всё! Мы недавно с его барабанщиком Глебом, окончившим музыкальное училище по классу скрипки, разбирали одну из песен, которую Иван написал в Англии: так там он вообще в тонику не приходит. На эту тему есть замечательная история про Иоганна Себастьяна Баха. Один из его детей – а у него была куча детей, – занимаясь на фисгармонии, взял неразрешённый аккорд и ушёл. Бах, который уже почти заснул, услышав этот неразрешённый аккорд, настолько измучился, что встал с кровати, разрешил этот аккорд и только после этого снова лёг в постель. Вот и у Ваньки была такая пьеса, в которой он разрешения не сделал, но тем не менее всё у него складно получилось. Когда же я предложил ему помочь с аранжировкой или музыкальной композицией, он твёрдо ответил: «Нет!» – «Почему?» – спросил я. «Тогда это будешь ты!» – «Да мы никому не скажем!» – «Но я-то буду знать! А потом, я ещё молодой парень, а ты – взрослый дядька, и наши энергии могут образовать стоячую волну, которая, наоборот, всё погасит».

– Тебе не кажется, что в вокале Ивана есть и твои интонации, и интонации «Весёлых Ребят», в составе которых тебе довелось выступать и на песнях которых он, видимо, вырос?

– Я думаю, что если ты этот вопрос задашь ему, то он от этого откестится. Но, поскольку эта музыка постоянно звучала в доме, она отложилась у Ивана на подсознательном уровне.

– А как ты оцениваешь его движение в сторону Англии, где у него теперь есть даже свой продюсер? Есть шанс, что у него там что-то получится?

– Мне бы хотелось, чтобы он там состоялся. Я очень много радости получил от музыки и от своей профессии. И я хотел бы, чтобы он тоже цеплял такие радости. Иногда я сравниваю свой график движения с его, и мне кажется, что он меня даже чуть-чуть опережает, по крайней мере, в 20 лет я ещё не записывался в Англии.

– Какие чувства ты испытываешь, когда бываешь у сына на концертах?

– Когда-то на записи программы «Шире круг» я наблюдал, как Юрий Маликов смотрел на своего сына Диму, исполнявшего новую песню. Папа просто светился счастьем. Я думал: вот счастливый Юрий Фёдорович, который видит, как записывается его сын. И вот я дожил до того момента, когда мой ребёнок даёт мне такие же сильные эмоции. Я проживаю с ним вторую жизнь в искусстве.

Вот так Юго-Запад и сейчас продолжает воспитывать новое поколение рок-музыкантов.

Москва и «Москвичи»

Рассказывая о Москве рок-н-рольной, нельзя не вспомнить бит-группу «Москвичи», которая появилась на свет в доме № 6 по Университетскому проспекту, в квартире, где жили братья Шаповаловы: Виктор, Владимир и Валерий.

Старший брат Виктор в 1950-х годах стал стилигой. Именно он рассказал младшим братьям-близнецам Владимиру и Валерию о том, что такое джаз, научил танцевать рок-н-ролл, твист и буги-вуги.

Для многих советских людей с ритмами джаза тогда были связаны счастье мирной жизни и радостное преображение любимого города. Много лет семья Шаповаловых прожила в районе Красная горка на Пресне в девятиметровой комнате деревянного одноэтажного дома: мама, папа, бабушка и трое братьев. А в декабре 1957 года они получили ордер и переехали на Университетский проспект в новый восьмиэтажный дом цвета восходящего солнца. Для братьев это счастливое событие происходило под звуки новой ритмичной музыки, потому что в том же году родители купили радиоприёмник «Байкал», и старший брат Виктор стал слушать по ночам джаз, который передавала радиостанция «Голос Америки», а поскольку все трое братьев жили в одной комнате, то волей-неволей младшие тоже слушали джаз и постепенно начали понимать эту музыку.

Лето братья проводили за городом, в военном городке близ Балашихи. Однажды знакомый парень пронёс на территорию воинской части транзисторный радиоприёмник «Спидола». Валерий Шаповалов до сих пор с восторгом вспоминает, как мальчишки, столпившись вокруг этой «Спидолы», слушали твисты, изгибаясь в такт, а мимо шёл вооружённый автоматами патруль – разводящий и за ним ещё пятеро постовых. Солдаты остановились и тоже немного потвистовали начищенными до матовой черноты сапогами. И только потом помаршировали дальше...

Наслушавшись джаза и рок-н-ролла, братья Вова и Валера отправились во Дворец пионеров и записались в знаменитый детский Ансамбль песни и пляски В. С. Локтева. Они успешно выдержали вступительные экзамены, после чего им на двоих выдали духовой инструмент альт. Для начала ребята, как было велено, начистили его зубным порошком, после чего приступили к занятиям с преподавателем. Но тогда уже входила в моду бит-музыка, и братья, разумеется, принялись искать возможности научиться играть на гитаре.

«Когда я услышал битловскую песню „Can't buy Me Love“, то чувства, которые охватили меня, описать невозможно! – рассказывает Валерий Шаповалов. – Когда гитара начинала там играть соло, кровь у молодого парнишки закипала. И я уже ничего не мог воспринимать, кроме этого».

Бит-группа «Москвичи»

«Москвичи» на репетиции

И вот однажды дома у Шаповаловых появилась настоящая электрогитара. Старший брат Владимир тогда работал в НИИ автомобильного транспорта (НИИАТ), и у них в самодеятельности имелись кое-какие инструменты. С работы домой он принёс электроакустическую семиструнную гитару с регулировкой тембра, с металлическими струнами и проводом, который включался в радиоприёмник производства МЭФМИ – Московской экспериментальной фабрики музыкальных инструментов. Вова и Валера сразу же бросились осваивать свою первую в жизни гитару. Каждому хотелось поскорее научиться играть, и они порой даже ссорились из-за того, чья очередь на ней заниматься.

«Некоторое время нам пришлось её делить на двоих, – вспоминает Валерий Шаповалов. – Впрочем, мы не делили её вовсе. Мы её изучали. В нашей школе № 2, что до сих

пор стоит на пересечении Ленинского с Университетским проспектов, были предприимчивые мальчишки, которые где-то доставали иностранные журналы, перефотографировали их и продавали карточки по 20 копеек. Мы покупали эти фотографии и смотрели, как „Битлы” зажимают аккорды. Мы тоже зажимали струны, как у них на фотографии, и – дрынь! И слушали, как это звучит».

Разумеется, на первых порах у ребят мало что получалось. Но среди дворовой шпаны объявился знаток по кличке Чайник и рассказал братьям, что рокешники играют на шестиструнной гитаре. Он показал, как перенастроить семиструнную гитару так, чтобы на ней можно было исполнять битловские песни. Научившись извлекать модные звуки, Валерий уговорил своего одноклассника продать ему гитару.

«Мне долго пришлось его уговаривать, – вспоминает Валерий, – но в конце концов он не выдержал моего нытья и согласился продать мне её за пять рублей. Это была небольшая гитарка, у которой я ножовкой выпилил рог. Ну, сначала нарисовал, конечно, как выпиливать, а потом взял пилу и выпилил. Затем отпиленную часть я перевернул и вставил так, чтобы она и дырку закрывала, и чтобы рог получился. Заклеил, покрасил...»

Затем братья решили сделать себе электрогитары-доски, чтобы все было как положено в биг-бите! Смастерили рычаги (Tremolo) собственной конструкции, покрыли гитары чёрным целлулоидом, который купили у одного знакомого, работавшего на баянной фабрике... Правда, пока они мастерили новую гитару, Валера повздорил с братьями и решил самостоятельно сделать себе инструмент. Позже он вспоминал, что у Вовки, которому помогал старший брат, гитара получилась лучше, зато свою гитару он полностью сотворил собственными руками.

Первая группа, которую собрали братья Шаповаловы, называлась The Hills, то есть «Каблуки». Тогда многие ребята ходили в ботинках с титановыми набойками, чтобы каблуки не стирались. Чиркаешь набойкой по асфальту – искры летят! Красота!

Потом группа получила новое название – «Восход». Это было очень модно, ведь так назывались космические корабли, на которых летали отважные советские космонавты Владимир Комаров, Константин Феоктистов, Борис Егоров, Павел Беляев, Алексей Леонов и другие.

И только позже появилось название «Москвичи».

«Был какой-то филармонический ансамбль, который назывался то ли „Сибиряки”, то ли „Омичи”, мы увидели его афишу и придумали назваться „Москвичами”, – вспоминает Валерий Шаповалов, – ведь мы жили в Москве».

В то время «Москвичи» играли отнюдь не песни любимых ими The Beatles, а инструментальную бит-музыку типа The Shadows и The Ventures. Ребятам больше нравилось играть, чем петь, у них даже был такой девиз: «Лучше хорошо играть, чем плохо петь!» Поскольку Валера «вёл соляк», то и весь репертуар группы формировался в зависимости от того, какую пьесу он разучит. Старший брат Виктор «сидел за кухней», то есть играл на ударных, а Владимир держал ритм, или, как тогда говорили, «косил ритма». Играли, включая гитары сначала в радиоприёмник «Байкал», который тайно от родителей таскали из дому на школьные вечера, а потом Виктор смастерил самопальный усилитель, который по тем временам звучал вполне прилично.

«На басовке стоял», то есть играл на бас-гитаре, сосед братьев по подъезду Вова Иванов. Кстати, он тоже играл на инструменте, который сделал Виктор Шаповалов. Басуха была такой изящной формы, что и сегодня смотрелась бы достаточно современно. К сожалению, у Иванова отсутствовал музыкальный слух, и, когда группа репетировала, он постоянно играл «по соседям», поэтому в конце концов с ним пришлось расстаться.

«Вообще с басистами была проблема, и на бас-гитаре у нас перепробовало играть столько народа, что всех уже и не вспомнить, – говорит Валерий Шаповалов. – Басисты менялись по причине, которая очень точно характеризует то время, то есть 1960-х годах: большинство пацанов-битломанов осваивали гитары, а на бас-гитаре мало кто хотел играть. И это была наша

головная боль, потому что каждого нового басиста нужно было сначала найти, потом ввести в репертуар, а это – репетиции и репетиции. И часто бывало так, что только разучишь с новым басистом программу, как или родители ему запрещали играть в группе, или ещё что-то случилось – и опять ищи нового. Так что басист в 1960-х годах – птица редкая!»

Поскольку репетировать с барабанами дома было невозможно, так как это мешало соседям, которые регулярно жаловались на громкую музыку, то «Москвичам» пришлось искать себе репетиционную базу. В результате они нашли взаимопонимание с дирекцией клуба московской текстильной фабрики «Красная Роза», располагавшейся на улице Тимура Фрунзе, 11, близ метро «Парк культуры». За возможность репетировать группа обязалась по праздникам бесплатно играть на танцах для работников фабрики.

Зал, где «Москвичи» репетировали, находился на первом этаже, летом окна были всегда открыты, и на улице собиралась местная молодёжь, которая с удовольствием танцевала под модную музыку. Эти ребята навсегда остались самыми преданными поклонниками «Москвичей».

В состав группы тогда входил ещё клавишник Владик, фамилия которого уже затерялась в истории, он играл на электрооргане «Юность». Для того времени звук у этой «Юности» был очень стильный. «Первый раз, когда я услышал этот орган, – вспоминает Валерий Шаповалов, – мне показалось, что это нечто космическое. У него там снизу была ручка „вибратор“, и, когда нажимаешь клавишу и начинаешь крутить эту ручку, почему-то менялся тон...»

«Москвичи» много играли на школьных и студенческих вечерах. На первом этаже дома, где жили братья Шаповаловы, находилась столовая, из которой местные комсомолцы по традиции того времени сделали молодёжное кафе. Там «Москвичи» тоже выступали несколько раз.

Почти все деньги, заработанные на вечерах, братья потратили на покупку настоящих гитар – гэдээровских «Музим». Теперь они были полностью готовы к прыжку к славе. И это прыжок они вскоре совершили.

...Когда Валерий Шаповалов был ещё школьником, он всегда недоумевал, почему его старший брат-стиляга, уходя гулять, натирал свои штиблеты ваксой до блестящей черноты, а когда возвращался с прогулки, его ботинки бывали красного цвета? Разгадать эту тайну он смог лишь десять лет спустя, в 1968 году, когда ансамбль «Москвичи» стал выступать в кафе «Времена года» в Парке Горького. Оказалось, что дорожки в парке были посыпаны крошкой красного кирпича, поэтому ботинки Виктора по возвращении из парка и превращались из чёрных в красные.

«Москвичи» играли во «Временах года» почти каждый день, и вскоре молва о группе разнеслась по всей Москве. На выступления «Москвичей» собиралось до пятисот человек ежедневно. Иногда сюда заглядывали и музыканты других московских групп. «Их было видно сразу, – вспоминал Валерий Шаповалов, – патлатые, не танцуют, внимательно смотрят в сторону сцены, о чём-то перешёптываются».

Символом растущей популярности группы стало приглашение выступить на вечере в главном бит-клубе столицы – в кафе «Молодёжном». «Москвичи» удивили своих «соплеменников» тем, что вышли на сцену, одетые в строгие тёмные костюмы и белые рубашки с галстуком. «Когда в начале выступления мы стали играть красивые мелодии в стиле The Shadows, – вспоминает Валерий Шаповалов, – то некоторые музыканты скривились: мол, вот это и есть хваленые „Москвичи“? Но когда после нескольких „сладких“ произведений в нашей программе зазвучали более жёсткие вещицы в стиле The Ventures, публика перестала посмеиваться. А когда мы заиграли нашу главную, можно сказать, козырную инструменталку, которую называли „Степь“, некоторые музыканты просто вскочили и подбежали к сцене, встав прямо перед нами. Играть импровизацию, когда тебя вплотную обступают любопытные музыканты, согласитесь,

довольно сложно. Но я, чувствуя ответственность за группу, взял себя в руки и сыграл, как мог. Когда мы закончили, все долго аплодировали нам. Потом было обсуждение нашего выступления. Нас хвалили за то, что мы умеем слушать друг друга и играем с нюансами...»

(Кстати, надо отметить, что с братьями Шаповаловыми тогда играл бас-гитарист Алексей Цейтлин, сын известного поэта-песенника Юрия Цейтлина. Он оставался в составе группы вплоть до того дня, когда в 1971 году ушёл работать в ВИА «Самоцветы»...)

Всё было бы хорошо, если бы не почти ежедневные драки, которые во «Временах года» регулярно затевали местные бандюки, чувствуя свою полную безнаказанность. «Идёт драка, в зале люди кидают друг в друга стульями, а мы стоим на сцене и играем, прямо как в ковбойском вестерне, иногда уворачиваясь от летящих стеклянных пепельниц, которые, разбиваясь о стены, рассыпались стеклянным дождём! Ужас! – говорит Валерий Шаповалов. – И очень часто нормальный человек, пришедший послушать нашу группу, больше никогда не появлялся в баре из-за того, что становился свидетелем, а иногда и жертвой тех чудовищных драк».

Иностранцы, приходившие туда, восклицали:

– И музыка у вас такая же, как у нас, и танцы те же самые! Всё клёво! Только драки у вас ужасные. У нас, если кто-то с кем-то хочет подраться, уходят куда-нибудь подальше, чтобы – не дай бог! – полиция не увидела! И так – по щеке друг другу дадут и расходятся. А у вас просто убивают на глазах! Кровища льётся!

– Ну, у нас же все – ковбои! – отвечал Валерий Шаповалов. А что он мог ещё сказать?

Когда музыканты устали наблюдать за бесконечными драками, они просто ушли из «Времени года». Группа к тому времени была уже настолько известна, что администрация кинотеатра «Октябрь» была рада предоставить «Москвичам» время для выступлений. Но драчуны из «Времени года» вскоре перебрались туда вслед за группой, и драки теперь начались в «Октябре». Перед музыкантами встал вопрос: либо искать новый бар, либо... идти на большую сцену?

Они выбрали большую сцену и отправились на Каланчёвку, где тогда размещался Москонцерт. Там ансамбль приняли с распростёртыми объятиями: главная концертная организация Москвы нуждалась в людях, умеющих играть модную музыку. Правда, сразу же выяснилась неприятная деталь: в Москонцерте уже существовала группа, которая называлась «Москвичи», и руководил ею Юлий Слободкин, дядя Павла Слободкина, основателя ВИА «Весёлые Ребята». Впрочем, в те времена не было принято держаться за какое-либо название, братья Шаповаловы были брендом сами по себе, и вскоре они уже отправились на гастроли как аккомпанирующий состав популярной певицы Марии Лукач. Позже они стали сопровождать в поездках певца Ивана Суржикова. Те, кому довелось посмотреть эти концерты, говорят, что братья Шаповаловы устраивали там уморительные шоу-представления.

Но это уже совсем другая история, не совсем московская, ведь гастроли ансамблей, в которых играли братья Шаповаловы, проходили по всей стране...

Парк культуры

Писатель Максим Горький не любил джаз. Пытаясь дискредитировать эту весёлую музыку, он даже написал в 1928 году в газете «Правда», что «джаз – музыка толстых», сиречь сытых. Но вот ведь насмешка судьбы: наиболее раскованно советские джазмены чувствовали себя в Парке культуры, названном именем пролетарского писателя. Любители джаза спешили сюда, в бар «Шестигранник», который у москвичей ассоциировался со свинговым бумом.

«Шестигранником» называли павильон в Парке культуры, построенный по проекту архитектора Ивана Жолтовского ещё в 1923 году к Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Он выглядел как огромная шестерня или гигантская снежинка: шесть домиков по кругу и внутренний дворик, в котором был открыт ресторан.

На этой выставке планировалось показать успехи промышленности Советской России. 19 августа 1923 года в день открытия выставки посетители увидели первые советские тракторы, вызвавшие настоящий фурор. Новинками сельхозтехники тогда являлись также молотилки и плуги, зерноочистительные и сортировальные машины. Всё это было представлено в шести частях нового павильона.

В 1925 году здесь прошла крупная автомобильная выставка. Её экспонатами стали более сотни автомобилей – легковых, грузовых, автобусов, пожарных, а также мотоциклов. В основном это были иностранные машины, прибывшие в СССР для участия во Всесоюзном испытательном пробеге, который проводился с целью определить лучший автомобиль для российских условий. На стендах были представлены автомобили марок Citroen, FIAT, Mercedes-Benz, Tatra. Кроме них экспонировалось и десяток изделий советских заводов – АМО (ныне ЗиЛ) и БТАЗ № 2 (Бронетанкоремонтный завод № 2, входивший в объединение «Промбронь», позже стал называться Танковым заводом № 37).

Позже здесь проходили самые разные выставки. Например, в июне 1929 года в «Шестиграннике» представляли свои картины и скульптуры члены Общества московских художников (ОМХ).

После войны большая часть помещений выставки отошла к хозяйственным службам парка. В одном крыле «Шестигранника» работали зимние гардеробные для посетителей катков. В других крыльях в разное время располагались лимонадный цех, пилорама, хранилище розария ЦПКиО, опорный пункт отделения милиции. В конце 1950-х годов в одном из павильонов была устроена танцплощадка, которая со временем превратилась в любимое место стильной московской молодёжи, потому что здесь можно было потанцевать под свинг оркестра Семёна Самойлова. Композитор Юрий Саульский, который в молодости играл в этом оркестре, вспоминал, что среди постоянных посетителей «Шестигранника» были и Слава Котёночкин, в будущем звезда мультипликационного кино, и режиссёр Михаил Калик, и поэт Григорий Поженян, и художник Виктор Щапов, чья жена Наталья Медведева стала потом женой Эдуарда Лимонова...

Танцплощадка просуществовала здесь вплоть до 1966 года. В конце 1970-х и в середине 1980-х здание несколько раз горело и с тех пор оказалось на обочине жизни и стояло вечно закрытым.

Но память о «Шестиграннике» жива, ведь когда-то он был грандиозным социальным и психологическим клапаном: туда люди шли, как за глотком воздуха, за царившим в этом месте духом свободы. Поэтому совсем не даром эта танцплощадка была запечатлена в кинофильме «Я шагаю по Москве». Именно с танцев в «Шестиграннике» начинается фильм Петра Тодоровского «Стиляги».

«Тролли» выступают в кафе «Времена года»

Кроме «Шестигранника» джаз в Парке Горького звучал ещё в ресторане «Времена года». Но так случилось, что этот ресторан у многих ассоциируется с бит-музыкой, а вовсе не с джазом. Причём переход внимания публики от джаза к биг-биту произошёл весьма эротично. Вот что рассказывает **Нина Курьерова**, жена басиста группы «Тролли» Николая Курьерова: «Я вообще пришла туда джаз слушать, меня пригласил трубач Товмасян из джазового оркестра. А потом я услышала группу и поинтересовалась:

– А что там, за стеной?

Во „Временах года” с одной стороны работал ресторан, и там играл джаз, а с другой стороны был бар со столиками, где и выступали бит-группы. Посередине зала была перегородка, поэтому они друг другу не мешали.

– Да там группа играет... – ответил джазист.

– Ой, как интересно! – обрадовалась я. – Пойдём! Послушаем!

– Ну, иди... – говорит он.

Я и пошла. Смотрю: такие молоденькие ребяточки стоят! И Коля был самый симпатичный! Я подошла к сцене и сказала:

– Я вас подожду после окончания концерта...»

«Пик нашей популярности пришёлся на август 1968 года, когда мы в течение месяца выступали во „Временах года”, и каждый день там всё было забито битком, – рассказывает басист „Троллей” **Николай Курьеров**. – А потом нас попросили сыграть в самом парке перед обычной публикой. Едва мы начали играть, как все, кто входил в Парк Горького, заворачивали в нашу сторону. И там скопилась такая громадная толпа, что в итоге директор Парка культуры вытащил вилку из розетки...»

«„Времена года” ломились от посетителей. Это была самая желанная попсовая точка в городе! – рассказывал **Александр Лерман**, лидер группы „Ветры Перемен”. – Едва мы выходили настраиваться, а народ уже кричал: „Лерман, „Лестницу”!” или „Ши, слива и весна!”, как окрестили „Зелёный дол” по строчке „Счастливая весна”, распеваемой в конце второго при-

пева. Дирекция парка пригласила нас даже выступить на открытой площадке у самого входа в парк, причём наше выступление транслировалось по всему парку и, как оказалось, даже за его пределами...»

Группа «Москвичи» всегда была желанной гостьей во «Временах года». Фото из архива Валерия Шаповалова

В конце 1960-х кафе «Времена года» было единственным местом в Москве, где каждый день играла бит-группа. Среди тех, кто там выступал, был ансамбль «Москвичи».

«Здание делилось на два заведения, кафе и коктейль-бар, где продавались коктейли, состоящие из фирменных вин, которые нельзя было нигде купить, кроме как в этом баре, – рассказывает лидер-гитарист „Москвичей” **Валерий Шаповалов**. – Каждый день перед входом стояла очередь в виде огромной змеи из желающих попасть внутрь, купив при входе талон на обязательный коктейль. Мы должны были начинать играть в семь часов и появлялись у входа в бар обычно после шести, подъезжая то на машине скорой помощи, то ещё на какой-нибудь спецтехнике, потому что поймать такси было сложно. Частных машин в те годы было мало, в основном по дорогам ездил государственный транспорт, но всегда находились водители, желавшие немного подзаработать.

Зал коктейль-бара вмещал человек пятьсот, а мы играли на самодельных усилителях небольшой мощности, но, как ни странно, проблем со звуком почему-то не было. Специального освещения просто не было, поэтому в зале всегда было светло, как в обычной столовой. Никаких затемнений, крутящихся прожекторов – ничего такого, но сама возможность существования такого бара воспринималась тогда как сказка. Но в этой сказке существовали свои персонажи, такие как, например, „король бара” со своей свитой, амбал-вышибала, постоянно грызущий семечки.

К нам часто заходил иностранный темнокожий студент, чтобы поиграть с нами на трубе. Его звали Джордж. Он был очень весёлым парнем и здорово играл, а нам тоже очень нравилось играть с ним разные блюзы. И вот однажды он пришёл со своими друзьями-студентами праздновать свой день рождения. Вначале всё было хорошо, публика веселилась, мы играли, и в какой-то момент наш басист Лёша Шачнев запел песню на английском языке. Когда песня

закончилась, Джордж подошёл к Лёше и неожиданно для всех вынул долларовую купюру, плюнул на неё и прижал к Лёшиному лбу, удерживая её большими пальцами!

Это сильно возмутило Лёву – короля бара. Он схватил Джорджа за грудки и начал его трясти, крича ему в ухо:

– Ты чё, сука, сделал?

Мы заступились за трубача и кое-как оттащили его в сторону, пытаясь объяснить Лёве, что на Западе – это знак высокой оценки музыканта. Но „король” не унимался и, угрожая, стал требовать, чтобы Джордж играл на трубе. Когда трубач вышел вперёд, Лёва смачно плюнул на рубль, который сжимал в руке, и с силой прищёпнул его Джорджу на лоб. И тут же на музыканта полетели заплеванные трёшки, пятёрки, рубли, а кому их было жалко, те просто кидали в него монетами. Джордж достойно выдержал эту атаку. Доиграв мелодию, он стал, улыбаясь, поднимать деньги, которых, кстати, оказалось немало.

На следующий день мы узнали, что Лёва со своими друзьями где-то на выходе из парка закидал трубача и его гостей камнями. После этого случая Джордж больше не приходил к нам играть на трубе, и я не знаю, что с ним случилось.

Впрочем, по тем временам всё было просто зашибись, если бы не постоянные жестокие драки до крови, а иногда и до смерти...»

Группа «Четыре Витязя» играет на танцах в кафе «Времена года»

Кинорежиссёр **Андрей Верещагин** рассказывал, что слушал «Москвичей» во «Временах года», когда учился в школе: «В стекляшке это было. Послушали. Подрались. Опять сели – послушали. Весело: те нас побьют, тех мы побьём. Энергия-то кипела! И музыка весёлая. А тут ещё чуть-чуть выпили – и сразу активность наступала большая. Там стулья летали только так! Но когда рассказывают, что там кого-то убивали, – не верю. При мне никого не убили».

Выступала во «Временах года», и популярная бит-группа «Оловянные Солдатики». Лидер ансамбля **Андрей Горин** рассказывал, как по прошествии многих лет на какой-то тусовке подошёл к нему «машинист» Александр Кутиков и сказал:

– Слушай, а я ведь из-за тебя в «Машину» пошёл! Когда я услышал во «Временах года» как вы по-русски излагаете материал, я понял, что это – моё! А поскольку Андрюха Макаревич делал что-то подобное, то я и пошёл к нему.

Горин спросил:

– А ты помнишь, какая страшная драка случилась на том сейшене? Нас там чуть не поубивали, потому что столы летали мимо нас в эти огромные стёкла и разбивали их, хотя они были с палец толщиной!

– Конечно, я очень хорошо помню эту драку, ведь я её и начал... – рассмеялся Кутиков.

В Парке Горького проходили очень многие значимые концерты. Например, в 1964 году в Зелёном театре ЦПКиО имени М. Горького состоялось представление странствующего итальянского песенного фестиваля «Кантаджиро». Внешне – это обычный фестиваль, где есть жюри и конкурсанты, только он не проводится в каком-то одном месте, а разъезжает по всему миру. У нас в стране «Кантаджиро» побывал в Москве и Ленинграде.

Рассказывают, что в день московского концерта сплошной стеной лил дождь. Но прятаясь под зонтиками и газетками публика не расходилась и стойко дожидалась выхода на сцену Риты Павоне, которая была известна тем, что лихо исполняла твисты и рок-н-ролл. Рыжеволосая итальянская фея рока выступала последней. Несмотря на проливной дождь, Риту Павоне долго не отпускали со сцены, раз за разом вызывая весёлую итальянку на бис.

Но, выходя из освещённых кафе и концертных площадок в темноту парка, где фонарей был мало, люди чувствовали себя не очень уютно. За каждым деревом, каждым кустом чудилась притаившаяся шпана. Юрий Ермаков, гитарист группы «Сокол», до сих пор вспоминает, как по дороге с фестиваля «Кантаджиро» на него напали гопники и отняли все деньги, что нашли в его карманах...

«В Парке культуры также встречались филателисты, – вспоминает **Алексей Вайт Белов**, – но я там со своими марками тусовался только днём, поскольку на свету плохие ребята боялись показываться, а вечером я уже боялся туда зайти. Юный Стасик Намин ходил туда в своей суворовской форме, и я помню, как вслед ему звенели разговоры: „Ну что, отоварим суворовца?“»

Драки продолжались вплоть до наших дней, в 1980-х здесь происходили разборки любителей с неформалами. Тем не менее рок-н-рольная аура Парка культуры была очень сильна, недаром Стас Намин именно здесь, в Зелёном театре в 1987 году основал резиденцию своего продюсерского центра SNC. Под крылом Центра Стаса Намина нашли приют многие группы, не вписывавшиеся в рамки традиционного рока: «Калинов Мост», «Ночной Проспект», «Николай Коперник», «Мегаполис», «Нюанс» и другие.

«Стас, наверное, основной человек, который способствовал если не нашему прорыву, то нашему росту, – говорит лидер группы „Ночной Проспект“ **Алексей Борисов**. – Во-первых, он не вмешивался в то, что мы играли. Во-вторых, он нас снабжал импортными инструментами, не просто давал играть, а – берите пользуйтесь. Нашему скрипачу Диме Кутергину он подарил фирменную японскую электроскрипку. В-третьих, он дал нам возможность записываться, и на его студии мы записали альбомы „Yellow Tables“, „Асбастос“ и „Сахар“.

Благодаря Стасу мы в первый раз выехали за границу – в 1989 году в Вену. Если бы не он, мы бы туда никогда не попали.

Там было открытие клуба „Сталинград“, и австрийцы захотели пригласить русскую группу. Мы должны были туда ехать с „Поп-механикой“, но не успевали, потому что просто не знали, что и как должны были делать. И Стас нам фактически организовал эту поездку.

– Ну как? Вы едете в Австрию? – спросил он нас.

– Да нет, – отвечаем. – У нас нет паспортов.

Тогда Стас, подхватив своих девчонок, поехал аж в МИД, в консульский отдел. Мы получили паспорта с визами за день до отъезда, потому что Стас просто поднял всех на ноги. Я был потрясён тем, что Стас в выходной день смог разрулить эту ситуацию буквально за пару часов.

Стас помог очень многим. Он создал условия для творчества и поддерживал это состояние».

Здесь же рождались первые альтернативные перформансы Екатерины Рыжиковой, Петлюры, Германа Виноградова и других московских авангардистов. Здесь проходили литературно-музыкальные вечера, в которых участвовали Юрий Балашов, Павел Жагун, Владимир Сорокин. Однажды Жанна Агузарова читала там свои стихи. Это был уникальный творческий центр, существовавший в уникальное время.

Надо ещё добавить, что Парк Горького отмечен не только на карте Москвы, но также на картах мировой литературы. О том, что в Москве есть такой парк, западная публика узнала ещё в 1983 году, когда на экраны вышел фильм «Парк Горького», который режиссёр Майкл Эптинг поставил по одноимённому роману Мартина Круза Смита. Но то была криминальная драма, а благодаря Стасу Намину Парк Горького в представлении многих превратился в выставку достижений музыкальной мысли. И не только российской. Здесь бывали Чак Берри, Ховард Джонс, Питер Гэбриэл, Энни Ленокс, Квинси Джонс и многие другие западные музыканты и продюсеры.

«Фрэнк Заппа приезжал несколько раз, с ним можно было спокойно пообщаться, – вспоминает Алексей Борисов. – Я дал ему кассету с нашим альбомом „Кислоты“, а он оставил мне свою визитную карточку, сказав, что если я буду в Калифорнии, то чтобы обязательно ему позвонил...»

А в 1988 году Стас Намин собрал группу Gorky Park, которая неформальное название ЦПКиО имени М. Горького сделала достоянием всего музыкального мира.

Группа «Парк Горького» подписывает контракт с фирмой Polygram

Группа «Парк Горького» у Центрального входа

Правда, солист группы Николай Носков рассказывал, что, когда ему позвонил Стас и предложил проект, у которого впереди мировая слава, он ему не поверил.

Но Стас продолжал настойчиво звонить чуть ли не каждый день, уговорил Носкова приехать к нему домой, на Кутузовский проспект, и после долгого и жаркого разговора певец согласился: «Ладно! Вперёд! Поехали!»

С собой Носков привёл гитариста Алексея Белова, с которым в начале 1980-х работал в группе «Москва». Затем из группы «Ария» он выцепил барабанщика Александра Львова. Вскоре к друзьям присоединились бас-гитарист Александр Миньков и гитарист Александр «Ян» Яненков, которые работали в группе Стаса Намина.

В августе 1989 года в США вышел дебютный альбом группы «Парк Горького» (Gorky Park). Чутьё не подвело Стаса: благодаря растущему на Западе интересу к Советскому Союзу, Gorky Park вскоре завоевал широкую известность в Америке. Сингл «Bang!», сочиненный Носковым, попал в «Топ-15» на американском MTV и продержался там два месяца, добравшись до 3-й строчки. Сингл «Try to Find Me» добрался до 81-й позиции в хит-параде Billboard Hot 100, сам же альбом добрался до 80-й строчки в Billboard 200. Таким образом, Gorky Park стал первой русской группой, которая попала в национальный американский хит-парад.

В 1999 году Стас Намин создал Московский театр музыки и драмы. Для премьеры был выбран классический мюзикл «Волосы» («Hair»), поставленный на Бродвее ещё в 1968 году, кстати, и подтолкнувший его к решению создать свой театр.

Фактически Театр Стаса Намина стал первым в стране репертуарным театром мюзиклов, но не бродвейского типа, а более камерных музыкальных постановок, построенных прежде всего на режиссуре, актёрской игре и живой музыке. Можно сказать, что месседж, заложенный в 1920-х годах, когда в Парке культуры демонстрировались всевозможные уникальные достижения, активно существует до сих пор.

А как же иначе?...

Студенческий рок

Часть 1. Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана (МВТУ)

После того как в космос поднялась ракета с первым человеком на борту и ливерпульский ансамбль The Beatles исполнил песню о том, что любовь купить нельзя, в большинстве вузов Москвы завертелась и закружилась радостная рок-н-рольная жизнь. В 1960-х годах рок-музыка была знаком времени, свидетельством того, что те, кто её исполнял и слушал, шли в ногу с последними достижениями науки и техники, ведь и сама эта музыка стала возможна только благодаря изобретению мощных усилителей, которые, в свою очередь, изменили конформы и музыки, и самого времени. Но поскольку в магазинах приобрести необходимую для исполнения рок-музыки аппаратуру было очень сложно, и усилители, колонки и даже гитары приходилось делать своими руками, то первые рок-группы начали появляться прежде всего в технических вузах. Поэтому недаром именно в стенах Московского высшего технического училища имени Н. Баумана, главного технического вуза Москвы, родилась одна из первых столичных бит-групп, которая называлась «Идолы».

Лидером этого ансамбля был гитарист Шамиль Сарыев. Про «Идолов» рассказывают, что солист этой группы Володя великолепно пел песни The Beatles, Фэтса Домино и Ната Кинга Коула, а внешне был похож на Мика Джаггера: челюсть квадратная и такой же квадратный рот. «Идолы» прожили недолгую, но яркую жизнь и прекратили существование в 1966 году, когда Шамиль Сарыев окончил МВТУ и уехал к себе на родину, в Ташкент.

На смену «Идолам» пришли «Красные Дьяволята», история которых началась с совместного делания аппаратуры.

Рассказывает гитарист «Красных Дьяволят» Михаил Рапота: «Я и наш клавишник Саша Соловьёв поступили в МВТУ в 1966 году, попали в одну группу, и оказалось, что у нас есть общие интересы. У него за плечами была музыкальная школа, а я играл на гитаре. И вот у нас появились мысли, как бы создать группу. Мы пошли в Дом культуры, а там Вадик Андреев и Рубен Тер-Сааков ковыряются в подсобке. Смотрим: там и электрогитара есть, и какой-то орган...»

Ансамбль «Идолы»

Рассказывает барабанщик «Красных Дьяволят» Вадим Андреев: «Мы с Рубеном поступили в институт в 1965 году, и тут же нас отправили на уборку картофеля. После этого мы поняли: нет, надо искать что-то, где можно было бы себя проявить иначе, чтобы в колхоз больше не ездить. Так как Рубен играл на контрабасе, а я на барабанах, то мы пошли в институтский Дом культуры и стали там поигрывать в аккомпанирующих составах. Но гораздо интересней было создать свой коллектив...»

«Костяк группы, основа – это, конечно, Вадим Андреев и Рубен Тер-Сааков, который сейчас живёт в Канаде. Они были уже на четвёртом курсе, – продолжил рассказ Михаил Рапота. – Мы разговорились, после чего они решили устроить мне и Саше прослушивание. Вытащили орган „Юность“, подключили гитару...»

Старшекурсники Вадим и Рубен заиграли известную и очень популярную в то время песню «Очи чёрные», которая в их руках звучала с сильным джазовым акцентом. Михаил и Саша ловко подхватили тему, чем заслужили похвалу своих новых друзей. Затем Михаил предложил сыграть пьесу «Апачи» из репертуара группы The Shadows, Вадим и Рубен подыграли с чувством и драйвом. На этом прослушивание закончилось. Зато началось самое интересное: группу нужно было технически оснастить. Это была первоочередная задача, ведь без хорошей аппаратуры никакой ансамбль не прозвучит. Поэтому, вооружившись паяльниками, «Дьяволята» из двух усилителей «УЭМИ-50» собрали один, более мощный, стоваттный. Потом сами сделали колонки. Получились они очень большими и тяжёлыми, особенно басовая, которая была более метра в высоту и почти метр в ширину. По первому времени музыкантам приходилось самим носить эту тяжесть, но позже, с ростом популярности группы, у «Красных Дьяволят» появилась группа поддержки – крепкие ребята, которые были готовы потаскать аппаратуру ради того, чтобы попасть на концерт.

Уже в первые дни существования «Красных Дьяволят» к квартету «первачей» присоединился ещё один музыкант – гитарист Владимир Коньков. В принципе он всегда был рядом, поскольку дружил с Вадимом Андреевым и Рубеном Тер-Сааковым, но держался несколько в стороне, поскольку не проявлял никакого желания играть в факультетских агитбригадах и

бренчал на гитаре исключительно для своего удовольствия. Но когда друзья позвали его войти в состав бит-группы, Коньков тут же откликнулся.

Гордость МВТУ имени Баумана – бит-группа «Красные Дьяволы»

Виктор Уланов, легендарный директор «Красных Дьяволят»

Студентка МВТУ Наталья Тетерина стала одной из первых солисток в русском роке

Барабанщик Вадим Андреев

Первые два месяца «Дьяволята» репетировали каждый день, с шести до одиннадцати вечера, и к Новому году подготовили концертную программу на два отделения, в которую вошли и инструментальные пьесы из репертуара групп The Shadows и The Searchers, и модные биг-битовые хиты, например «She's a Woman» и «No Milk Today».

В зимние студенческие каникулы «Красные Дьяволята» отправились в подмосковный Воскресенск, где администрация МВТУ арендовала для своих студентов дом отдыха. Это была очень продуктивная поездка. Музыканты получили в своё распоряжение целый зал Дома культуры, днём они репетировали, а вечером, через день, играли танцы. «Две недели мы провели прекрасно, сочетая каникулы с репетициями», – с удовольствием вспоминает клавишник Александр Соловьёв.

А представителем профкома, то есть фактически руководителем этого студенческого лагеря в Воскресенск поехал Виктор Уланов, который был также исполняющим обязанности председателя правления Дома культуры МВТУ. Он был молод, полон сил и энергии, а романтика биг-бита абсолютно соответствовала его жизненным установкам. Виктор Уланов подружился с музыкантами и в итоге стал директором «Красных Дьяволят».

Потом в ансамбле появилась певица Наталья Тетерина (в 1970-х она переехала в Швецию).

Чуть позже Владимир Коньков привёл в ансамбль своих школьных друзей-иранцев Адыла и Бетиса. Причём Адыл – по национальности азербайджанец, в Иране очень много азербайджанцев, а Бетис был персом и чуть ли не князем. То, как они попали в Россию, очень интересная история. В 1920-х годах армия главы мирового пролетариата Лейбы Давидовича Троцкого не смогла вовремя остановиться и прокатилась по территории Ирана, установив в нескольких его провинциях светскую власть. Но из Кремля была дана указивка: «Вы чего, ребята?! Обалдели? Вы куда закатились?! Ну-ка, быстро назад!» Вместе с покинувшей страну Красной армией вынуждены были уйти и те семьи, что поддерживали светскую власть в Иране. Адыл и Бетис были потомками тех эмигрантов.

У Адыла и Бетиса были красивые сильные голоса с мощной рок-н-ролльной подачей и – что ещё более важно – хороший английский. Когда Адыл исполнял «Long Tall Sally» и «Tutti Frutti», публика немедленно пускалась в пляс.

«Красные Дьяволята» сразу же стали знаменитостями у себя в институте. Бывало, это помогало в учёбе. Участники популярной рок-группы могли прийти сдавать зачёт или даже экзамен и услышать от преподавателя следующее: «А! Наши „битлы“ пришли! Слышал, как вы играли вчера! Ну, давайте ваши зачётки – поставлю вам „отлично“! Не забудьте позвать, когда будете играть снова...»

«Объединяющим центром был, конечно, наш Дом культуры, – рассказывает Виктор Уланов. – У нас там были устные журналы, куда приглашались многие, даже Солженицын. Я встречал его на проходной...

Бывал у нас и опальный Высоцкий, и парапсихолог Новиков, который вообще был запрещён советской властью. А однажды даже пригласили специалиста по русскому мату! Восемьсот человек сидели в зале и слушали лекцию про русский мат с иллюстрациями!

Спасались мы только одним: „У нас режим! Посторонних у нас быть не может!“ Поэтому нам было позволено гораздо больше, чем другим вузам, где были открытые Дома культуры.

А какие замечательные студенческие коллективы у нас работали! У нас был и неаполитанский ансамбль, и хор „Гаудеамус“, и камерный оркестр, был у нас и свой джаз-клуб, а вот ниша рока (или бита, как его тогда называли) некоторое время была пуста. Общественное мнение же снизу подпирало: „Давай рок-н-ролл!“ Поэтому, когда появился ансамбль „Красные Дьяволята“, администрация Дома культуры взялась за него всерьёз».

Профком МВТУ и администрация Дома культуры приобрела для музыкантов нужные инструменты и пошила сценические костюмы. Первые костюмчики были сделаны под битлов: удлинённые жилетки из красного вельвета. И дальше пошло-поехало.

Музыканты «Красных Дьяволят» рассказывали, что самый лихой концерт состоялся 31 августа 1968 года на празднике посвящения в студенты у памятника Н. Бауману во дворике МВТУ, когда ансамблю внимали несколько тысяч абитуриентов и преподавателей. (Кстати,

именно во время этого выступления «Дьяволята» познакомились с первокурсником Валентином Некрасовым, который вскоре стал полноправным участником ансамбля.)

Отличный концерт получился и в актовом зале училища на вручении дипломов, когда несколько тысяч человек начали плясать так, что погнулись балки и чуть не рухнул потолок. После того концерта актовый зал надолго закрыли на ремонт...

По велению своего времени «Дьяволята» постоянно стремились экспериментировать с музыкой: то придумают какую-нибудь сюрную штучку, например «Смерч в пустыне», инструментальный импровиз с восточными делами, то создадут музыкально-просветительскую композицию «С гитарой через века и страны», в которой, начиная с ситара, с дохристовых эпох, показали, как эволюционировала гитара. Но все эти вещи, конечно, исполнялись для «своих», для тех, кто мог оценить глубину творческого эксперимента. Вообще «Дьяволята» всегда старались проводить небольшой шоу-маркетинг. Они быстро выяснили, что если столичные студенты предпочитают «фирменные» твисты и шейки, то в каком-нибудь колхозном Доме культуры – а судьба и туда заносила наших героев – с «фирменным» репертуаром можно было погореть, там лучше шли частушки типа: «Меня матушка жалеет, а папаша бережёт: как иду я со свиданья – он с поленом стережёт...»

Осенью «Красные Дьяволята» приехали с концертами в подмосковную Дубну. Это были полноценные концерты, в двух отделениях и, как положено, с танцами до упаду. Там ребята познакомились с Сергеем Поповым, музыкантом дубнинского ансамбля «Фобос». Сергей спел несколько своих песен, которые произвели настолько сильное впечатление, что «Дьяволята» решили взять их в свой репертуар.

Песни Сергея Попова «Водовоз», «Некрасивая», «Осень», «Окна», «Кажется, во сне» принесли группе славу. Теперь «Красных Дьяволят» жаждали слышать не только в стенах МВТУ, но и в других вузах.

Рассказывает Виктор Уланов: «Если нас приглашала выступить какая-нибудь организация, например Дом культуры какой-нибудь фабрики, я топал в гараж, где работал наш приятель Валера Калмыков. Он был водителем автобуса ЛАЗ – шикарной по тем временам машины. Я говорил:

– Валера, у нас завтра гастроль.

Он отвечал:

– Хорошо, тогда я поддавать не буду.

Валера подъезжал на своём ЛАЗе к старому зданию, мы спускали с третьего этажа наше барахло, грузились и ехали на точку. Валера самостоятельно выхлопывал себе пропуск на выезд: это была его проблема, как выехать и как въехать. Он был с нами в доле, получал по десятке за вечер, а это – нормальные деньги.

Возвращаясь после концерта в МВТУ, мы снова затаскивали аппаратуру на третий этаж. Иногда принимали по рюмке, иногда сразу разбегались домой. А завтра опять – обычный день...»

Однажды «Дьяволята» играли в Сокольниках, в Доме культуры какой-то фабрики, которая производила картофельные чипсы. Устроители расплатились с музыкантами своей вкусной продукцией – найти её в московских магазинах было невозможно. Огромная коробка этих чипсов потом целый месяц лежала дома у Валентина Некрасова – за один присест их съесть не удалось.

«В принципе мы находились в достаточно благоприятных условиях: мы были относительно свободны в своих помыслах и даже финансировались своим институтским начальством, – вспоминает Виктор Уланов. – Но если до ректората или парткома доходила информация, что мы тайком выезжали куда-то на сторону, используя институтский автотранспорт, то возникал вопрос: „Выезжали? А у нас не числится... Мы не знаем...” Иногда это сходило с рук, а иногда меня вызывали на ковёр. По их мнению, контроль должен был быть тотальным.

И они знали, кого в этом случае надо дёргать, ведь в Доме культуры я был официальной фигурой: председатель правления Дома культуры. Но я „валял дурку“, „шлангом прикидывался“: „Ездили? Я разберусь!“ Система была железная: ага! Вызван, допрошен. И они ставили себе „птицу“. А завтра уже другие проблемы надвигались и так далее. Как правило, второй раз не вызывали. Хотя у меня всегда был наготове ответ: „Я разобрался!“

Но один раз наш секретарь комитета комсомола Дорогомилов (потом он стал секретарём райкома партии) остановил меня на парадной лестнице, на третьем этаже – это был наш парадный этаж, где сидели ректор и проректор, – и говорит:

– Опять твои ребята чего-то там начудили!

– Какие мои ребята?!

– Да „Дьяволята“ твои!

Я думаю: „Ага! Даже Дорогомир знает, что “Дьяволята” – мои!“ И я говорю:

– Я с ними разберусь! – и чуть ли не ногой топаю.

– Ты смотри! Поосторожней! – говорит мне Дорогомир.

На этом все затихло, но тот разговор я запомнил на всю жизнь».

«Нельзя сказать, что нас притесняли, – говорит Михаил Рапота. – Не надо забывать, что четверо из нашей группы были детьми довольно высокопоставленных офицеров...»

Но Вадим Андреев считает иначе: «Это не есть заслуга наших отцов. Родители в большей степени в то время отвечали за наш внешний вид. Они требовали, чтобы мы все были подстриженные, потому что не дай бог, чтобы волосы перерастали на два пальца вниз. Тогда папа-генерал говорил мне: „Пора... Пора... Пора...“ И мы блюли честь семьи».

Те проблемы, что временами возникали у музыкантов, были связаны с учебным процессом. Так, например, гитарист группы Володя Коньков в основном занимался музыкой и на лекции ходил в свободное от гитары время. Разумеется, в конце концов у него появились хвосты, сдать которые оказалось затруднительно.

Валентин Некрасов

Отец Конькова, занимавший высокий пост в КГБ, решил отправить сына на армейскую службу, причём как можно дальше от Москвы. Но на призывном пункте младший Коньков познакомился с молодым майором, который, как оказалось, тоже увлекался рок-музыкой. Когда он узнал, что Коньков – гитарист настоящей рок-группы, то выскочил из-за своего стола

и запел какую-то битловскую песню. И Коньков получил направление под Мытищи, в муззвод. Отец, узнав об этом, рассердился: «Тебя из-за рока из института отчислили, а теперь ты хочешь и армию в рок-ансамбль превратить?!» В итоге Володя Коньков поехал служить на советско-китайскую границу, где был проводником собаки. Но и там он не расставался с гитарой.

Демобилизовавшись, Коньков поступил на работу в спецслужбы и в недрах КГБ собрал настоящую рок-группу. (Когда Авторское телевидение снимало фильм «Сорок сроков рока», в котором рассказывалось о первом поколении рокеров, Владимир Коньков поведал, что в КГБ существовало несколько рок-ансамблей, причём самый популярный из них – «Оптимисты» – был создан в 9-м правлении КГБ. «Они были снабжены уникальной по тем временам аппаратурой: у них был первый в Москве „Динакорд“!» – так рассказал в интервью Владимир Коньков.)

Время шло, «Дьяволята» заканчивали учёбу, защищали дипломы и покидали стены родного вуза, и вместе с тем оставляли за спиной и подмостки рок-н-ролльной сцены. В 1970 году из группы ушли Вадим Андреев и Рубен Тер-Сааков, следом – Михаил Рапота, Наталья Тетерина и Виктор Уланов. Из старого состава остались только Александр Соловьёв и иранец Адыл. Место за барабанами занял Александр Астафьев, который уже подменял Андреева, когда тот уезжал на гастроли с агитбригадой своего факультета. Из ансамбля «Бальзам», который существовал при английском клубе MBTU, пришли Валентин Некрасов (ритм-гитара, вокал) и Валерий Гелюта (лидер-гитара).

«Красные Дьяволята» не распались. Но звук группы изменился. Валерий Гелюта тогда усиленно занимался у гитариста Сергея Дюжикова и был увлечён экспериментами Джимми Хендрикса, поэтому он привнёс в саунд ансамбля лихой отвяз ритм-энд-блюза.

А ещё с приходом 1970-х изменилась атмосфера, в которой жили советские люди. Из жизни исчезли романтика и героизм. С самых высоких трибун было заявлено, что раньше, пока социализм ещё только строился, от людей требовались выдержка и героизм, но теперь, когда социализм уже построен, героизм больше не требуется. Но это не по-молодёжному – сидеть сложа руки. «Дьяволята» хотели жить той жизнью, к которой они привыкли и которую так любили: играть на гитарах, выступать на концертах, радовать окружающих своей музыкой. Да просто шалить, в конце концов! Но теперь шалости, которые ещё недавно казались абсолютно невинными, получили тенденцию оборачиваться всяческими неприятностями.

Валентин Некрасов рассказывает: «Однажды Артур Макарьев, который тогда работал в Замоскворецком райкоме ВЛКСМ, пригласил нас выступить на вечере для югославских строителей, которые здесь якобы строили путепровод. Мы согласились, приехали в какое-то кафе близ Павелецкой, расставили аппаратуру, и тут заходят эти „югославские строители“. Я говорю Соловьёву: „Саша, по-моему, это не югославские строители. Послушай! Они же говорят по-немецки!“ Оказалось, что это – западные немцы. Правда, действительно строители. Когда мы вернулись в институт, я говорю Саше, который был у нас художественным руководителем, что нужно идти докладывать к заму по режиму. И Саша пошёл. Потом он рассказывал: „Я пришёл к нему, говорю, что, мол, так и так, нас пригласил Замоскворецкий райком комсомола, мы выступили, думали, что там будут югославские строители, но оказалось, что там были не югославские коммунисты, а немецкие строители, причём из ФРГ...“ Руководитель по режиму ему и говорит: „Я всё знаю. И очень хорошо, что ты это рассказал. Мы теперь не будем сотрудничать с Замоскворецким райкомом комсомола, потому что они нас обманули“...»

Потом случилась такая история. Группа Валентина Некрасова «Бальзам», которая стала уже довольно популярной, выступала на институтском вечере «Будем знакомы», и на этот концерт проникло человек двадцать ребят с длинными волосами, в джинсах и холщовых рубашках. То есть они просто перелезли через забор на территорию режимного вуза. В итоге за ними приехал наряд с Лубянки, директор Дома культуры Павел Юрьевич Гуревич получил строгий

выговор, а музыканты почти целый месяц вынуждены были доказывать разным контролирующим органам, что «Back in The USSR» – это вовсе не «убёг из СССР», что это отнюдь не антисоветская песня.

Второй состав «Красных Дьяволят» стал последним в истории группы. Почему? Время, наверное, настало не очень рок-н-рольное. Кроме того, не надо забывать, что «Дьяволята» поступали в МВТУ прежде всего для того, чтобы заниматься наукой и новейшими инженерными разработками. В Советском Союзе быть учёным считалось очень престижно. Бауманский институт давал своим студентам серьёзные знания, поэтому выпускников МВТУ рады были видеть везде: Вадим Андреев работал в спецслужбах, Михаил Рапота стал дипломатом, Валерий Гелюта отправился военным советником в Ирак, где, к слову, играл рок-н-ролл на приёмах у Саддама Хусейна, Валентин Некрасов тоже выбрал работу согласно полученной в вузе специальности. Музыка стала делом жизни лишь одного из «Дьяволят» – клавишника Александра Соловьёва.

Однажды на традиционной встрече однокашников Валентин Некрасов задал своим друзьям провокационный вопрос:

– Если бы у нас была возможность не идти по стезе инженерной, а продолжать заниматься музыкой, продолжили бы?

– Я – да, – ответил Михаил Рапота, – а Вадик Андреев – нет.

– Мы пришли учиться в институт, который готовил специалистов для военной промышленности, и впоследствии это оказалось более интересным, чем музыка, – подтвердил Вадим Андреев.

– А на мою судьбу «Красные Дьяволята» повлияли очень сильно, – сказал Виктор Уланов. – После МВТУ меня распределили в закрытую систему Минобщемаша, и быть бы мне инженером, потому что оттуда выхода не было. Но на моё счастье из горкома комсомола заглянул к нам некий Дима Данкин, который, к слову, тоже окончил МВТУ, и спросил: «А кто у вас здесь крутит культмассовые дела? Мне нужен человек в горком!...» И ему указали на меня. Мне тут же сделали открепление из Минобщемаша, а в горкоме комсомола приняли на работу в студенческий отдел, где я занимался двумя направлениями: студенческой самодеятельностью и творческими вузами. А после этого пошло: учёба в аспирантуре ГИТИСа, работа в Министерстве культуры РСФСР, затем – в Союзконцерте... Так всю жизнь после МВТУ я проработал культуртрегером, импресарио.

– Все, кто прикоснулся к музыке, – подвёл итог тому разговору Валентин Некрасов, – в чём-то изменились. Помните наши юношеские идеи, когда мы хотели если стать не The Beatles, то, по крайней мере, не менее крутыми? Эта мечта повлияла на всю нашу дальнейшую жизнь...

Часть 2. Московский энергетический институт (МЭИ)

Едва закончилась Великая Отечественная война, Москва стала стремительно строиться. Причём возводились не только жилые дома, но и – возможно, в первую очередь – новые институтские здания.

Символично, что новые корпуса Московского энергетического института строили родители нашего легендарного продюсера Юрия Айзеншписа. А сам Юрий Шмильевич, ещё школьник, возвращаясь с уроков домой (семья Айзеншписов жила тогда на Лефортовском Валу), стремился пройти мимо величественных зданий МЭИ, хотя для этого ему приходилось делать небольшой крюк. Видимо, там уже чувствовались те чудесные вибрации, которые спустя некоторое время дадут толчок для рождения в СССР бит-музыки.

В 1965 году отца Николая Курьерова, будущего басиста группы «Тролли», направили служить из Волгограда в Москву. В столице семья Курьеровых разместилась в служебной квартире на Шаболовке. На следующее после переезда утро, когда отец и мать ушли на работу, Коля Курьеров решил отправиться посмотреть Кремль. Постеснявшись спросить дорогу, он сел на трамвай, справедливо рассудив, что трамвай должен везти в центр города, ведь именно так было у них в Волгограде. Ехать пришлось долго. Коля неотрывно и с восхищением смотрел в окно. «Да! Москва – большой город!» – думал он про себя.

Самый первый состав группы «Тролли»: Михаил Мошков, Николай Курьеров, Евгений Балакирев, Анатолий Мошков, Михаил Нестеров. Декабрь 1966 г.

Юноша вылез из трамвая возле какого-то необычайно красивого здания с колоннами. Приглядевшись, он прочитал надпись: «Московский энергетический институт».

– А где же тут Кремль? – спросил осмелевший Коля прохожих.

– Кремль отсюда далеко, – ответили ему. – Тебе, парень, надо сесть на трамвай и ехать в обратную сторону...»

На следующее утро отец сказал Коле:

– Твой приятель учится в Московском энергетическом институте. Может, и тебе подать туда документы? Поезжай, встреться с ним, он тебе расскажет, что и как надо делать. Вот тебе адрес...

– Папа, я уже знаю, где находится МЭИ! – радостно закричал Коля и отправился по знакомому маршруту подавать документы в вуз.

Спустя год в Московском энергетическом институте родилась группа «Тролли», одним из создателей которой стал Николай Курьеров.

Николай Курьеров

Как всегда, всё произошло совершенно случайно. Будущие музыканты группы «Тролли» встретились 7 ноября 1966 года в ДК МЭИ на концерте ансамбля «Идолы». Несмотря на то что «Идолы» учились в МВТУ имени Баумана, они часто выступали в МЭИ, ведь бит-групп существовало ещё мало, а потребность в новой музыке была уже велика.

Двое ребят, приехавшие учиться в энергетический институт из Волгограда – Николай Курьеров и Вячеслав Аракелов, – тоже хотели создать бит-группу, поэтому старались не пропускать ни одного выступления «Идолов», стремясь во время концертов оказаться поближе к музыкантам.

«Идолы» постепенно стали примечать ребят, тем более что им нужны были свои люди в энергетическом институте, которые могли бы при необходимости помогать чинить самодельную аппаратуру. Усилки и колонки были ещё несовершенны, поэтому даже во время концертов приходилось что-то паять и менять сгоревшие лампы. Наши кулибины доставали откуда-то советские лампы, благодаря которым звук был вполне сносным, но они быстро сгорали, поэтому на концерт приходилось брать по два-три комплекта: как только лампа сгорала, её тут же, горячую, вынимали и вставляли новую, а концерт тем временем продолжался.

Николай и Вячеслав оказались талантливыми техниками, не раз хорошо проявившими себя в нештатных ситуациях. Но вместе с «Идолами» часто приезжали и их собственные техники – Михаил Мошков и Михаил Нестеров. И вот 7 ноября 1966 года за кулисами концерта «Идолов» две конкурирующие компании обменялись паролями.

– А мы делаем группу! – важно объявил Миша Мошков.

– И мы делаем группу! – ответил Коля Курьеров.

– Слушайте, а чего мы будем делать группу каждый по отдельности? – спросил Миша. – Давайте делать группу вместе!

Тут же они начали расспрашивать друг друга, у кого какие есть инструменты? И выяснилось, что у Коли Курьерова были гитара и самопальный усилитель, а у Миши – почти готовый комплект усилительной аппаратуры и барабанчик-«троечка».

«Нас объединяли общие музыкальные интересы, – вспоминал Николай Курьеров. – А кроме того, всем нам хотелось чего-то добиться».

Название для группы прилетело оттуда же, откуда пришла и сама рок-музыка, с Британских островов. Родственница братьев Мошковых привезла из заграничного круиза куклу – весёлого и задиристого тролля. Эта очаровательная мягкая игрушка была так не похожа на тех жёстких пластиковых кукол, которые заполнили магазины в СССР, и так понравилась ребятам, что они решили назвать свою группу «Тролли», и даже сделали себе для концертных выступлений майки, на которых была нарисована эта игрушка.

«Когда я впервые увидела „Троллей“, то меня потрясло, что они все были в майках, и на каждой майке был нарисован тролль. Я была в восторге!» – вспоминала Лидия Ермакова, жена Юрия Ермакова, лидера группы «Сокол».

«Этот тролль стал лицом группы», – поддержал супругу Юрий Ермаков.

Группа «Тролли»

Начались репетиции. Николай Курьеров играл на гитаре, Михаил Мошков – на барабанах, Михаил Нестеров – на бас-гитаре. (Забегая немного вперёд, скажу, что в 1968 году Мишу Нестерова забрали в армию, и его заменил Михаил Черепанцев, студент Московского химико-технологического института.) Анатолий Мошков, брат Михаила, сначала пытался освоить ритм-гитару, но у него это не очень получилось, и в конце концов он занял место за роялем, но главное – в ходе репетиций выяснилось, что он был обладателем сильного красивого

голоса. Вячеслав Аракелов по семейным обстоятельствам был вынужден уехать из Москвы и вернуться домой, в Волгоград. Но чуть позже в состав группы вошёл ещё один волгоградец, приехавший учиться в МЭИ, – клавишник Евгений Балакирев.

Сначала репетировали на том, что было под руками. А потом Миша Мошков на своей работе отстрогал первую аппаратуру. Он работал инженером в институте Академии наук СССР, располагавшемся на Пятницкой улице в салатового цвета особнячке XVIII века, который стоял напротив розового храма Троицы в Вишняках. В том же институте под Новый год состоялось первое выступление «Троллей». Дебют прошёл вполне удачно, и ребята решили показаться на танцах в родном энергетическом институте.

Танцевальные вечера, которые проводились в МЭИ, славились на всю Москву. Поскольку в энергетическом училось много иностранных студентов, то в институтском Доме культуры работал Иностранный клуб, который устраивал так называемые интервечера, на которых обязательно звучал рок-н-ролл. Среди тех, кто создавал в МЭИ первые рок-группы, были в основном студенты из стран соцлагеря – из Болгарии, Польши и Венгрии. Огромной популярностью пользовался ансамбль «Архимеды», который организовали чехословацкие студенты, но после пражских событий 1968 года эти «Архимеды» ушли в тень. Самым сильным и продвинутым считался индонезийский ансамбль «Экватор», ведь музыканты этой группы приехали учиться в СССР из настоящей капиталистической страны и у них были «фирменные» инструменты и очень хорошая звукоусилительная аппаратура.

Рассказывают, что, когда в МЭИ проходили эти интернациональные вечера, туда собирались тысячи студентов со всей Москвы. Жаждавших потанцевать под настоящие биг-бит-бенды было столько, что толпа порой запруживала всю улицу перед институтом. Выступления групп проходили одновременно на четырёх разных этажах, поэтому в танцах принимало участие сразу несколько тысяч человек. Тогда был моден танец «вули-були», придуманный британской группой Sam The Sham And The Faraoahs. Люди становились шеренгами и начинали двигаться, синхронно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Из-за этих синхронных движений здание энергетического института ходило ходуном, а пол и потолок прогибались на несколько сантиметров.

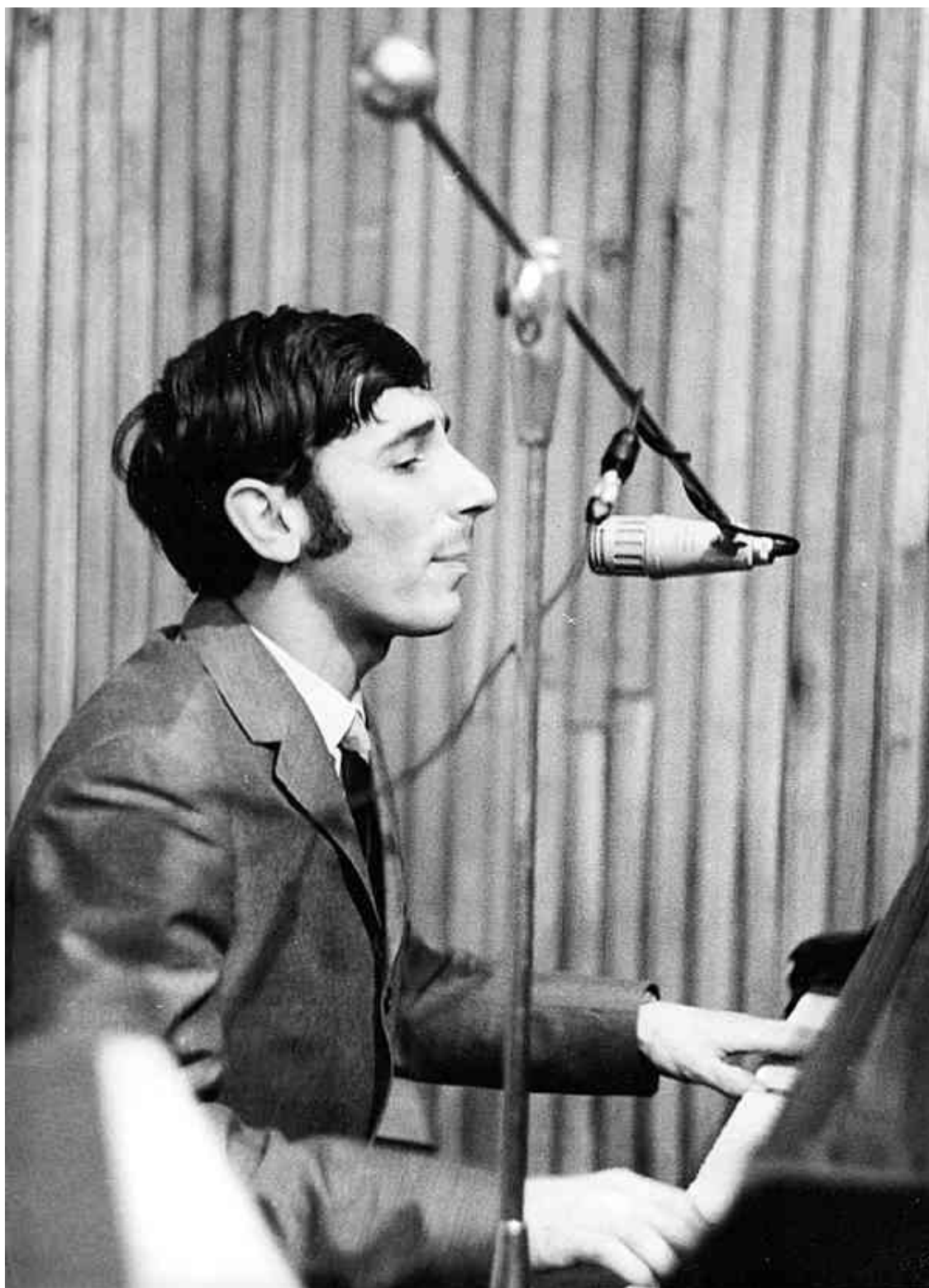
Подчиняясь зову биг-бита, вслед за иностранцами начали собирать свои бенды и советские студенты, учившиеся в МЭИ. Первыми были ансамбли «Искатели», которым руководил Артур Безруких, и «Гармония», в составе которого пели Стахан Рахимов и Алла Йошпе.

Вскоре и «Тролли» включились в число тех, кто гнал по Москве волну современной музыки.

По моде того времени у «Троллей» было два репертуара. Первый состоял из популярных зарубежных шлягеров, которые исполнялись нашими героями на танцульках в их родном МЭИ или в Менделеевском институте, где учился басист Михаил Черепанцев. А к 1969 году «Тролли» подготовили концертную программу, в которой преобладали арт-роковые и психоделические композиции. Этот репертуар исполнялся исключительно в залах, где публика могла сидеть и внимательно слушать музыку.

«Тролли» у храма Василия Блаженного: Михаил Нестеров, Евгений Балакирев, Николай Курьеров

Евгений Балакирев

Едва «Тролли» начали выступать, как сразу же почувствовали вкус привилегий, которые давала массовая популярность. Николай Курьеров рассказывал, что однажды, когда музыканты репетировали в актовом зале своей общаги, прибежал запыхавшийся Михаил Мошков и сообщил, что в соседнем корпусе играет группа «Сокол». Ребята поскорее убрали свои инструменты и поспешили на звуки биг-бита. Когда они примчались в другой корпус, маленький зальчик, в котором выступал «Сокол», был уже забит до отказа, а поклонники музыки всё

подходили и подходили. Наши герои уже были готовы смириться с тем, что концерт придётся слушать из коридора, как вдруг их узнали: «Группа пришла! Группа!» Люди расступились и дали возможность «Троллям» протиснуться в первые ряды, где они смогли не только воочию наблюдать за выступлением своих кумиров, но и пообщаться с ними. (После того концерта началась дружба музыкантов обеих групп, и когда «Сокол» прекратил своё существование, то его гитарист Юрий Ермаков вошёл в состав «Троллей».)

Клавишник «Троллей» Евгений Балакирев с удовольствием вспоминал, что, когда группа вышла на пик своей популярности, музыкантов стали узнавать даже на улице и в общественном транспорте: «Было дело, в метро ко мне подошли две девушки и спросили:

– А вы в „Троллях” играете?

„О! – думаю. – Ещё чуть-чуть, и мы будем на Красной площади играть!”»

Ну, на Красной площади они, конечно, не играли, поскольку на Красной площади никому тогда играть не позволялось, зато в 1968 году выступили на Калининском проспекте.

У «Троллей» был один знакомый, который однажды приехал к ним на репетицию и сообщил: «Ребята, мы будем снимать вас на телевидении! Есть программа, в которой зрители задают вопросы, а ведущие на эти вопросы отвечают. Вопрос будет такой: „Кто такие тролли?” – и покажут вас».

Музыкантов привезли на Калининский проспект, туда, где за почтамтом стоит маленькая церквушка, и поставили перед ней на поляне. Женя Балакирев тогда как раз сочинил инструментальную пьесу «Зори Москвы», и Михаил Мошков решил, что исполнить надо именно её. И этот номер действительно сняли и показали по Второй программе Центрального телевидения.

Во время того выступления на Калининском проспекте кто-то из прохожих спросил наших героев:

– Почему название вашего ансамбля – «Тролли»? Ведь тролли – это злые гномики! Значит, вы тоже злые гномики?

– Почему злые? Тролли – это добрые, хорошие волшебники! – ответили музыканты.

Возможно, именно игрушечный тролль, служивший талисманом для этих ребят, помог им найти новую репетиционную базу в ДК «Химик» – в Доме культуры Дербенёвского химзавода, здание которого до сих пор стоит на углу Дербенёвской набережной и Жукова проезда, а потом в том же Доме культуры устроил конкурс рок-групп, на котором «Тролли» заняли первое место. Возможно, это тролль познакомил ребят с Давидом Тухмановым, который подарил им песню «Шире круг».

К сожалению, тролль не смог уберечь наших героев от кражи инструментов, которая случилась в ДК имени Ленина, что на Соколиной горе близ метро «Семёновская». Видимо, он слишком доверчиво относился к людям, которые вращались в рок-сообществе.

«Приезжаем мы туда, разгружаемся, – вспоминает Николай Курьеров, – но перед нашим выступлением была какая-то торжественная часть, из-за чего мы не могли сразу поставить аппаратуру на сцену. Нам выделили какую-то кладовочку, куда мы и сложили все инструменты. И вот кончается торжественное мероприятие, заходим мы в эту комнату, а „балалаек”-то наших нет! Это был большой удар для нас...»

Зато в 1972 году, когда группа распалась, наш хитрый тролль привёл Николая Курьерова и Михаила Мошкова в «Арсенал» к Алексею Козлову. Они вместе выступали на концертах в Доме учёных, в американском посольстве, ездили на гастроли в Таллин. Поскольку у «Арсенала» в то время ещё не было собственной аппаратуры, то Михаил и Николай одалживали на концерты порталы и усилители, которые у них остались со времён «Троллей». Сначала всё шло более-менее хорошо, но, когда Козлов задумал перейти в профессионалы, Мошков и Курьеров покинули «Арсенал».

Но тролль снова пришёл на помощь: в 1976 году Николай и Михаил создали группу «Воспоминание о Будущем», в состав которой вошёл ещё один герой 1960-х – Юрий Ермаков (экс-«Сокол»). Группа «Воспоминание о Будущем» просуществовала до 1984 года.

Вот так и выходит, что этот тролль заботился о наших героях целых восемнадцать лет.

– Когда я приехал на постоянное место жительства в Америку, – говорит Евгений Балакирев, – то первым делом купил в магазине трёх троллей: дяденьку, тетеньку и маленького ребёночка.

– А у меня дома лежит майка с изображением нашего тролля, – подхватывает радостное воспоминание Николай Курьеров. – Я её иногда надеваю!

А сам игрушечный тролль-талисман, который все годы существования группы хранил и оберегал наших героев, до сих пор хранится дома у Надежды Мошковой.

* * *

В 1968 году, когда музыканты «Троллей» учились уже на старших курсах, в МЭИ появилась группа «Оловянные Солдатики», которая благодаря весёлым и остроумным песням на русском языке очень быстро стала популярна не только среди студентов родного энергетического института, но и среди любителей рок-музыки всей Москвы.

Кстати, первоначально «Оловянные Солдатики» именовали себя иначе – «Бегемоты». А так как по-научному бегемоты назывались «Hippopotamus», то корень этого слова «hip» указывал на филологическую связь с таким явлением, как хиппи! Таким образом наши музыканты подчёркивали свою солидарность с новым молодёжным движением, охватившим тогда весь мир.

Инициатором создания ансамбля стал студент энергетического института Юрий Лашкарёв. Накал рок-н-ролла в Москве в 1968 году был уже таков, что, едва поступив в вуз, то есть обретя реальную самостоятельность, Юра уже начал думать, как бы собрать собственный ансамбль. Затусовавшись на «Филодроме» – было такое укромное местечко на втором этаже института, – и увлечённо рассказывая о своих походах на сейшен, где выступали «Сокол», «Аргонавты», «Бобры» и «Меломаны», Юра быстро нашёл единомышленников, которые готовы были, подхватив гитары, отправиться в рок-н-рольное путешествие. Вот только барабанщика никак не могли найти. Тогда Лашкарёв предложил позвать на вакантное место ударника своего приятеля-одноклассника Виктора Гусева, который тогда учился в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ). Тот, правда, тоже не умел играть на барабанах, но Юра каким-то образом сумел убедить товарищей, что для его приятеля освоить барабаны – раз плюнуть.

Так в энергетическом институте появилась группа «Бегемоты», в состав которой вошли Юрий Лашкарёв (бас), Юрий Тимофеев (гитара, вокал), Александр Музыченко (гитара, вокал) и Виктор Гусев (барабаны).

Комитет комсомола горячо поддержал идею создания нового ансамбля, и вскоре наши музыканты гордо прошеествовали на склад институтского Дома культуры, где им были выданы усилители, с которыми худо-бедно можно было репетировать.

В том же году состоялись первые гастроли новой группы: летом «Бегемоты» отправились в составе институтского стройотряда в Мирный. Кстати, именно там, а не в Москве состоялся дебютный концерт ансамбля. «Бегемоты» исполняли песни из репертуара Shadows, The Beatles и других английских бит-ансамблей.

Когда «Бегемоты» вернулись домой, в группе произошёл раскол, и совершенно непонятно, как развивались бы события дальше, если бы Юрий Лашкарёв, будучи на картошке – а

осенняя поездка на уборку картофеля всегда и во всех вузах имела формообразующее значение, – не встретил бы Сергея Харитонов.

«Он вместе с одним парнишкой из его группы на два голоса пел песни „Битлз“, – вспоминает Юрий, – и было полное ощущение, что это звучит трек с пластинки. На меня очень действовали их чёткость, раскладка на голоса и то, как они держали ритм. Я тогда сказал Гусю, что надо обязательно разыскать этого классного чувака и пригласить его в группу...»

Сергей Харитонов выступал тогда в составе институтского джазового ансамбля «Ритм». Этот ансамбль был очень популярен среди студентов МЭИ, но Сергей сразу же откликнулся на приглашение Юры Лашкарёва, ведь песни The Beatles ему хотелось играть больше всего на свете.

«У нас дома, в коридоре, – рассказывает Сергей Харитонов, – стоял сохранившийся с давних времён ламповый приёмник. Для меня он был окном в мир. Помню, что на шкале настройки было написано: „Рига“, „Вильнюс“, „Нью-Йорк“... И вот однажды я крутил риску на этом приёмнике, и вдруг из хаоса звуков появляется: „А теперь послушайте The Beatles!“

А вообще-то я учился играть на фортепиано. Когда все мальчишки из нашего двора играли в футбол, меня тащили к училке, которая жила у метро „Октябрьская“ (тогда эта станция называлась „Калужская“). Она ела бутерброд с сыром и колбасой, пила чай и одновременно стучала мне по пальцам: „Не так! Не так ты играешь!“ Мне на всю жизнь запомнился запах её бутербродов.

А потом появились The Beatles, и музыка приобрела смысл. Первой битловской песней, которую я запомнил, была „I'm Looser“ („Неудачник“), а первой песней, которую я разучил, была „Hard Days Nights“...»

«Оловянные Солдатики»: Юрий Лашкарёв, Виктор Гусев, Андрей Горин, Сергей Харитонов

Но вот в чём была проблема: втроем нельзя сделать группу, ведь The Beatles играли вчетвером, а это значит, что надо было найти ещё одного музыканта. Тогда Сергей Харитонов пригласил в группу своего друга-битломана Андрея Горина.

Андрей учился в Московском авиационном институте и играл на барабанах в большом джазовом оркестре МАИ. Но однажды, желая показать своим подружкам, какой он ловкий и смелый, Андрей прыгнул с четвёртого этажа – и вышло это очень неудачно. Он свалился прямо на штaketник, и доска из забора проколола ему ногу. Играть на барабанах Андрей больше не мог, но благодаря этому несчастному случаю в полной мере раскрылись его вокальные и композиторские дарования – так часто бывает с людьми творческими, волевыми и целеустремлёнными.

Юрий Лашкарёв позже вспоминал, что Сергей Харитонов охарактеризовал своего приятеля как «абсолютного хиппи», поэтому он ожидал встречи с парнем в рваных джинсах и с длинными волосами. Но на очередную репетицию «Оловянных Солдатики» в ДК МЭИ пришёл солидный чувачок с тросточкой в руках. Он взял гитару и заиграл «Sounds of Silence» Саймона и Гарфанкела. И хотя гармония этой песни была достаточно простая, тем не менее Лашкарёв был восхищён, насколько ловко всё выходило у их нового знакомого.

В разгар гитарного джема пришёл запоздавший Гусев, поздоровался и начал раскладывать свои барабанчики и тарелочки. А когда Горин, прихрамывая и опираясь на палочку, вышел перекурить, барабанщик шёпотом спросил друзей: «А он согласится с нами остаться?!»

Горин согласился.

Так сложился классический состав ансамбля «Оловянные Солдатики»: Андрей Горин (гитара, вокал), Сергей Харитонов (гитара, вокал), Юрий Лашкарёв (бас, вокал), Виктор Гусев (барабаны). Начинали ребята с исполнения хитов The Beatles и Саймона и Гарфанкела, но стали знамениты благодаря песням, которые сочиняли сами на русском языке...

«Все тогда мечтали сочинять песни на русском языке, а я – особенно, – рассказывает Андрей Горин. – Но я никак не мог это реализовать. Я пытался петь свои песни сам, под гитару, но всегда понимал, что нужны люди.

В 1967–1968 годах ансамблей было уже огромное количество. Ткни в любого парня: „Я на гитаре играю... у нас – ансамбль...” Людей было много, но как найти тех, кто тебе нужен? Тут ведь важно, чтобы случился некий зацеп.

И когда я встретился с Юркой, Серёгой и Виктором, я вдруг почувствовал, что мы не только одинаково музыку понимаем, мы и жизнь понимаем одинаково! Что меня притягивало к этим трём людям? Это были люди, которые кроме любви друг к другу ничего другого не испытывали. Ни желания подсидеть или кому-то перекрыть клапан, ни желания стать более популярным, чем кто-то другой, или пробить себя в музыкальной тусовке. Было просто потрясающе здорово быть вместе! Это была абсолютно чистая атмосфера. И это именно то, что я когда-то услышал у The Beatles...»

И как результат вскоре родилась первая песня на русском языке. Она называлась «Осталось немного печали». Следом появились и другие песни, которые немедленно стали популярными: «Баллада о водосточной трубе», «Воспоминания», «Старый крест» и многие другие.

Часто бывает так, что если начинает везти, то везёт сразу на всех фронтах. Тогда «Оловянным Солдатам» подвалило счастье обзавестись ещё и хорошей аппаратурой. Венгерские студенты, игравшие в институтском ансамбле «Вокс», защитили дипломы. Собираясь домой, они продали своим младшим товарищам комплект усилительной аппаратуры Beag, которая являлась предметом вожделения многих музыкантов.

– Это были «непереносимые» колонки, настолько они были тяжёлыми, – шутит Андрей Горин.

– Зато у других аппаратура была самодельная, – гордо говорит Юра. – А мы уже перешли на фирменные усилители и фирменную акустику. Мы стали самостоятельной единицей...

Тут же понеслись концерты. Музыканты «Оловянных Солдатики» до сих пор с восторгом вспоминают ту концертную зимнюю сессию 1969/70 года.

«Фактически у нас не было никакого репетиционного периода, – рассказывает Андрей Горин. – Я принёс в башке все песни, которые знал и мог изложить, и зачастую мы их играли на концерте, даже не репетируя. К себе, как к музыкантам, мы предъявляли минимальные требования, потому что и так всё было весело за счёт энергетики, харизмы, любви. Ребята смотрели на меня:

– Что мы сейчас играем-то?

Я говорил:

– Лови! Лови!

Это была хорошая школа!»

«Он иногда даже не говорил, какую вещь будет играть, – подтверждает Юрий Лашкарев. – Я ориентировался по его пальцам: смотрел и шёл за ним».

«В этом, кстати, был элемент, завораживавший нас самих, – говорит Андрей. – Я мог себе даже позволить, чтобы публика меня повела куда-то. Или вдруг мне хотелось сыграть ещё один проигрыш или спеть совершенно по-другому, и, хотя это происходило в процессе концерта, мне в тот момент казалось, что сыграть сейчас надо именно так, а никак не иначе. И они, бедолаги, находились в постоянном напряжении: куда меня понесёт? Но отсюда и лёгкость была! Это действительно было извержение чего-то такого, что происходит сейчас, сиюминутно. И это была постоянная нацеленность на приключение.

Я рискну сказать, что рок-н-ролл, каким он нам достался и каким мы его пытались нести дальше, это музыка любви, а вовсе не зла. Ты только твори! Твори сейчас, раскройся, потому что завтра тебе опять надо будет идти в институт, потом – на работу, а там – и... на кладбище. Поэтому я просто не мог отыграть концерт, не поменяв три майки, мокрые от пота. Мне надо было поднять людей, я не мог видеть безразличные глаза, для меня это всегда было личным оскорблением. Если народ на уши не встал, если не началась всеобщая истерия, я считал это выступление неудачным. Но если был кураж, то мы заводили любые залы.

Когда я был уже достаточно взрослым человеком, я увидел концерт Rolling Stones и понял, за что люблю эту группу! Это – беспрецедентная отдача! И вообще все первачи – это беспрецедентная отдача! И это – сумасшедшая любовь к тому, что ты делаешь...»

Конечно, самые отвязные концерты проходили в родном институте. В МЭИ обожали «Оловянных», потому что не было в Москве другого ансамбля, который мог бы сравниться с ними по посылу, по стёбу, по желанию всех поставить на уши, по исконной любви и доброте, которые кипели внутри музыкантов. И если какой-нибудь местный руководитель пытался остановить концерт – нет, не из-за идеологических причин, а просто потому, что время было уже позднее, – ему довольно веско объясняли, что не надо мешать отдыху студентов.

«И если он приходил закрывать концерт один, без охраны сорока дружинников, – вспоминает Андрей Горин, – то в итоге его находили где-нибудь за унитазом. А так всё было тихо и спокойно...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.